

**ДНЕВНИК НИНЫ ВАСИЛЬЕВНЫ
БРЕШКО-БРЕШКОВСКОЙ (1897-1974)**

1916 — 1919 г.г.

Подготовка текста и публикация Дмитрия Белановского

Москва, 2012

Тетрадь 1.

13 января 1916 г. Я даже не знаю, как начать мой дневник, так я отвыкла его писать. По правде сказать, не было ничего особенно достойного внимания. Нет никакого желания писать, настроение между тем смутное, точно нужно, что выполнить, я и сама не знаю что.

О ум лукавый!

Институт.

16 января 1916 г. Как скучно, сил нет! Сегодня утром была история. Боже, мне стыдно, зачем я написала эти слова. Т. довела меня до истерики. Тяжело! А, в сущности, грешно мне так говорить и даже думать. Господи, помоги! ... Да, жизнь не так хороша, как посмотришь. Скоро пришлось мне отказаться от моего смирения. На ногу себе нельзя дать наступать. Тогда только и уважать будут, а если не будут, то сама же вооружишься против людей, потому что надо уже ангельское терпение, чтобы сносить насмешки, пренебрежение и т.п. Вот об этом я говорила утром с мамочкой. Боже, как я люблю ее! Мужество мне необходимо, без него я совсем из рук вон. Мне тяжело. Я даже плакала, так горько вместе с бедной Лизой, как мне ее жаль. 1-го у нее умер папа, я об этом узнала еще 4-го из газеты и была *comme foudroyée*,^{*} верить не хотела. Вот все вместе, и самой-то тяжело, и на нее тяжело смотреть, я и расплакалась. Да и теперь глаза на мокром месте. Хоть бы Бог помог дотянуть до Пасхи! Ведь могла бы остаться до понедельника, но, по правде, это еще тяжелее. Теперь нужно ужиться, кажется, зарвусь. Но ведь не может быть, чтобы жизнь была мрачна. А все это из-за того, что я здесь не со своими, все мое счастье в них, с ними мне легче дышится. Мысль об институте и вчера мучила меня, что-то страшное, давящая смерть, конец мира так ужасно предстал передо мной. Вот в такие минуты я всегда мечтаю о чем-то великом, прекрасном, об опоре в моем жизненном пути, но потом это кажется мне слишком чудным, я недостойна того, что даже эгоистично мечтаю об этом для себя, а Лиза, а другие, еще может, более нуждающиеся в поддержке. Все это тревожит меня, но должна же я полюбить счастье, о Боже! А как порою кажусь я себе слабенькой, нуждающейся в поддержке, в силе. Иногда я готова бежать в чудную страну, где мир и любовь, где нет института и связанной с ним разлуки, то мне хочется, о грех, чтобы скорее пришел конец света или самой умереть, уснуть, потерять сознание, но при этом, конечно, я забываю о горе, которое я принесу близким. Вечно душа моя ноет и томится и часто смехотворность и веселость мои притворны. Но моя вера в Бога не мертва. Я верю так глубоко, так свято, что все ниспосылается Им, по Его разуму и по нашим силам. Какое бы испытание ни послал мне Господь, оно не будет превыше сил моих, и всегда найду я поддержку и помощь в Великом, Непостижимом и Могущем Создателе, управляющим вселенной.

17 января. Скучно. Боже, я делаюсь пессимисткой. Конец света близок, мне ужасно, не знаю, что делать, куда деться. Сегодня наши говорили о Кепане, Бехтерево и т.п. Они отрицают Божество Иисуса Христа, очень основательные доводы, но, тем не менее, они лжепророки, хулители Бога. Такая гадость, такая пошлость, а может поколебать святую веру, которая поддерживает жизнь. Я верю в Иисуса Христа, потому что все Его пророчества исполняются теперь. Верю в Бога, потому что эта вера помогает мне жить, без нее я бы задохлась, она освежает мою душу. О, уйти бы куда-нибудь подальше от всего этого, прочь. Сколько грязи и радости в жизни, другие на это не

^{*} Как будто сражена молнией (*фр.*)

обращают внимания, а меня это коробит. Не могу, тяжело, я уверена, что такого настроения у меня не было бы дома. Ходила к Мме гулять по улице.

19 января. Как странно, но мне кажется не найти человека по сердцу. Боже, великое творится на земле. Эта ужасная война. Неужели уже конец? А как хочется жить?

27 января. Сегодня мне очень неприятно было спать, сама не знаю, как это вышло складно и непроизвольно. Правда, мама советовала мне сказать, что мне делали предложение. Да, а может, Бог накажет меня и никогда уже в жизни не случится подобного, возможно? Лиза все грустит о папе, и я не в силах ее утешить, мне все кажется таким плоским и неумелым. Вот меня не привлекают земные развлечения, театры вроде миниатюрных кажутся жалки, а не смешны, а Лиза жалеет, что не может развлекаться. Когда я ее утешала, мне всегда самой становится тяжело, так не глядела бы на свет.

30 января. Что я за человек? Казалось, я глубоко религиозна, и что же? - вечные сомнения в самом существовании Бога и, конечно, вера в Иисуса Христа. Желание все проверить разумом. Я монархистка, и что же, я глубоко понимаю революционеров, я даже готова преклониться перед некоторыми из них. Сколько злоупотреблений творится при дворе, сколько преступлений, а, главное, какая безумная роскошь (пример Франция), может, у нас и не до такой степени, но все же. Сократить бюджет Государя, упростить этикет и потом не давать содержания Великим Князьям, но не мне это решать.

8 февраля. Как страшно, как душно и скучно. И вера, и неверие – все смешалось во мне. Бог кажется мне Карающим Судьей, страшно! Бедные люди! Опять, кажется, я способна уйти в монастырь. А между тем хочу писать сочинение.

12 февраля. Вчера учили танцевать «русскую». Какое патриотическое настроение нашло на меня. Все вылилось в нашем танце, вся мечтательная, нет, скорее меланхолическая русская душа. Как плавны наши движения. Как тихо скользит боярышня по полу, но прочь тоска и сомнения. Она летит, весело размахивая платком! А этот жест, когда широко раскрыв руки, она готова обнять весь мир. Вот где видна широкая русская душа! И как не любить родину!

Да, у меня опять сомнения, опять скептицизм, но рядом стремление к самосовершенствованию. Я все еще бываю резка. Все эти сомненья! Я могу назвать себя ребенком, меня все затрагивает, вся затрагивает мое впечатление. Сегодня И.Разумова сказала, что я не заслуженно иду завтра домой, я понимала, что это шутка, но подумала в первую минуту, что зачем она меня так обижает. Потом я разнервничалась, что ли всё действует на меня. Н.Струцинская, Н.Привродская. Особенно минутами. Мама сообщила мне, что Боря А. тяжело болен и нет надежды, а я даже не знаю, что я за человек такой, мне не жаль его а жаль только тетю Нину и дядю Сережу, вообще его родных. *Peut-etre ceux qui s'en vont sont plus heureux que ceux qui restent!** Мне иногда, в тяжелые минуты, под влиянием войны, хочется уснуть или уйти куда-то ведь это малодушие, эгоизм, нет, нельзя допускать себя до таких чувств. Я ужасная опять покоряюсь. Лиза Е., что это за характер. Иногда это я делаю из-за христианского смирения, но ведь это заблуждение.

17 февраля. Если бы три года тому назад мне сказали, что я буду переживать подобные минуты, как эти 2 с ½ дня, то я бы ужаснулась, сочла бы это за наваждение злого духа, а между тем, все это пережито, перестрадано, и я не знаю, вполне ли я излечилась от моих мучений. Буду ли я христианкой, в высоком смысле этого слова, или атеистка, потому что середины я не понимаю. А как пришла я к подобным размышлениям?

* Возможно, те, кто уходят из жизни, счастливее, чем те, кто остается (фр.)

Я решила установить мои убеждения, чтобы они были тверды и непоколебимы. Значит, первое - религия, основа моей жизни. Нужно доказать существование Бога. Мы верим в Бога, потому что нас воспитывают в этой вере, но нужно доказать, что Бог существует, чтобы иметь возможность разбить неверие. Вот с чего начались мои безумные думы. Начались и должны затянуть в бездну неверия или поднять меня на высшую ступень веры, середины после таких размышлений быть не может. Я сидела в понедельник в (неразб.) и искала доказательства, все они казались мне неопровержимыми.

29 февраля. Как чудно провела я эти дни дома. На масленице свет мне был не мил, в пятницу заболели зубы и сделался флюс. Вера Викт. Удивляется, отчего я не принесла свидетельство. Смешно! С этими свидетельствами, когда флюс был. Настроение неважное. Грустно! Минуты были глубоко религиозные, ведь вся под впечатлением написанного мною «сила свыше»! Боже, как мне благодарить Тебя, такая милость. Но находят на меня опять мрачные, черные думы о смысле существования, о Боге...

3 марта. Сегодня на приеме мама сказала мне, что заплакала в конце моего рассказа. Это меня радует, значит, все же трогательно, но все же лучше сгустить краски. Ах, не все ли равно, помечтаю, именно на то и молодость, а там опущусь в серую действительность. Стоило только вспомнить мне о моем рассказе, как я духовно очистилась и ободрилась. Но мне думается, грешно может, что я хочу быть писательницей, проповедовать людям о любви, о примирении с прозой жизни, я недостойна этой миссии и потом это гордость, самомнение; мне хочется, чтобы меня читали, возможно ли это, не лучше ли смириться, бросить эти мечты, но, может, это призвание!

Я окончательно разошлась с Л.Ем., ну, ладно. Да, мама говорит, что я еще ребенок, что я не знаю жизни, да это и правда, что жизнь моя однообразна (я и не замечала этого) да еще долго придется блуждать мне в потемках, прежде чем выйти на широкий путь творчества. Как хорошо было сегодня на прогулке, воздух свежий, весенний, и я одна без воспитанниц даже без наших. О, как прекрасна, даже наша бедная северная природа!

4 марта. Я все одна и одна. Никого нет у меня, впервые вчера я почувствовала это. Н.Стр. как-то словно враждебно относится ко мне. Сегодня К.Дабич прислала письмо (вчера она ушла к доктору и не вернулась), у нее крупозное воспаление легких. Как мне скучно будет без нее. Опять у меня сделалось дикое настроение, мне неприятно, что меня считают такой здоровой, я в институте не болею, а между тем чувствую себя плохо вот эти дни тоже. Может, у меня что-нибудь не в порядке, а потом я выйду из института и сделаюсь слабой, заболую, тогда все решат, что это потому, что я живу дома, что в институте я не болею. Но это настроение вновь сменилось глубоко-нравственным. Я мечтала о смерти, о загробной жизни, полной чистоты и поэзии. Сегодня совершенно неожиданно пришла Mme Boutroud (?). Был пробный урок, давал А.В.Миртов. Мне ужасно было смешно, а вместе с тем, я как-то смущалась даже за него. Мне кажется, что никто не смотрит на жизнь так, как я, я все словно книгу читаю, живу не торопясь, не мечтая о небесных миндалях, они мне недоступны, но я люблю фантазировать. Все житейские интересы трогают меня мало, разве театры, а так платки, шляпки, драгоценности, Бог с ними! Мне дико слышать споры и живые разговоры об них. Так много кругом людей, а я словно одна с вечными фантазиями, идеалами и мечтами! Сколько во мне противоречий!

1914 г. **ВЕСЬ МІРЪ.** № 20.

Литературный, художественный, общественный и популярно-научный журнал.

Главная контора и редакция журнала „ВЕСЬ МІРЪ“:
Ул. Жуковского, 21. Телефонъ № 10—81.

Редакторъ принимаетъ для личныхъ переговоровъ по
Средамъ отъ 3 до 4 ч.

Подписная цѣна: съ пересылкой на годъ 4 руб., на
½ года 2 р.; на 3 мѣс. 1 р. 10 к., на 1 мѣс. 40 коп.
Цѣна отдѣльнаго № 10 к.; за перемѣну адреса 20 к.
Заграницу 6 руб.

Тарифъ на объявленія: на 2-ой и 4-ой страницѣ облож-
ки и на первой страницѣ послѣ текста 80 коп., на осталь-
ныхъ стран. 60 коп. за строку непарейль въ 4 шир. стран.

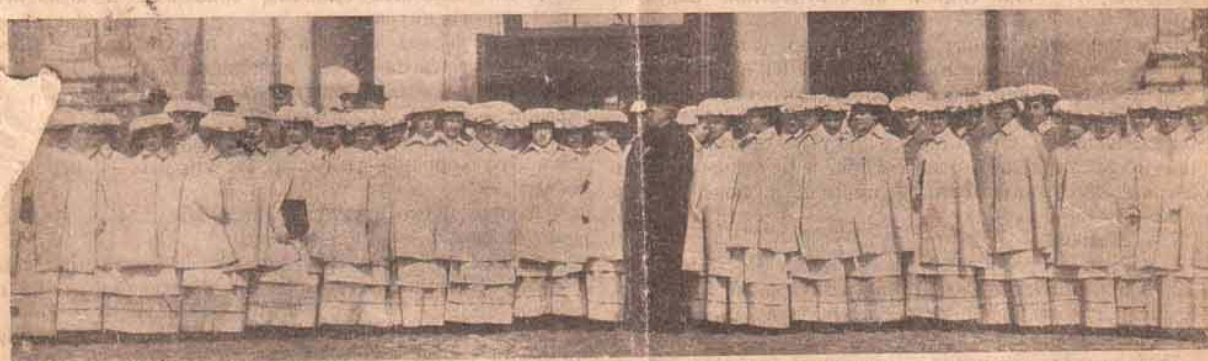
Статьи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія,
должны быть напечатаны на пишущей машинѣ, на одной
сторонѣ листа за подписью автора съ указаніемъ адреса
и о означеніемъ условій, на коихъ онѣ могутъ быть
помѣщены. Статьи безъ обозначенія условій напечатанія
считаются бесплатными. Статьи, признанныя редакціей
неудобными къ напечатанію, уничтожаются.

Къ 150-лѣтію Смольнаго института.

Снимокъ фот. журн. „Весь Миръ“ К. К. Булла.

Группа присутствовавшихъ на юбилейномъ празднествѣ Смольнаго института.

Выходъ смольянокъ изъ Петропавловскаго собора послѣ панихиды и возложенія вѣнковъ на гробницы Императрицы
Екатерины II, Императрицъ Маріи Феодоровны, Александры Феодоровны и Маріи Александровны.

На-дняхъ Смольный институтъ праздновалъ 150-лѣтіе своего существованія. Основанный Екатериной II, онъ
явился первымъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи.

Послѣ молебна, совершеннаго петербургскимъ митрополитомъ Владиміромъ, состоялся торжественный актъ, на
которомъ была прочитана Высочайшая грамота гласящая, что въ институтъ учреждаются 20 безплатныхъ вакансій
имени Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

На торжествѣ присутствовали депутаціи различныхъ учреждений и почетные гости.
Вечеромъ состоялся балъ.

9 марта. Сегодня урок Monsieur Cornu был после обеда, в ½ 6го. Интересно! После чтения жизни Софии Ковалевской и Св. Терезы все перепуталось в голове моей, а вчера еще я изображала Аглаю из 9-го вала.

11 марта. Третий день весны, а погода совсем невесенняя; 11° мороза, хотя солнце уже начинает греть. Вчера мама сказала, что, может, мы поедем в деревню к Маше, вот хорошо бы! Подальше от шумного света! Все говорят мне, что мое лицо выражает такую холодность, такую неприступность! Мне думается, что я еще недостаточно альтруистична, даже стремление послужить ближним, особенно (*предложение неокончено* – Д.Б.)

.....

13-е марта. Пришел M ieur Cornu и помешал писать дневник. Да, мне думается, что в стремление моем послужить ближним я просто хочу удовлетворить своим желаньям. Я мало еще люблю, мне нужно еще учиться любить и любить сильно, горячо. Сегодня из-за пустяка во мне вскипело благородное негодование.

У нас обычай ходить за начальницей и сопровождать ее в церковь, я ходила уже 8 раз, и другие все ходили, одна Вера Ханули - нет, потому что она прошлое полугодие вовсе не ходила в церковь. Кто пойдет? Она противится, не хочет. Как на овечек набросились все на Лиду Макарову и на меня, идите да идите. Я упрямылась, не хватило ли характера или, верите, не хватило низости выдать Mlle Fourcaud В.Х. и разыграть историю, достойную разве (*неразб.*). Я согласилась идти, потому что Лиза только что пришла из лазарета. Вся эта история меня крайне возмутила, разве это справедливо? В церкви я не могла молиться от души, настроение было огорчено мыслью, как восстановить справедливость и возмущением против В.Х. Даже теперь мысли эти не покидают меня.

Мысль ехать в деревню не радует Раю, она боится, что мы там опростимся, не хочет и слышать о полевых работах и о жизни в избе. Меня, наоборот, радовало именно работать вместе с крестьянами.

14 марта. Новая мысль озарила все существо мое: как это люди, призывая к состраданию, к всепрощению даже преступников, не могут оправдать поступков высших и так безжалостно осуждают их и так радостно смеются над ними, они принимают во внимание жизненные условия низших классов и упускают жизненные условия высших мест (лесть?), низость окружающих и т.д.

20 марта. Как мне грустно, невыносимо грустно, раньше поддержкой в эти тяжелые минуты у меня была вера в Бога, теперь в сердце пусто и тяжело и душно. Вчера уже не удалось попасть к дантистке, она заболела. Сегодня было ни то, ни се: я слонялась. Утром проснулась в 7 часов и не могла заснуть, ворочалась до 9, затем встала. Так мне и не удалось отвезти мой рассказ в какую-нибудь редакцию, и я окончательно потеряла веру в себя. Какая я писательница. Что это я точно нигилистка стала. Ах, как тяжело. Вчера зашла на минутку в храм Воскресения. Выходила, а я и говорю маме: «мамочка, я не люблю такие мрачные храмы». – «Как, ты такая религиозная и так говоришь». О, если бы увидела мама сочинения и мрак души моей! Приехала Таня Углова, Раина подруга, я была одна и накрывала на стол, т.к. Е.В. куда-то ушел (он только в четверг приехал с маневров). Мама делала Лизе прическу, я была очень недовольна, что она сделала низкую прическу,

главное же, я убедилась в ту минуту, что я дурнушка, хотя, конечно, лучше (Черепашковой и т.п.), а это произошло из-за того, что я в кинематографе видела очень красивую артистку. Время истекло незаметно, вот и 7 часов, нужно уезжать. Рая вышла в прихожую, мы с ней были вдвоем. Мы несколько раз крепко, крепко поцеловались (какая сентиментальность), «нам с тобой и поговорить не удалось!». Мама нежно поцеловав меня добавила до четверга, ей грустно было. Уходя я встала в нашей комнате на колени и горячо молилась, прося Господа простить мне и мое отчаяние и уныние в ропот – ,и наверное, когда я выходила и закрывала дверь, мне показалось, что тетя Саша смотрела на меня (я недостаточно была с ней ласкова), сердце мое сжалось, Боже, прости ей, мне жаль ее. Таня шла вместе с Раей. Е.В. и я вскочили в задний вагон, народу была масса. Какой-то реалист уставился на меня, мне было приятно. Ах, какая я глупая, пустая! В трамвае я с Е.В. говорили о доме, он хочет ехать туда к «маме» как приятно мне было слышать, что он сказал «мама». И слезы даже засверкали в его глазах, должно быть, и у меня тоже. Но вот пора выходить. Е.В. выскочил и схватил меня, трамвай тронулся. Он, как безумный, закричал «Стой!», но напрасно я хотела остаться в вагоне, но сама собой была вынесена Е.В. Только все выскочили, как я упала. Е.В. на меня? «Ноги, ноги!» слышу я. Это об моих ногах шла речь. Я подумала, что нас обязательно должны раздавить, но мы остались невредимы, только сверточек с молоком и булкой пропал. Я дрожала от волнения и паденья. Е.В. был как в отчаянии и за ½ р. нанял извозчика. «Простите меня», - сказал он, прощаясь. – «Что же, и вы тоже пострадали», - ответила я. Мне ужасно было его жаль, бедный, я и так уже назвала его отчаянным и сказала, что никогда с ним не поеду. И такого человека мама мне прочит в мужья, хотя разве уже это такое преступление было бы сердце доброе, с годами мог бы и остепениться. Ну да это все глупости, он обо мне и не думает. Бедный! Хоть бы исправился, образумился, а то такие случаи так неприятны, так тяжелы для него, он после них как-то всегда принижается. Вчера было как раз его производство в корнеты, мы пили шампанское (!). (Немцы потопили наше судно «Португалия» (Красный крест).

21 марта 1916 года. Понедельник. Вчера Саня рассказала, что мы взяли Митаву. Какое счастье! Что это я все рвусь куда-то, все неудовлетворенна; в душе пусто и дико. В минуты такого нигилизма. Я открываю евангелие *au hasard*^{*} и ищу ответы моим сомнениям и безверию, какое противоречие. Сегодня мне открылось «любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас». Теперь я только и живу Евангелием, дня не могу провести, не прочитав его. Ах, эти вечные тревоги души! То мне кажется, что лучше (*неразб.*) ничего не может быть, я хочу ей подражать, но мне ли с моим анализом, разочарованностью, сомнениями, атеизмом, аскетизмом, мистицизмом и всеми противоречиями. Ах, мне так хочется уйти из душного города в деревню и там учить крестьян и работать с ними. Да, мне кажется, что если я всем всегда буду давать, не требуя награды, как сказано в Евангелии, прощать обиды, то тем самым я могу сделать людей жестокими, заносчивыми, лишит их вечного блаженства, но это утопия и утопия, я заговариваюсь. Из вчерашнего происшествия мне особенно жалко масла и горячей булки, сразу видно – практичного человека.

Вот-так дневник, чушь какая. Мне смерть не так страшна, как интересна, потому что ей все объяснится, едва перейдешь эту черту, как затем начинается вечность и дается разгадка нашей жизни или же все кончается. Рая хочет лучше, чтобы душа была смертна, чем испытывать вечные мученья, вечность для нее непостижима, для меня наоборот, пусть будут вечные мученья, но ничто уничтожение моего существования мне непостижимо, я жить хочу, и среди вечных страданий, может, блеснет мне отблеск

^{*} произвольно (*фр.*)

вечного блаженства или отзвучит райская песнь. А Рая, между тем, верит в Бога, боясь сомневаться, боясь размышлять, а я все расчлению и дохожу порой до отрицания.

23 марта. Среда. Кажется, я делаюсь деисткой. Вчера первый раз в моей жизни я заснула, не молясь. Тайный ужас объяснился, и я перекрестилась и вскоре заснула тихим сном. На утро я встала бодро, и, опять не молившись, начала день, только из приличия перекрестилась, прося вразумить меня. Высший Промысел. Может, скоро с ужасом прочту я эти строки и в отчаянии брошусь в аскетизм, как в IV и III классе. Кажется, живут люди без веры в Бога, милосердия, а я не могу.

Что привело меня к этому неверию. Отдам же себе полный отчет.

Нина Брешко- Брешковская

I. Что столько столетий язычество господствовало среди людей.

II. Что в прежние времена люди были ничуть не лучше, если не хуже, чем теперь. Вольтер говорил, что Бог нужен Мздовоздаятель, потому что люди не все одинаково счастливо живут на земле, но ведь и животные тоже разными благами пользуются, а мы привыкли смотреть, что они умирают, или они не умирают или же мы тоже должны умереть. Наконец мне думается теперь, что Бог или Создатель вселенной, несомненно, существует, но он живет вне времени и вне мира и не заботится о нас. То мне кажется, что мы умрем и будем жить только некоторое время после кончины века, а о потом все вернется к прежнему хаосу. Да, мне кажется даже, что откровение Иоанна

Богослова и все Евангелие это просто предсказания, которые действительно могут исполниться, но, тем не менее, души наши перестанут существовать. Религия создана людьми, чтобы поддерживать их в этой жизни, вера в бессмертие души тоже необходима. О, если бы узнали мои думы, то верно сказали бы: «Рече безумный в сердце своем есть Бог», А что, может, и правда я свихнусь, вот ужасно-то! И теперь вот мне так кажется, что я уже простила с прошлыми мечтами, с религиозными экстазами и сделала знаменитой атеисткой, стихотворенья, которые произведут удивление, что когда-то и она мечтала о монастыре и прославляла Бога. Неужели правда? А все же не совсем умер во мне старый человек, он беспокоится о душе моей.

Погода чудная. Тепло. Тает. Я опять вижу, что у меня убийственно-маленькие глаза.

25 марта. Пятница. Душно и скучно. Молилась в церкви, за всех, кроме себя. Мне думается, что действительно неэгоистичный человек должен главным образом заботиться о душе других людей и быть готовым погубить свою душу, если это нужно для того чтобы спасти тысячи. У меня сегодня пессимистическое настроение, в ярко выраженной форме. Вера и неверие борются. Сомнения давят меня. Я могу сказать вместе с Верой: «где правда здесь ли в кротких очах Спасителя или в (злой) проповеди нового человека?» Ах, сомнения, сомненья, они не позволяют мне жить настоящей жизнью, радоваться вполне теплоте весеннему солнышку! Ах, как я жажду науки, науки, изучать происхождение земли, все чудеса земные, может, тогда я вполне постигну Бога и уверую в Него. Наука необходима, в младенческий и юный период своей жизни человек верил по-детски, теперь ему нужны доказательства. И вот размышляя так, я слышу внутренний голос: «Будьте просты как дети!» В церкви мне было

Раиса Брешко- Брешковская

так тяжело, что слезы даже навернулись на глаза. Порой мне хочется бежать от себя, бежать, но куда? Я сегодня верю в Бога, но, как ни странно, вера эта повергает меня в самое тяжелое уныние. О, пусть еще тяжелые муки перенесу я, только бы мне очиститься и найти правду.

Наблюдая историю, мне кажется, что люди совершенствуются, становятся лучше, а в Откровении Иоанна Богослова сказано, что люди будут все хуже и хуже. Теперь дело еще идет к совершенству. Ах, опять сомненья. Мне хочется служить родине, а как - я и сама еще хорошо не знаю. Я жажду знаний, жажду и чувствую, что невозможно мне учиться, а что пора работать, хотя одно другому не мешает. С каким бы восторгом слушала я лекции, с каким живым интересом изучила все то, что привело бы меня к Богу. Да, мне подумалось сегодня, что может все эти нигилисты, атеисты, деисты это те лжеучители, которые придут под именем Христовым и многих прельстят, т.е. те источники, к которым жаждущий человек припадает, надеясь утолить эту мучительную жажду по истине, и часто отравляется он и, разбитый, влачит печально свое существование.

Вчера мы шли из церкви. Батюшка нес икону, дьякон свечку, певчие, пели, и я унеслась мыслью за 800 лет назад; мне чудилось, что мы идем по катакомбам, первые христиане, с этой верой, которую теперь называют мистицизмом и фанатизмом. Но мне казалось одно время, что Лиза и подобные ей типы нежизненны, типы лишних людей, нам нужно деятелей, а не мечтателей и религиозных фанатиков. Где же правда? Правда? Бедная страждущая душа нового человека! Я уверена, может это сомнение, что никто из нашего класса не испытывает подобных чувств. Хочу писать каждый вечер совершенные за день ошибки и грехи. Отчего так сердце ноет, так необъяснимо, безвыходно грустно?

27 марта. Сегодня прочитала Евангелие, нет, Послание, и там сказано: «Помогайте врагам вашим, служите им, потому что тем самым соберете на них горящие уголья». Нет, зачем, зачем так. Нужно простить, если они сделали какое-нибудь большое зло, молиться за них, чтоб Бог простил им, не воздал по делам их в последний час. Да, это сказано, у т.е. что нужно прощать и помогать врагам, чтобы оставить Гнев Божий каким-то Пророком, а Иисус Христос сказал «и молитесь за обижающих вас», т.е. молитесь, чтобы Бог простил им. Опять, кажется, в голове моей начинается первобытный хаос.

6 апреля, среда, 1916. Давненько не писала дневник. За это время были 2 письменных и один (педагогика) устный экзамен. Времени не было погружаться в религиозные размышления, и я жила как-то бессознательно по-детски. Было и мрачное настроение сомнений и атеизма в церкви, я не молилась по-хорошему, но озарило меня воспоминание о Киеве, и я опять замечтала о Лизе Калитиной. В четверг на приеме мама нервничала из-за того, что я не узнала, наверное, могу ли я говеть дома. Мне было ужасно тяжело; я подумала, что я эгоистка, мне не так жаль маму, как себя. Но дело уладилось, М.Н.Бломберг успокоила маму, что всегда отпускали домой. Экзамен был в зале у Веры Викторовны, совсем по-семейному. Я поглядела в зеркало и ужаснулась, увидя длинное (неразб.) бледное лицо с точками вместо глаз. Экзамен сошел хорошо всем 12 в субботу дома. Были в церкви. Я не могла чтобы не согрешить. Во-первых, настроение было довольное деистическое, прежние сомнения в Божественности Иисуса Христа. Даже стоя перед чашей, мучили меня греховные мысли, но свет озарил меня, Бог создал человека для того, чтобы он познавал Бога и через то вечно блаженствовал. Бог милосерд, Он любит людей как детей Своих, а не славы ради имени Своего, а люди за все должны прославлять Создателя. Приобшившись, я подумала: «какое чудное мгновенье в жизни человека, когда он минуту, миг бывает безгрешен!» После было безразличное, растительное настроение. Теперь религиозно-радостное.

9 апреля. Великая суббота. Вера проснулась и погрузилась в мечты. Религиозные сомнения нового рода не вполне покидали меня, но была минута поистине Божественная, когда всем существом моим прониклась я любовью к Богу. «Восторженно, робко и нежно» подобно Лизе любила я Его в эту минуту как олицетворение вечной Правды, вечной красоты и вечной, всеобъемлющей любви являлся мне Господь. Не было и помыслов, и забот, и тревог о земном, но недолго длилось мое блаженство.

Я вспомнила о зубах, о том, что нужно их лечить, сегодня опять настроение мое отвращается тем же. Вчера шел дождь. Ходила в церковь на вынос Плащаницы. Настроение было молитвенное. Сегодня зубы портили мне все, думаю о них, маме сказать неловко, что же я все пристаю.

11 апреля. Вчера было так грустно, что я не могла удержать слез. Ведь грешно для первого дня, когда все должно радоваться. За это время произошло столько нового, такая крупная перемена. Мне уже с приезда все казалось, что Рая как-то стала дальше от меня. В субботу же свершилось. Я пошла с тетей Сашей за покупками. Прихожу. Рая и Евгений Владимирович красные, тянут меня за руки, я понять ничего не могу. Рая смутилась и убежала. Е.В. взял меня за руки, притянул в нашу комнату. Он был смущен. Я все еще ничего не понимаю. Он взял мои руки и, обвив ими свою шею, проговорил: «Вы знаете, Вы теперь моя сестра». Я в смущении спрятала голову к нему на плечо, хотела и поцеловать, но думала, ему не хочется. Рая вошла в комнату. Я поцеловала ее. Сейчас он подошел и заглянул в дневник, прочитал «я в смущении». Мне сделалось стыдно. «Вы тогда прочитали, теперь опять этак Вы составите обо мне известное представление». – Я и так уже составил самое хорошее», взяв меня за руку, ласково сказал он. На заутрене мы были у «круглого пруда» во дворе, мне очень понравилось. Потом пошли в Лесной Институт. Я очень устала; мы простояли полобедни и пошли. Настроение не было у меня достаточно праздничным, безоблачным. После, разговаривая, мы вышли в сад, было сыро и пасмурно. Тщетно прождали мы игры солнца в 5 часов легли спать. Рая просила пораньше ее разбудить, потому что Женя говорил, что поедет вечером в 1-ый день. Когда они шли в Лесной Институт, они шли под руку. Маме все кажется, что Рая просто любил его как брата и жалеет. Только бы любили они друг друга. Ведь это такая серьезная и великая вещь, нельзя, мне кажется, шутить любовью. Целый день я играла почти на рояле, Рая и Ж. были в нашей спальне, тетя Саша неотступно следила за ними, меня это ужасно беспокоило. Для виду я с Ж. играла в 4 руки и пела. Рая была грустна и томна. Они так шептались, что ни одного звука уловить было невозможно. Вечером мы ушли к нему в комнату. Я взяла «для виду» «Княжну Тараканову». «Вы можете и не слушать». Вскоре же я дошла до критического места и оборвала чтение. Перед сном Рая пошла с ним проститься. (Тетя Саша уже легла). Я не утерпела и вслед за мамой прокралась к ним, они оба плакали. Мама со слезами на глазах утешала их: «Вы не должны очень огорчаться, вы должны беречь себя друг для друга». Мне так их было жаль. А вместе с тем, мне казалось, что я читаю интересную книгу. Когда же я легла, то долго не могла заснуть, какая ужасная вещь – эта любовь». Мне все казалось, что его могут убить. Боже!

13 апреля. Сегодня ездили гулять на Серебряный пруд. Я работала, сгребала снег, я села отдохнуть и подумала: «Неужели я в жизни буду одна». Да нет, на миру жить, жить с людьми. Любит ли Рая его? Достаточно ли, я каждый вечер и каждое утро пытаю ее. Вчера мы ездили в театр Александринский на спектакль выпускных балетных. Иванова I совсем очаровала меня, ее танцы кажутся мне отблесками небесной красоты. Какая чистота! Какая прелесть! Какая улыбка! Сколько огня! Вера очень обиделась или сделала вид, что мы не едем к ним. Мама сказала ей, что после все объяснится. Трудно мне писать дневник. Как неприятно, что он ушел на телефон, и до сих пор нет, а как раз тети С. нет, могли бы последние минутки посидеть вместе. Вчера мы приехали поздно, часов в 7; у нас Каролина Ив. и Ольга Ив. Вечер они сидели. Вместе. Я с мамой играли в японского

дурака. Едет. Автомобиль нанять. Сердце сжимается. Тетя Саша все эти дни немилосерднее следила за ними. Скорей бы отсюда уйти, что ли в кинематограф, там бы они поговорили, как во второй день. Мама сказала дяде Коле и Марии Гр., они очень довольны. Жаль, что все эти дни не удалось пойти в церковь. Вчера было видно на небе северное сияние (мы не видели). «И будут знамения на небесах». Но мне теперь не страшно, я не боюсь за себя, не жалею себя, как прежде, может, и это свой род эгоизма?!

16 апреля 1916 г. Настроение почти растительное. Нет. Обманываю себя. Мне надоело ездить в институт. Страшат любить, да некого, а может, и не надо. Сама не знаю, чего хочу. Девство совсем не привлекает меня. Зачем оно? Монахиней не быть, да и не надо. Но опишу, что было эти дни. 13-го, значит, мы вышли из дому в сад. Я села на крылечке. Они стояли за дверями. Я раз заглянула к ним, мне почудилось, что кто-то идет. Он выглянул весь взволнованный, со слезами на глазах. Автомобиля все не было. Я беспокоилась, что уже поздно. Но вот словно загудел автомобиль. Они выскочили. «Стой здесь», - крикнул Женя. Все засуетились. Начали уносить вещи. Тетя Саша спустилась вниз. Мы вошли к нему в комнату. Он поцеловал нас всех. Потом мама благословила его, сказав: ¹ «Храните себя честным, чистым, вы получаете хорошую девочку». Но тетя С. вернулась. Марфуша была взволнована: «Садитесь, господа». Мы сели. Мама опять благословила Женю при тете С., мы простились за руку. «Прощай, моя комнатка», - сказал он дрогнувшим голосом. Мы сели в автомобиль. Перекрестили и понеслись по неровным взрыхленным улицам. Рая была бледна, молчалива, изредка улыбалась грустной улыбкой. Он все держал ее руку, но не решался при нас целовать. Через полчаса мы были уже на вокзале. В зале I и II кл. было душно и накурено. Я пошла с мамой посмотреть ей ботинки. Когда мы вернулись, то пошли с ними в вагон. В этом поезде ехало много военных. Посидев минут 5, мы вышли, оставив их, и встали против часов, чтоб, когда будет без пяти, позвать их ударом в окно. Мы стояли в напряженном состоянии, вдруг страшный гул, мы задрожали как листья, слезы брызнули даже у меня из глаз. Мы стукнули в окно. Боже, каких-нибудь 10 мин. Они посидели одни! Мы побежали по платформе вперед, к вагон-ресторану. Оказалось, там еще вход закрыт. Мы метнулись назад, ища вагон. Оставалось минуты две, он простился с мамой и мной, поспешно целуя нас, чтобы дойти скорее до Раи. На вокзале все обращали на них внимание, сразу видно, что жених и невеста. Поезд тронулся, он целовал еще Раину руку. «Женя», - лихорадочно вскрикнула мама, я тоже вскрикнула, ему помогли вскочить, уступив место на площадке. Он стоял и целовал фиалки, которые ему дала Рая. Мы побежали за поездом. Рая все махала большим шарфом, потом вскочила на лестницу и оттуда не переставала махать, пока поезд не скрылся за поворотом. Мама перекрестила его вслед, и мы пошли.² Пошли искать хороший кинематограф. Я безумно устала и рада была бы хоть все программу просидеть. Какую гадость ставят! Мне бы лучше хотелось отслужить молебен за Женю, но я знала, что маме хочется идти в кинематограф. Мы поехали в «Stella» на Петроградской стороне и там встретили Анну Васильевну и Лиду Тюнтиных и ее кузину Шуру, последнюю я не узнала, а ведь прошло, верно, не больше 4 лет. О, прекрасная любовь! Мне так неприятно было слушать рассказы Л.Е. Придя домой, Рая заплакала. Милая крошка! Значит, она любит его! «Прицепилась бы, кажется, за колеса и поехала бы с ним!» Рае тяжело, что мама не понимает ее, и шутит, когда ей не до шуток. Я боялась, как бы тетя Саша не заметила, что у нее заплаканные глаза.

14 апреля. Встав в 10 часов, мы пошли к Каролине Ивановне. Я очень кокетливо причесывалась. И мама обрадовалась этому. Это вовсе не худо: Каролина Ив. И Ольга Ив. Поздравляли Раю. Мы пошли посидеть к Кате. Она больна, у нее болит бок. Вот человек, с

¹ О, отвратительный институт, бездушный, бесчувственный, я здесь в твоих оскверненных стенах описываю идиллию моей Раи.

² 19 апреля. Пишу (предложение не закончено – Д.Б.)

увлечением говорит о науке! А на меня тогда такое равнодушие напало, мысли о смерти и о кончине вела, вообще пессимизм, желание убежать куда-нибудь напало на меня. Мы гадали, т.е. Рая и я. Вышли Жене какие-то хлопоты и неприятности. Для меня какая-то свадьба, подарок, тоже хлопоты и исполнение желания. Я гадала, зная, что это грех, но, как иезуит, оправдывая себя тем, что я не верю в гаданье, а ведь на самом деле, я думаю, может и сбудется. Идя домой, мы беседовали с Раей. Она мечтает, что через месяц, ну не через месяц, а к августу он вернется. О, светлые мечты, если бы они могли осуществиться. Она строит воздушные замки о будущей своей жизни, а я боюсь, разве можно загадывать вперед, будущее не в наших руках, а в руках Божиих. А Рая говорит, нужно надеяться, твердо веря, что исполнится, может, она и права. Моя любовь к Жене дает мне столько радости, точно я брата приобрела!

15 апреля. Утром, встав в 8 часов, сразу же направилась в церковь. С каким нетерпением ждала я этого дня. В церкви, к счастью, служба только началась, когда мы пришли, но, к сожалению, восторженно-молитвенного настроения у меня было, может, минуты 2, с перерывами. Крестный ход мне не понравился, что не пели «Христос Воскресе!» Хорошо бы, подумала я, проводить праздники, ходя каждый день в церковь утром и днем на вечерню. Как понравилась мне вечерня в Храме Воскресения, несмотря даже на то, что у меня болели ноги! Мама мне предлагала купить шляпу, но я откладывалась. Хорошо и сделала. Меня порядки совсем мало интересуют. Пришли домой. Я хотела пойти к дантисту, но мама не одобрила. Я осталась. Настроение сделалось мрачное. Да, придя из церкви, Рая нашла письмо от Жени. И не расставалась с ним целый день. У меня было скверно на душе. Мысль об экзаменах, о зубах, об отъезде из дому отравляла меня. Я сказала Рае, что теперь только мы начали жить, что у нас появился интерес, и на этой почве мы чуть не поссорились, потому что не поняли друг друга. Рая говорила, что если бы написали книгу, то наша жизнь заинтересовала бы читателей, а я поняла, что вообще наша жизнь была интересна. Я стала говорить Рае, что чего-то хочу, а и сама не знаю что. Разве на службу поступить. Потом я стала уверять, что ничего хорошего не жду от жизни и не требую, пусть теперь в течение года жизнь будет для меня однообразна так один день, только бы ей было счастье, но, кажется, я ей этого не сказала. Рая назвала меня пессимисткой. Верно. Может, это грех. В этот день к нам приехала Надежда Илларионова; она сказала, что я смогу поступить в Государственный банк, стоит только подать прошение. Ах, какая прелесть!

16 апреля. Ах, как скучно было уезжать из дому, тем более, что я знаю, я там нужна. Рае со мной легче. Да и маме тоже. Да за последнее время я была особенно нежна с мамой, потому что Рая уже от нее удаляется. О, бедные матери! Да, мама говорит, что это естественно чужого человека любить больше своих родителей. Как же это! Приехала в институт с опозданием на ½ часа и сразу же получила от Mme “Vous serez privée d’une sortie”*, кроме того, “C’est votre habitude”**.

17 воскресенье. Я пошла с нашими в собор, надеясь исправить настроение. Тщетно. Училась. Немного почитала французскую книгу. Я недостаточно люблю Бога, я больше Него люблю маму и Раю и может, даже всех людей. Я не в силах думать только о загробной жизни, отречься совсем от мысли о земном счастье. Закон Божий казался мне неисполним. Близость конца мира (*неразб.*) меня. Можно ли думать о счастье, заглядывая вперед, когда вот-вот придет Господь. А Рая мечтает. Господи, и зачем только я думала о земном счастье, счастья нет на земле, есть только скорбь. Как отраднo бывает задуматься, остановить как бы быстрое течение нашей жизни и остаться несколько минут в этом чудном оцепенении. Лиза говорит мне, и я часто закрываю уши. В каждом

* «Вы лишены права выходить» (фр.)

** «Это уже стало вашей привычкой» (фр.)

человеке, поскольку он заражен грехом, таится зверь, не нужно же будить его, а наоборот, воспламенить заложенную в нас искру Божию, чтобы вечно лишь тянуться как цветы к солнцу ко всему облагораживающему нашу душу, чтобы не уронить высокого звания нашего человека, т.е. прообраза Божия. Целый день мысль о кончине мира преследовала меня. Мир кончится, потому что люди так беспечны, что не ждут пришествия Спасителя. Господи, Спаси нас. Прости, погибающие создания Твои! Такой вопль вырвался из души моей.

19 апреля. Сегодня новые сомнения. О, как тяжел путь к спасению, данный нам Спасителем. Тесен путь и узки врата и все скорби, скорбь о грехах своих, насмешки, оскорбления, осуждения со стороны людей! Да, Бог прославит Сына Своего, а Сын прославит Отца чрез Свои страдания! Значит, Бог только славы ради имени своего спасает нас грешных. Боже! О, ум лукавый! После экзамена настроение значительно исправилось. Господь милостив, если покаешься, Он простит тебя. Пришествие Господа не завтра, а может, не раньше, как через год. Надеюсь, верю, что до конца мира война кончится, и я выйду из института. Личное счастье теперь меня не беспокоит. Но новый год сомнения не совсем еще прошел. Боже, вразуми меня.

Сегодня холодно. Не гуляла.

20 Avril. Lisa fait le service et se profite. Le soir nous avons parlé d'Anti-Christ, nous avons décidé que c'est l'empereur Guillaume. Il ne nous reste peut-être qu'un ou deux ans à vivre. On pense que je me couche tranquille. Oh ! non je tremble et ne peut m'endormir. Bon Dieu ! que c'est terrible. Ah ! à qui bon apprendre. Il faut aller au couvent ou se faire sœur de charité. Et d'autre part une voix intérieure me disait : « Va il y a encore beaucoup de temps à vivre. » « Non la mort nous attend tous. Priez Dieu. Confondez vous en cette prière sublime qui unie notre âme à celle de Jésus Christ. Vos péchés sont incalculables. Mais ne craignez rien, croyez à la miséricorde de Dieu tous puissant qui veut que sa gloire rejaillie sur ses fidèles ! » Il me semblait dans cette nuit d'angoisses que si j'avais un homme ferme, noble, pieux qui n'aurait point aussi peur. Oh ! l'amour c'est une forte citadelle. Du moins mon vœu est qu'à ce jour dernier et terrible je suis avec ma famille, priant ensemble. Tremblante, ne pouvant dormir à cause de cette peur étrange devant quelque chose d'inévitable qui me poursuit des l'âge de 9 ans, j'avais un tel désir fou d'être plus près de Dieu.

Le 22 avril. Vendredi. Je suis tranquille. J'ai foi dans le bon Dieu. Le 20 j'étais de si bonne humeur le matin, une véritable optimiste. Le soir de nouveau j'ai tremblé j'étais juste à pleurer. Nous restions avec Lisa en extase devant la fenêtre. Que le ciel est beau. Est-il possible Grand Dieu que la fin est-il proche ? Maintenant j'ai compris la cause de cette sinistre tristesse. C'est que tous en croyant à l'existence de Dieu je ne crois pas assez fermement à l'immortalité de l'âme, à l'éternité. Maintenant adieu ma tristesse sinistre, mon pessimisme. Je crois fermement à la bonté suprême de notre Seigneur Jésus Christ. Au quelle suprême joie d'être auprès de Lui, non du moins voir de lui rejaillir sur nous les rayons de sa charité éternelle.

* Сегодня хорошее настроение, но уже немного ухудшается. Сегодня мама пришла ко мне

* 20 апреля. Лиза устроилась прислугой, и ей неплохо платят. Вечером мы говорили об антихристе и решили, что это император Вильгельм. Возможно, нам осталось жить всего два года. Они думают, что я сплю спокойно. О, нет! Я дрожу и не могу заснуть. Боже, это ужасно. На кого учиться? Нужно пойти в монастырь или стать сестрой милосердия. С другой стороны, внутренний голос мне говорит: «Еще достаточно времени, чтобы жить». Не смерть нас ожидает. Молитесь Господу. Соединитесь с этой возвышенной молитвой, которая объединяет нашу душу с душой Иисуса Христа. Ваши грехи неисчислимы. Но ничего не бойтесь, верьте в милосердие Господа всемогущего, который, хочет, чтобы его слава отражалась на верующих. Я вообразила себе этой тревожной ночью, что если бы у меня был надежный мужчина, благородный, верующий, не боящийся ничего. О, любовь - это могучий бастион. Все же мое желание состоит в том, чтобы в последний и страшный день быть вместе со своей семьей, в общей молитве.

с Раей на прием. Мамочка очень возмутилась, когда узнала, что меня за то, что я с Пасхи опоздала на ½ часа, наказали на 3 ч. на отпуск. Мне всегда так тяжело, когда мама сердится, ведь она душе своей вред приносит, ведь Господь заповедовал смиряться, я знаю, что это трудно, но что делать. Должно быть я, каменная какая-нибудь, меня наши порядки не возмущают. Нам повелели прилизаться на экзамен. Я сказала маме: «они вас не для жизни готовят, ведь вы и замуж не можете выйти, если не умеете кокетничать». Зачем я не думаю теперь о замужестве.

23 avril. Сегодня такой чудный был день. Солнышко светит. Деревья (позеленели?) Душно. Мы пошли в собор через Вдовый дом. По длинному сырому коридору. Я был очень рада пойти в церковь. Это для меня такое наслаждение. Батюшка произнес очень хорошую проповедь. Сейчас у меня болит грудь, и так, точно все внутри горит. Верно пустяки, пройдет. Во всяком случае, раньше вторника не пойду к Елене Ив. Может к тому времени и пройдет. Лиза сегодня очень рассердилась, а я, тем не менее, продолжаю с ней мирно заниматься. Она сказала, что у меня нет самолюбия, но что же, это по-христиански. Далеки мои мысли от класса, от прозы нашей институтской жизни, не о том мои думы, они далеки. На крыльях могучей мысли я уношусь домой на праздники. Что сладостнее, что прекраснее для меня Светлого Христова Воскресенья, с каким восторженным трепетом слышу я всякий раз пение: «Христос воскрес из мертвых» и все пасхальные песнопенья. (*Неразб.*) и прекраснее их для меня ничего нету. Я вся замираю на минуту в созерцании Воскресшего Спасителя. О, Прекрасный, Светлый, радостный христианский праздник! Как дороги для меня все эти чудесные дни, когда Господь незримо кажется мне ближе к нам грешным, и особенно дорога для меня первая неделя. О, неизъяснимо блаженные дни и как приятно мне воспоминание о них и вместе как всегда бывает грустно, что они уже примчались и торжественно-радостная служба прекращается в церквях. Но этот год, эта Пасха! Ах, зачем, зачем не в силах я описать эти дни, ах, отчего я больше не поэт?! Как светлозарный образ, как чудное виденье, полное красоты, чистоты и поэзии восстает передо мною то прекрасное время! И нет сил, нет слов, чтобы выразить массу волнующих меня чувств, напоминающих и согревающих мое сердце. О, пусть останется бессильно мое слово, чтобы высказать мои чувства и описать поэзию, которой я была свидетельнице, но пусть будет могуч Промысел Божий над моими милыми голубями! На Бога вся надежда, моя и все упование, всего в Его святой воли, как Ему угодно так да свершит Он. Мечтать не грех, не грех изредка вспоминать чудную сказку, которую я выслушала под легкий шелест весеннего ветерка, вспоминать идиллию, которую я видела, то под ясным утренним, то под темным вечерним небом. Слышать изредка смех этой сказки, видеть изредка первые слезы этого первого пробуждения души. Вспоминать тихую, недвижную, зеркальную воду пруда, окруженного снежными глыбами, ясное небо, зеленеющую травку. И почувствовать блаженство при мысли, что это заброшенное место жило, дышало и трепетало под могучим действием того всеобъемлющего чувства, которое соединяет людей и перед которым все должно преклониться, с которым не страшны никакие лишения! О, пусть останется в душе моей недоговоренной молитва, которую я держу, которой обратиться к Богу, не думая, что,

Трепеща и не имея возможности заснуть из-за этого странного страха перед чем-то неизбежным, который меня преследует с 9 лет, я испытываю безумное желание быть еще ближе к Господу.

22 апреля. Среда. Я спокойна. Я верю в нашего милосердного Господа. 20-го, с утра я находилась в добром настроении, чувствовала себя по-настоящему оптимисткой. Вечером я снова стала ощущать трепет, почти до слез. Мы с Лизой стоим перед окном и находимся в состоянии экстаза. От того, что небеса голубые. Возможно ли, Господи, что конец близок? Сейчас я понимаю причину этой мрачной грусти. Причина в том, что, веря в существование Бога, я не верю достаточно сильно в бессмертие души, в бессмертие. А сейчас – прощай моя мрачная грусть, мой пессимизм. Я крепко верю в высшую доброту Господа Нашего Иисуса Христа. Какая высшая радость – быть рядом с Ним и не только видеть, как он источает на нас лучи своего вечного милосердия (*фр.*).

может, просьба моя суетна! Как гроза были мне эти дни. Улыбка – весеннего дня. Слезы – весенние слезы. Светлые надежды как чудный солнечный день. Опасенья, тревоги, сомненья – как темные тучки, как темная ночь. И сильнее всего и выше всего постепенно восходя как солнце, также вошло и согрело и скрепило, но, не паля жаркими лучами, а только согревая сердце маленького, нежного подснежника и сердце орла, который своими могучими крыльями решил ограждать маленький цветочек от бурь. Нет лучше сердца двух голубей, которые решили огражд. за поддерж. друг друга. Но будет довольно, все не то и не то. Смешно и жалко, а я хотела, чтобы было красиво.

29 апреля. Пятница. Леню писать. Ничего не хочется делать. Погода плохая. Шел снег, что будет с посевами?! Настроение неважное, я теперь тороплю время. Скорей бы кончились эти убийственные температуры, 12-ое! Опишу, что было за эти дни. 24-ое в церковь не ходила, училась. Настроение было хорошее. 25-ое экзамен сошел хорошо; я получила 4, хотя, по-моему, не вполне заслужила. Валя Юрьева сказала, что Monsieur Cogni мне доверяет. Дома я любовалась зелеными деревцами. Как хорошо, как мне хотелось остаться дома. Рая сидела и писала письмо. Она все надеется, что осенью он вернется, а теперь я вижу, что раньше декабря отпуска ему никаким образом не дадут, разве пошлют за чем, но это невероятно. Дома я подумала, что вот и я теперь как другие одна, не о чем большей с Раяй говорить, да ей и не хочется. “Il y a des mots sacrés”*. Я немного поиграла на рояле. Приехав в институт, мне как всегда стало скучнее. 24-го мы дежурили с Лизой в VII кл., учились и по обыкновению разговаривали. Она опять говорила о браке, употребляя наименование sante, я затыкала уши, как резало мой нравственный слух это слово, прилагаемое к тому, что для меня казалось святым и прекрасным. Лиза уверяла, что я отрекусь от моих мыслей как только выйду замуж. Нет, нет, повторяла я, мне хоть кол на голове теши. Да кроме того, я никогда не выйду замуж, уже наверняка останусь девственницей, да может еще и в монастырь пойду, только, конечно, в такой, где есть приют для сирот. Лиза мне предсказывает, что я буду посредницей между Раяй и ее поклонниками, что меня будут спрашивать, как она относится к тому или другому. Мне в тот день замужество не казалось особенно привлекательным. В даль, в заманчиво чудную высь, тянуло меня, поближе к прекрасному небу, поближе к Богу. Вечером я сидела далеко устремив взор. «Ты думаешь о Жене», - сказала мне Лиза. Она угадала, я думала о нем, вернее о них и чудные картины рисовались передо мною. Боже Великий! «Нина, ты его любишь?!» - «Да» спокойно ответила я. «Ты выйдешь за него замуж». Мне сделалось даже страшно. Я его люблю не так чтобы выйти за него замуж». О Боже! Ужасная война Бедная маленькая крошка, я думаю, она не живет теперь, а просто горит. Я это чувствую. Я и то так интересуюсь тем, получает ли она от него аккуратно письма. Уже мама разрешила ей, что, в случае, если он осенью приедет, она обвенчает их, и Рая уедет с ним на войду. Рая хочет ехать в качестве его вестового. Какое она дитя! Лиза все думает, что я притворяюсь наивной, какая мне цель?! Кого обманывать? Она даже иногда возмущается, что я не все понимаю. А мне так дороги остатки моего неведения. О, если б можно было пройти в жизни, не узнав ничего грязного, гадкого, это мое искреннее желание. Как томительно, тоскливо делается мне на душе при мысли, что в жизни так много темного, и тогда я рвусь с болезненной тоской в чудный мир моей фантазии, в рай, созданный моими мечтами. С ужасом думаю, что завтра сплошной день зубрежки. В.Кокули говорит, что если бы была такой худенькой, как я, то обязательно пошла бы на войду добровольцем. Все это хорошо, но во 1) мне жаль оставить маму, во 2) я не хочу убивать людей, я предпочла бы лечить раны, тяжелые, их заживлять. Когда я приехала 25-го из отпуска, Оля П. спросила меня, что Жена, наверное, был у Вас. Пришлось сказать, что он давно уже уехал на войну. О, если бы он был дома!

* «Есть святыя слова» (фр.).

3-е мая. Приехала из отпуска. Погода чудная. Тепло 9°, только ветрено. Эти дни у меня было грустное настроение, никаких желаний, никаких мечтаний, ничего, пусто и только. Ждала с нетерпением вчерашнего дня и торопила время. Училась много и устала. Вчера так страшно болела голова. Мне все чаще и чаще за последнее время приходит в голову мысль, что я не создана для светской жизни. Монастырь, тихая келья, тихие думы, тихие слезы, тихие радости – вот моя родина. Вчера мы были в кинематографе. Ходили смотрели шляпы. О, как я не люблю эти покупки! Жаль деньги тратить на пустяки, жаль и обидеть маму, она надеялась, что мне так понравится выбранная ей шляпа. Ах, я чувствую пустоту, такую ужасную пустоту в моей душе, и ничего не может ее наполнить, как только хождение в церковь, тогда только я делаюсь человеком, а развлечения – минутны, и после них еще тяжелей. Нет, мне кажется, что из наших трудно найти человека подобного мне. Все тянусь куда-то вперед, ввысь. Меня изводит, нет, вернее повергает в уныние Н.Струцинская, что она уже зубрит. Как скучно невыносимо скучно. Война. Потом глупые, жалкие сожаления о том, что мне уже скоро 19 лет. Ах, какая я нехорошая, мне досадно, что Н.Привродская пишет обидно, что сама ничего не пишу. Досадно, что я такая грешница. И вместе с тем как тяжело, тягостно, чем можно излечить эту печаль? Нет, скорей бы вырваться из института. Давят меня эти пожелтевшие старые стены! Вчера я еще раз убедилась в наивности или нет, невинности моей Раи, и в сердце мое преисполнилось нежностью к ней. Милая крошка! Храни ее Бог!

Мы продвигаемся вперед к Ниневию. Мне кажется иногда, что я одна во всей России так чувствую болезненно-остро приближение конца света. То мне кажется, что во мне сконцентрировалась печаль всего мира и печаль земли перед концом, весь ужас страшной агонии, которая охватит потом вселенную. Куда идти мне от моей печали, от этой неопределенной, гнетущей боли, которая как змея сосет мое сердце, вызывая слезы на глаза? И между тем, это не скорбь о кончине мира, не страх смерти, но это что-то страшное, стихийное, захватывающее мою душу с титанической силой, и кажется мне, что нет в мире средства, которое спасло бы меня от этого тирана. Испытывают ли другие подобное чувство и так продолжительно? Нет, я вижу, что меня совсем не трогают вопросы о модах, о шляпах, театрах, балах.

Пятница 13 мая. ½ часа дня. Погоду пасмурная, 10°, ветрено. Настроение спокойное, почти радостное, скоро домой! Меня очень радует, что вчера я за древнюю литературу и латынь (*предложение не закончено*). Эти дни на душе было пасмурно от науки, так надоело зубрить. Мне ужасно подумать, что люди идут на высшие курсы и сидят по 5 лет! Вчера ко мне приехала Саша Л.с Валеи на минутку. Какие они милые! Я зубрила, и потому мы только прошли по коридору раза 3-4, и они ушли. За эти дни было событие – история «с письмом»; через нас часто нижние классы опускали письма, потому что у нас не читают их. И вот, в один день таких писем набралось штук 5, между ними одно отличалось своим детским почерком (III кл.). Мне заметила и начала всех допрашивать, письмо не нашло отправителя, его понесли вниз к начальнице, мы все неимоверно шумели и спорили о том, как спасти себя и III кл. Наконец Нина Разумова сказала, что письмо это она нашла на полу и, думая, что кто-нибудь из наших посылает, отнесла и положила к нам на стол. Мне, я думаю, не поверила, но это не беда, дело об этой истории не разбиралось. Н. Струцинская заболела дифтеритом. Бедная, нам ее так жалко! Воображаю, что испытывает она и ее мать?! Нас в карантин не взяли, только освободили от дежурства, дико, точно во время экзаменов, мы не можем никого заразить, ведь мы обедаем вместе с «голубыми», гуляем вместе с другими классами. Сегодня узнаем, есть ли у нас палочки или нет?

Курсы.

Младший специальный класс. По главной «белой лестнице» поднимаетесь вы в третий этаж института. Длинный коридор перед вами, налево и направо тоже по коридору. Идите направо по узкому темному переулку, вы выйдете скоро же на свет в другой коридор направо, вначале будет дверь, с другой стороны печка. Прямо окно, на нем висит термометр, в углу икона «Вознесения» и рядом же дверь к «голубым», рядом с дверью белая печка, а на ней написано «1905». Вы входите в класс, направо в углу висит в светлой раме икона «Покрова Божьей Матери», пожертвованная нам бывшей начальницей нашей графией К.*** в день нашего курсового праздника 1-го октября. Прямо против двери, другая дверь в дортуар. Направо от входа три окна с железными решетками (три полосы поперек). На окнах серые шторы от карнизов спускаются занавесы в виде украшения с голубой каймой. В двух простенках стоят два книжных шкапа ярко-коричневые, верх у них стеклянный и с полок так заманчиво смотрят французские книги, но большинство из них так интересно, что довольно только «полюбоваться» обложкой. Перед самым последним окном стоит стол, за которым Mlle Fourcaud иногда садилась, чтобы послушать «лекцию» латинского языка. В три ряда в длину и столько же в ширину стоял желтые столы, покрытые розовыми кляксапапирами и наборными чернильницами, перед столами соединенными попарно желтые стулья. Прямо перед столом стол преподавателя с белой чернильницей, за столом черная доска, в правом углу белая печка. За нашими столами на столе висит портрет Гоголя в узенькой черной рамке и со своей подписью. В другой половине класса стоит посередине рояль, направо, в темном уголку, диван деревянный со столом, рядом с ним этажерка для нот. В конце класса, в углу у стены, мягкий голубовато-зеленый диван со столом, рядом окно, наполовину матовое в простенке диван перед ним огромный table ronde,* на который наши имели обыкновение садиться, несмотря на то, что на нем стоял на подносе графин с водой, но раз ножки подогнулись, и они скатились все на пол.

Наконец самый уютный уголок класса – маленькое углубление и небольшая дверь в нем, в углублении, стоит кресло, перед ним стол, по стенке рядом с II мат. окном диван. Этот уголок скрыт от любопытных глаз длинным рядом шкапов, двери которых по обыкновению остаются открытыми целый день. В углу опять печка, рядом с ней мусорный ящик. По стенкам в этом салоне висят портреты Имп. Марии Федоровны и др. Класс наш наполовину выкрашен серой масляной краской с голубой каймой, остальная часть белая. В классе 9 ламп, с белыми абажурами 10-ая в салоне, там же еще одна маленькая с зеленым. Рядом с I ст. на I линии стоит стол классной дамы. Нужно списать в дневник написанное мною в дортуаре.

Четверг 12-е мая или пятница 13-е. Что я хочу? К чему я стремлюсь? Куда? Мне грустно вновь, что на свете есть ложь и грязь и порок. О, если я узнаю, как Лиза говорит многое, что скрыто от меня, то я сделаюсь окончательной пессимисткой. Как жить? То мне кажется, что жизнь моя уже прожита, но это от глупости, я это воображаю только для того, чтобы погрузиться в приятную грусть и сожаленья. Я еще молода, меня могут полюбить; ведь не одних же хороших любят, даже и уродов любят, а у меня лицо приличное, и не за лицо же любят. Все это глупости! Лиза все спорит со мной, что в 25 лет, если я не выйду замуж, я буду же старой девой с морщинами, я спорю, что, несмотря на такой «преклонный возраст», я все же буду считать себя молодой.

Меня ужасно неприятно поразила эта ее насмешливость, с которой она сказала «А разве твой хваленый Женя, «жених» Раин, женщин не любит? Зачем эта насмешливость и «жених», я не обратила внимание на «жених», так-то лучше. (15-го. Теперь я подозреваю, что не наболтала ли ей Саша, когда они сидели вдвоем, что Женя без памяти влюбился в нее, но я не думаю.). Я с нетерпением жду воскресенья. Неужели до сих пор писем нет? А

* Круглый стол (фр.).

все же грустно и необъяснимо. Мне почему-то кажется, что я хорошо проведу это лето, но все в Божьей воле.

17-е мая, вторник. Осталось два экзамена, какое счастье! В воскресенье мама и Рая были на приеме, письмо от него получили. Он молчал, потому что не получал Раиных писем. Мама сообщила мне, что я могу получить место, но мне как-то теперь и не хочется, жаль институт бросить, но, конечно, если хорошее место найдется, то нельзя и думать об окончании. Да, какое у меня чудное настроение, как люблю я весь мир! Солнышко светит, все зелено кругом, все молодо, и я молода, мне еще нет и 19 лет! Теперь мне все кажется, что конец света еще нескоро, что люди не так уже испорчены. Мне не страшна смерть и не страшна жизнь, хотя я теперь и думаю, что столько скорбей может постичь нас в жизни. Мне все равно, выйти ли замуж или остаться девственницей, так или иначе я постараюсь вести честную, чистую, полезную жизнь. Мне кажется, что я счастлива не буду, т.е. не буду удовлетворена, потому что не встречу мне человека, о котором я мечтаю, но неужели нет таких людей?! Хотя, по правде, я хочу почти идеала. Патриота, религиозного, верующего, честного, доброго, смелого, неглупого, мужественного и вместе с тем любящего *музыку*, способного понять воодушевление, восторг, но сдержанного при других. Лиза все говорит, что я сентиментальная девица, что я сторонюсь действительности, писатели в виде Арцыбашева и Андреева не по мне. Да, мне думается, что я не к XX в. принадлежу, а так, к началу 19-го или к XVII. Мне думается, что напрасно я «мечу бисер», напрасно я с Лизой говорю о любви к родине, о чистой, честной любви, она все равно останется при своем. Когда она сегодня сказала, что «Скорей бы столицу взяли», я не возмутилась. Зачем?

Вид из нашего класса.

Перед окнами нашего класса, небольшой сад, зелень так чудно разрослась. Ветер колышет деревья, и они раскачиваясь причудливо танцуются. В продолжение целый зимы я сидела и смотрела то и дело в окно. И теперь вечером я люблю устремлять взор мой в ясное, далекое небо. В даль чудесную, даль устремляюсь я всей душой моей, в ту чудную обитель, которая живет в моей фантазии. Да, не даром говорит Лиза, что мои разговоры, мои умиления не просто смертного, а поэта, да я чувствую, что я поэт.

19-ое мая. Четверг. Вознесение. Помню, когда, простившись с Mme Fairise и Mme Boutroux, мы радостные понеслись вверх, с какой глубокой грустью поглядела нам вслед Mme F.: “Vous avez des espérances, de chimères, moi j’ai tout perdu!” * подумала, верно, она, глядя этой улетающей молодой русской стае, она думала, верно, о своей улетающей молодости. И сильно, горячо почувствовала я в ту минуту, что я русская и вера в молодость, в силы, национальная гордость как на крыльях понесли меня вперед. Когда я начинаю разбираться, почему я люблю Россию, я не могу дать себе полного отчета, но только чувствую, что эта любовь с сладкой нежностью, силой и вместе необъяснимой болью захватывает все существо мое. Вчера разбираясь в своих поступках, я решила, что в общепринятой форме я *хорошая*, но как далека я до христианки, и потом мало одной любви горячее и сильной, нужна воля, как сталь, рассудительность, решительность и дела, поступки. Ах, слова, слова, мне даже себя стыдно за эти строки.

21 Mai, Vendredi. * Настроение неважное, исключительно из-за того, что я вчера от Верочки взяла «Крейцерову сонату», она давит меня своим присутствием. Мама советовала мне ее не читать, когда по дороге домой я спросила ее совета, как мне

* «Вы живете надеждами, иллюзиями, я же все потеряла!» (фр.)

* Среда (фр.)

сделалось обидно, что я уже немного подчитала. Но я не верю по-прежнему ни в какую пошлость и не могу и не хочу верить. Нет! Нет! Бывают, конечно, исключения, но они не сделают меня пессимисткой. А вчера вечером опять было тяжело, опять как кошмар давило меня неизвестное, грозное, неизбежное. Думаю о монастыре. Все в воле Божьей, где укажет, там и буду служить. 19-го вечером приезжал г-н Кони, читал лекцию о Великом князе Константине Константиновиче, и опять как на крыльях поднялась я над погрязшей землей во грехах, и вера в возможность честной, хорошей любви, светлое вдохновенная любовь охватила меня. Кони совсем старенький, у него больная нога. Приезжали на лекцию VIII-классницы Павловского Института. После лекции пошли пить чай в квартиру Веры Викторовны. Мне очень хотелось спать. 21-го был выпуск. Я присутствовала и безумно жалела, что осталась тогда в V классе на II год. День был пасмурный шел дождь.

Лиза мне ужасно не нравится своим цинизмом, с каким она отзывается о любви, о браке, о патриотизме, настоящий двор, как она вполне справедливо называет себя. Мне противно слушать ее разговоры, и я уношусь далеко-далеко мыслями, чтобы не слышать ее слов.

25-го ездили в город. Я очень была недовольна, что шарф мой остался в институте. Погода была душная, но пошел дождь, и мы спрятались в Гостином дворе. Встретили Александра Николаевича и Ольгу Николаевну Печниковых, они нас пригласили к Кузнецову. Мне так дико было это услужливое внимание лакеев, которые окружили нас. У Кузнецова говорили о Саше, опять восхваляли меня. Это ужасно, я считаю и Лизу, и, пожалуй, и Сашу хуже меня, что же я за совершенство!

Июнь. 5-ое воскресенье. Le 26 chez Vera j'étais triste parce que j'ai lu un peu de «Крейцера соната», ** там было написано, что грех выходить замуж, что отношения между мужчиной и женщиной должны быть как между братом и сестрой.

Le 27. Sacha est venu.

Le 28. Olga Nikolaevna Petchnikova et Алекс. Николаевич. Etaient venus.

Le 29. J'étais de bonne humeur, c'est pour la première fois de ma vie que j'ai mon anniversaire le jour de Trinité. J'ai reçu Soukorsky, je n'étais pas trop contente, j'aurai aimé mieux un livre français. A l'église je me sentis mal. Le jour j'étais très silencieuse, parce que j'étais très fatiguée ; il faisait horriblement chaud. Sacha parlait tout le temps, et me fatiguait même de son verbiage.

Le 30. Nous sommes allées avec Sacha chez Каролина Иванова. Il faisait du vent. Je ne veux pas partir chez Sacha pour Кронштадт.

Le 31. Nous étions en ville. (неразб.) étais allée chez Petchnikoff. J'étais très fatiguée . Maman trouve que Саша est terriblement coquette.

Le 1 juin. J'ai reçue une leçon avec un латыш de russe. J'étais très contente.

Le 2 juin. Ma première leçon.

Le 3 juin. J'ai reçu une bonne leçon pour 40 roubles par mois. Deux heures chaque jour avec une fillette de la IV cl. Mais le jour suivant en m'a fait savoir que celle apprendra avec sa tante. Merci bien ! Ma foi ! La dame n'est pas jolie, étais déjà prête à renoncer à toutes les autres leçons possibles.

Le 5 juin. Le temps est mauvais, il pleut tout les jours, des le 1-er juin. Hier, le soir après l'église je pensais de nouveau au couvent. Maintenant au contraire je pense au mariage, à l'amour, tout cela me semble si beau ! Je pense avec plaisir que tous ces jours j'ai bien travaillé. C'est bien dommage que je n'ai pas des leçons, ma première je l'ai donnée à Рая.

** 26-го у Веры я расстроилась, читая «Крейцерову сонату».

Le 7 juin. Hier nous avons fait une promenade a Удельная, s'il ne faisait pas avec beau, du moins il ne pleurait pas, c'est la première journée. A notre retour, nous avons rencontré une nonne avec de petites filles. « Que c'est bien un asile du couvent d'ambiance du couvent influe beaucoup sur l'éducation. » Et les nonnes sont actives, elles travaillent, elles élèvent les enfants. » De nouveau je pensais que couvent, que c'est bien élever les enfants, prier, aller à l'église, mais à quoi bon j'apprends alors le français, j'oublierai la, je n'aurai plus de pratique. Ah ! ce sont de pensées puériles d'une mondaine. Maintenant je sens mon cœur se serrer, je pense de nouveau à la fin du monde et c'est parce que j'ai lu tout de suite dans le journal qu'il était une nouvelle insurrection à Dublin, que la neige a gâté les semences en Germaine et en Autriche-Hongrie. Aujourd'hui j'ai eu ma premier leçon avec une fillette de 14 ans Sonia. La pauvre petite à l'air tout à fait hébété, il faut commencer par les choses les plus simples : « Je m'approche de la tante. » Je la plains et je l'aime quoiqu'elle m'annui un peu. Il me semble toujours que je ne saurais capable que d'amour fraternel et jamais personne ne m'aimera. C'est étrange chaque fois que je pense au couvent à la vie dévote, je suis toujours plus insupportable que jamais, ainsi hier j'ai rapproché à Пая d'être venue plus tard pour cinq. L'heure du coucher. Саша est partie pour Кронштадт hier elle était venue nous dire adieu, je sens son absence, je regrette qu'elle est partie. Hier très intéressant, le soir à 9 heures presque Маргуша m'a annoncé qu'un élève me demandait. J'entre dans la chambre, un monsieur à moustache rousse me salue, je pense qu'il est venu demander leçon pour son enfant, point du tout, c'est pour lui-même leçon de théorie et pratique. 2 fois par semaine par une heure et demie « 20 roubles », dis-je sans broncher. « Je viendrai dans deux semaines dit-il maintenant je suis très occupé au bureau. » (Nous avons parlé français). Après sa sortie j'ai compris que j'ai voulu une somme considérable 2R50K pour h 1 ½ et sans doute il ne viendra plus quel dommage une si belle leçon. J'avais honte d'avoir demandé un prix aussi considérable ? Je ne sais pas pourquoi je me sens insatisfaite, non pas ça ; je dois seulement pour tout remercier le bon Dieu, mais j'ai comme dans mon foi intérieur un vague désir vers inconnu, incompréhensible. Cette satisfaction je la trouve au cœur de l'église.

Nous avons pris l'offensive sur le front d'Autriche-Hongrie, chaque jour nous prenons des milliers de prisonniers. L'expérience renaît dans mon cœur peut-être le printemps (avril) prochain de 1917 la guerre finirait-elle enfin à la garde de Dieu que sa volonté soi faite ! Maintenant je suis redevenue plus tranquilles. Merci mon cher journal, merci.

20 juin. Lundi. Maman joue du piano, elle a eu une conversation désagréable avec ma tante et maintenant c'est une vraie torture de l'entendre jouer. Que de changement ! Non dans ma vie mais dans la société. La douma a établi l'égalité de tous les citoyens, les paysans peuvent entrer dans toutes les écoles enfin on a voulu même abolir les titres de noblesse et faire des paysans, des nobles etc. des citoyens de l'empire russe. Raja c'est beaucoup indignée, moi je crains tout de même que cette égalité n'amène la révolution, en France, c'était commence de la même façon. Quant à l'égalité je n'ai rien contre cela ou toutes fois très peu, mais cependant il me semble qu'elle amènera un grand chaos, incompréhensible. Un jour que nous étions chez Olga Ivanovna и Carolina Ivanovna, Ol. Iv. a dit qu'on avait prédit qu'en d'an 2000 il n'y aurait plus d'ouvriers, ni de nobles, que tous seraient égaux. C'est impossible, c'est une utopie, du reste je ne trouve pas que le vrais bonheur soit caché là. Moi, je n'envie point les grands, les nobles, les princes, les ducs, que n'importe le titre. Pauvre humanité, cet idéal qu'elle rêve il viendra après la mort, qui est bien proche. Raja se demande pour qui est Dieu pour le peuple, l'égalité ou pour les nobles et elle se répond que Dieu est pour les partisans de l'égalité. Qui sait ? Parfois de nouveau les pensées triste me viennent à propos du mariage, mais je reste comme autrefois convaincue que le mariage est saint, parce qu'il est consacré par Dieu Lui-même. Aujourd'hui j'ai lu poésie de Копыткин et je commence de nouveau à espérer de trouver un homme au cœur noble, surtout qu'il eut de l'estime pour la femme, presque de vénération. Maintenant nous aurons à l'institut de paysannes, non, décidément ce n'est qu'un chaos. On parle que la guerre

finira bientôt je ne le crois pas, pas plus tôt qu'au mois d'avril. Nous avons été à Olgino, c'est très bien là. J'ai deux leçons chaque jour, une avec une fillette, l'autre avec un garçon, je gagne 40 roubles par mois et ce n'est pas du tout fatigant. Nous avons été à Narodniy Dom, là nous avons vu « Deux familles ». Une jeune femme aime le frère de son mari et se tue aussitôt après la cérémonie nuptiale au yeux des jeune homme et de la jeune femme. J'ai senti tout à coup que j'aimais Eugene, c'est-à-dire je me le figurais. Quelle honte, j'en rougis. Cette imagination était si puissante que je me sentais profondément à plaindre. Je veux être douce et tout au contraire je remarque que je suis très capricieuse.*

* 27-го. Приехала Саша.

28-го. Приехали Ольга Николаевна Печникова и Алекс. Николаевич.

29-го. Я в хорошем расположении духа, так как впервые в жизни мой день рождения пришелся на Троицу. Ко мне в гости пришел Сукорский, но я была не очень довольна, лучше бы я почитала французскую книжку. В церкви я почувствовала себя плохо. Весь день я ни с кем не говорила, так как сильно устала, было ужасно жарко. Саша все время болтала, и я устала от ее болтовни.

30-го. Мы пошли с Сашей к Каролине Ивановне. Было ветрено. Я не хочу ехать к Саше в Кронштадт.

31-го. Мы в городе, идем к Печниковой. Я очень устала. Мама находит Сашу ужасной кокеткой.

10го июня. У дала урок ученику из русских латышей. Я очень довольна.

2-го июня. Мой первый урок.

3-го июня. Я стала давать уроки за 40 руб. в месяц. Два часа каждый день с девочкой из 4-го кл. Но на следующий день мне дали понять, что она будет заниматься со своей тетей. Спасибо! Право же! Дама малопрятная, я уже готова отказаться от возможных остальных уроков.

5-го июня. Ненастье, все время идут дожди, с первого июня. Вчера вечером, после церкви, я вновь подумала о монастыре. Сейчас же, я, напротив, думаю о замужестве, о любви, все мне кажется таким прекрасным. Я думаю с удовольствием, что все эти дни я усердно работала. Жаль только, что у меня нет уроков, свой первый я отдала Рае.

7-го июня. Мы совершили прогулку в Удельное, погода была не очень хорошей, но, по крайней мере, впервые не было дождя. К нашему возвращению мы встретили монашку с двумя маленькими девочками. «Атмосфера обители оказывает большое воздействие на воспитание. Монашки постоянно трудятся, воспитывают детей». Я вновь подумала о монастыре, о том, что хотелось бы воспитывать детей, молиться, ходить в церковь, но для чего тогда учить французский, я его забуду, у меня не будет больше практики. Все это ребяческие мысли светского человека. Сейчас я чувствую, как мое сердце сжимается, я вновь думаю о конце света, и все это оттого, что я только что прочитала журнал, в котором говорится о новом восстании в Дублине, о том, что снег погубил посевы в Германии и Австро-Венгрии. Сегодня я провела свой первый урок с девочкой 14 лет Соней. Бедняжка выглядит довольно туповатой, нужно начинать с самых простых вещей: «Я подхожу к тете». Мне ее жаль, и мне она симпатична, хотя и несколько мне докучает. Мне все время кажется, что я могу быть способна только на братскую любовь, и никогда никто меня не полюбит. Это странно, каждый раз, когда я думаю о монастыре, об отшельнической жизни, я становлюсь еще более невыносимой, чем когда-либо; так, вчера я подошла к Рае, чтобы она пришла попозже, к пяти. Время укладываться. Саша уехала в Кронштадт, вчера она заходила попрощаться, я ощущаю ее отсутствие и жалею, что она уехала. Вчера, довольно интересно, почти в 9 часов вечера Маргуша сообщила мне, что меня спрашивает ученик. Я вошла в комнату, мужчина с русыми усами поздоровался со мной, я думала, что он пришел поговорить со мной об уроках для своего ребенка, но вовсе нет, ему самому нужны были уроки теории и практики. 2 раза в неделю по полтора часа. «20 рублей», - сказала я ему, не колеблясь. - «Я приду через две недели, - сказал он, - я сейчас сильно занят на службе» (мы разговаривали по-французски). После его ухода я сообразила, что запросила слишком большую сумму, 2 р. 50 к. за полтора часа, он, конечно же, не придет, а жаль, хороший был ученик. Стыдно ли было просить столь значительную сумму? Я не знаю, почему я чувствую себя неудовлетворенной, не поэтому, я должна только за все благодарить Господа, но у меня, как в моей внутренней вере, смутное желание постигнуть неизвестное, непостижимое. Это удовлетворение, которое я чувствую в центре храма.

Мы начали наступление на австро-венгерском фронте, каждый час мы берем тысячи пленных. Это испытание вновь возродилось в моем сердце, возможно, к весне (апрелю) следующего 1917 года война наконец кончится, храни Боже, чтобы его воля исполнилась! Сейчас я вновь обрела спокойствие души. Спасибо мой дневник, спасибо.

20 июня. Понедельник. Мама играет на пианино, у нее был неприятный разговор с моей тетей, и слушать сейчас, как она играет, настоящая пытка. Что за перемены! Не в моей жизни, а в обществе. Дума постановила о равенстве граждан, крестьяне, наконец, могут поступать во все учебные заведения, хотя

26-ое июня. Воскресенье. Настроение не совсем спокойное. Сейчас говорили с тетей Сашей, она рада, что теперь не надо ей кокетничать говорить, что влюбляться нехорошо, что ничего еще, если заходит недалеко. Ах, все это рефлексия, анализ. Можно ли разбираться в чувствах, «копаться» ведь так все можно загрязнить. Одно время я тоже мучительно чувствовала на мне веянье времени. Господи! Ведь не грех, не преступление то, что благословляет Сам Бог! Раньше на это смотрели и здоровее и чище. Приезжала Лиза со среды на четверг, намазалась умопомрачительно так, что я уже ей посоветовала стереть. Не знаю, как мне взяться за то, чтобы остановить ее в стремлении по наклонной плоскости? Я сама недостаточно хороша. За это время я много сердилась и под конец пришла к заключению, что я очень нехорошая, прямо дрянь капризная, раздражительная, унывающая по пустякам, придира, эгоистка, кривляка и т.д. Я расстроилась, вспомнила, что в институте все говорили, что я ни на что не годна, смеялись надо мной, «я теперь в себя не верю» добавила я. Рая успокаивала меня, сказала, что все люди любят посмеяться над слабым, несамоуверенным, обидчивым. – А я не люблю, зачем обижать напрасно? Отчего люди такие злые, что их такими делает? Верно, их в детстве дразнят. Вот опять стремление стать лучше, мечты, порыв в высь, ах все это пустое. Чудное есть у Тургенева стихотворение «Человек, каких много». Вот именно я такая. Силы воли во мне мало, а без этого ничего нельзя. Мне все больше приходит мысль, что я не выйду замуж. Иногда мне жаль пролетевшие юные годы, иногда я чувствую себя такой молоденькой, юной!

27-ое, понедельник. Мама спросила меня, не влюбилась ли я во вчерашнего «гувернера». – Нет. Кто же будет тот счастливый смертный, в которого ты влюбишься, может это будет дух бестелесный.» Записываю это потому, что интересно, в самом деле, кто этот избранник. Но сейчас меня вновь беспокоит мысль о конце света, о загробной жизни, я еще не поднялась на высоту того духовного развития, чтобы постичь то блаженство, которое заключается в полном самоуничтожении, я еще ползу по земле. Мне кажется, что я стала немного точно сдержаннее. Мне и не совсем по себе еще из-за мысли о том, что я многое узнала, чему не хочется верить, эти мысли смущают мою душу.

30-е четверг. Сколько новых разнообразных переживаний! Все в душе опять кипит, шумит! Вчера были на «Анне Карениной». Играла Истомина. Она живет под нами. Никогда в жизни я не рвалась так в театр, и Рая тоже, как в этот день. Пришла в театр,

упразднить дворянские титулы и сделать крестьян, дворян и т.д. гражданами российской империи. Рая сильно возмущается этим, а я все же думаю, что это равенство нас приведет к революции, во Франции все началось именно с этого. Что касается равенства, я ничего не имею против этого или почти не имею, но, в то же время, мне кажется, что оно приведет к колоссальному хаосу, который мы даже себе не можем представить. Однажды, когда мы были у Ольги Ивановны и Каролины Ивановны, Ольга Ивановна сказала, что она слышала предсказание, что в 2000 году больше не будет ни рабочих, ни дворян, все будут равны. Это невозможно, это утопия, впрочем, я не думаю, что истинное счастье заключается в нем. Я совершенно не испытываю зависти к богачам, аристократам, князьям, герцогам, какие бы титулы у них ни были. Бедное человечество, тот идеал, о котором оно мечтает, придет после смерти, которая уже близка. Рая задается вопросом: для кого Бог – для людей, для равенства или для аристократов, и отвечает на этот вопрос, что Бог для сторонников равенства. Кто знает? Иногда вновь грустные мысли приходят ко мне о замужестве, но я остаюсь, как и прежде, убеждена, что брак священен, потому что он освящен самим Господом. Сегодня я читала стихи Копыткина, и я начинаю вновь испытывать надежду найти мужчину с благородным сердцем, который с уважением относится к женщине, боготворит ее. У нас сейчас создается ведомство по делам крестьянства, нет, решительно, это будет только хаос. Говорят, что война скоро кончится, я в это не верю, это будет не позже, чем в апреле месяце. Мы были в Ольгино, там было чудесно. У меня теперь два урока день, один с девочкой, другой – с мальчиком, я получаю 40 рублей в месяц, и это совсем не утомительно. Мы были в «Народном Доме», там смотрели «Две семьи». Одна молодая женщина любит брата своего мужа и совершает самоубийство сразу же после брачной церемонии на глазах у молодого человека и его молодой жены. Я почувствовала вдруг, что люблю Евгения, то есть я себе это представляла. Какой стыд, я даже покраснела. Это воображение было настолько сильным, что я глубоко пожалела об этом. Я хочу быть смиренной, а получается совсем напротив, я замечаю за собой, что я слишком капризна (*фр.*).

музыка играет, во мне вновь поднялось чувство подобное как в Ольгине, мне казалось, что я влюблена, «Все силы ада» казалось мне, собрались, чтобы завладеть мной, сломить меня». А утром после церкви я говорила с Раей о нравственности, высказывала скептицизм ко всему, к науке, к чему она? В царствие небесное не приведет. Зачем прогресс? Зачем дурацкая педагогика, учите поступать по заповедям Божиим. Люди от всего этого ничуть не лучше становятся, потому что они лишаются своей невинности, простоты, которая одна могла оправдать наши грехи. И думала я, что после театра заживу другой, высшей жизнью. И вот в театре я чувствовала, что влюбилась в Истомину; ах как она играла, плакала совсем от чистого сердца. Какой талант! Она волновала всю мою душу и я встала после последнего действия со слезами на глазах. Какая трагедия! Какая драма! И не могла я так строго осудить Анну, как это бы сделала суровая моралистка. Конечно, она должна была остаться со своим сыном, вот это была бы сильная женщина. Но все же ее любовь к Вронскому, вот истинно-сильная и опять раньше бы я сочла такую любовь дьявольским наваждением, а в тот вечер нет, нет, она мне казалась счастьем, конечно, у Анны она была соединена с тяжким грехом, но муж должен был дать ей развод. Мы пошли из театра. Истомина с мужем (Андриевский) шла позади нас, и я слышала ее чудный голос. Мама жалела, что мы не познакомились с ними, но мне казалось, что это неловко. Мы пришли домой, я говорила, что мне ужасно хочется быть артисткой, я кричала: «Хочу быть артисткой!». Все мысли о святости были забыты, улетели, а мне было так хорошо, так чудно. Утром меня разбудил благовест к ранней обедне, и первый раз в моей жизни неприятно поразил он меня. Почему? Может, потому, что он мне напоминал о загробной жизни, о словах спасителя, потому что сцена – это грех. Может, потому, что я была во власти мрачного духа, и ему неприятно было слышать эти звуки. А вчера, вернувшись из театра, я слышала внутренний голос: «Кончена моя жизнь с вами, такой урок не даром». Как странно, когда я об этом не думаю. Уроки меня не интересовали, я забыла даже о том, что должна придти ученица. Она пришла такая мила, симпатичная. Мы поехали в город, Рая и я. Я была страшно оживлена, болтала и смеялась всю дорогу, говорила, что меня даже изгонят из ада. Я была весела и беспечна, конец света так конец света. У докторши я подумала: вот возмездие за мои греховные мысли, так и надо. На обратном пути мы бежали под проливным дождем, я думала, что нам попадет за это, и все мои желания влюбиться, мои мечты казались такими пустыми и греховными. Приехав домой, мы побежали опять на урок, наниматься. И ничего, ничего было жуткого у меня при мысли о смерти, я с большим чувством, так мне казалось, поиграла на рояле. И сказала, что мы живем «вне времени и пространства», потому что я забыла или не думала о войне и не могла понять, к какому времени отнести нашу жизнь. В пятницу я говорила, что хочу быть артисткой, и плакала, и смеялась. Оставаясь одна, я мечтала о любви и улыбалась, и мне казалось смешным, что раньше я говорила, если я полюблю человека, то никогда не захочу сидеть с ним близко, положив мою руку в его. Пришли Ольга Васильевна Скородумова с Зинаидой Викторовной, рассказывала о гениальности своей дочери Канички, а я сидела и думала, никто не знает, что происходит во мне. Мне казалось, зачем учиться, что за интерес любить быть любимой, играть. В субботу первый урок с Верой. Славная девочка, ей 16 лет. Мне не хотелось идти в церковь, но мы пошли. Сразу охватила меня эта атмосфера и показалась мне, что эти чувства исчезают. Мне казалось, что как с такими грешными мыслями стоять в церкви. Нужно бороться, это искушения, нужно победить эту пробуждающуюся страсть, и это возможно и должно, как же побеждал такие искушения блаж. Августин, да, но это был святой, а я - можно ли сравнивать. Да, но выходят же победительницами и монахини, но я чувствовала, что такие мысли подсказанные моим рассудком и противоречили настроению моего сердца. «Но я не хочу бороться» твердило оно. Правда, в моих мыслях ничего не было безнравственного, и по-прежнему противны мне были всякие пошлости, но, все же, думала я с грустью, что это грех. Ночью я подумала о конце света, о войне, мне стало жутко и стыдно и грустно. Война! Боже, когда же, когда же конец. Сегодня совсем

другое настроение, почти монашеское, хотя и хочу нравиться, но чаще приходит мысль, что все грех, нужно любить только христианской любовью, другие чувства к мужчине греховны. Ай, война, война, а мы ходим в театр, но после смерти все успокоится, там мир, вечный покой. Видела Истомину, и опять вострепнулось мое сердце. Нет, нет, где же правда, что делать, и скучно и досадно окончить дневник такими словами. Мне кажется, что не смогу я погрязнуть в житейских заботах, я хочу быть для мужа и богиней, перед которой бы он преклонялся, но нет, это язычество. Вот четыре дня прошли, и я избавилась от влияния впечатления. Все глупости. Чувства, волнующие душу, умрут, я буду учительницей, невозмутимой, как анатом. Нет опять, опять загорается в душе моей прежний огонь, опять беспечная удаля, охватывает меня. Что же это?

4 juillet. Maman trouve que nous sommes trop tristes, trop inactives, inanimées, parce qu'elle nous a comparé à Mlle Savelieff et nous avons résolu de nouveau « d'être aussi vives que les pompiers ». Tout de suite il pleut, une véritable averse. Hier pour la première fois de notre vie Raja et moi nous étions au cinématographe. Non, décidément le théâtre me plaît mieux, ici tout me rappelle la guerre, là je me repose.*

13 июля. Давно не писала, а многим можно поделиться, во многом отдать отчет. Приезжала Екатерина Алексеевна Осипова. Хорошо, если бы она вышла замуж. Вечером были в кинематографе. Приходила опять как-то Ольга Васильевна Скородумова, мама сказала мне, что она святая женщина, и я умилилась. Потом мама говорила О.В., что вот было бы хорошо, если бы Костя не ушел в монастырь, а сделался священником, она кого-нибудь из нас выдала за него. Сначала мне не понравилось быть женой священника, но потом я призадумалась, и долго, долго думала и говорила с Раей о том, какая бы я была добродетельная жена и идеальная мать. «Как можно быть счастливой, если так жить, помогать бедным, молиться, в театры не ходить» говорила Рая, а я все же думала, что с моей стороны это был бы подвиг, по крайней мере, вначале. Вечером того же дня познакомились с Ксенией, она была уставши, все время молчала, только изредка посмеивалась. Придя домой, тетя Саша осудила Костю, зачем он просит мать приехать, а не едет сам, но Рая и я нашли, что кто служит Богу, не должен думать о родных. И мне все слышалось после «Царствие Божие силою дается», Да, именно так. В воскресенье нянчили Диму (4 мес.), сын нашей жилицы. Как я люблю детей. В понедельник учили, как всегда. Идти в гости не особенно хотелось, но потом я не пожалела. У Ольги Ивановны были Аня Ольтаржевская и ее подруга Юличка. Какие они милые барышни, мы так хорошо провели время, болтая с Аничкой (Юля играла в карты), Викентий Александрович говорил о спиритизме, магнетизме и прочее. Рая страсть как это не любит. Он говорит, что может через тысячелетия люди будут вечно-молоды. Тысячелетия! подумала, смерть стоит уже совсем близко подле нас. Да, мама сказала, что мы очень мило держали себя. На другой день, Рая и я ходили в город. Бегали по Невскому за ботинками. У меня минуту было именно блаженное, чудное настроение. Я укоряла то себя, то Раю в том, что мы поздно придем к Савельевым. Мне как-то легче, когда есть кого обвинить, иногда и себя. У Савельевых было очень хорошо, но мы зашли на минутку, т.к. торопились домой. Вечером мама расстроилась, почему мы не пообедали у Савельевых, раз нам предложили, но нам право же не хотелось, тогда мама сказала, что мы больные. Мы сегодня ходили купаться. Там нахалы смотрели в щель. Какие гады! Тьфу! Возвращаясь из купальни, мы увидели объявление «Василиса Мелентьевна» с уч. Истоминой, все так во мне и загорелось. Вечером мама сказала, чтобы мы шли гулять. Мне хотелось писать дневник, но я пошла довольно охотно, однако придралась, может, из-за этого же случая и

* 4 июля. Мама считает, что мы слишком унылы, слишком неактивны, безжизненны, так как она сравнила нас с мадемуазель Савельевой, и мы решили вновь «быть такими же энергичными, как пожарные». Тут пошел дождь, настоящий ливень. Вчера первый раз в нашей жизни мы с Раей были в кинематографе. Нет, решительно, театр мне нравится больше, тут все мне напоминает о войне, здесь же я отдыхаю (фр.).

поссорилась с Раей. Как мне было потом неприятно и стыдно после. Вот ужас! Наши взяли Эрзинджан, Армения все за наших, помоги нам Боже. О, как я была рада, как благодарна Богу.

19-ое июля. Вторник. Два года войны. Вот третий наступил. Когда же конец? Что будет с нами, когда война кончится? Я даже слышать об этом не могу, плакать готова. Такое счастье! Неужели же не дождемся мы этого? Апокалипсическое время. Сказано в газете, верно так, но меня это больно не пугает. Все в воле Божьей. Так жаль, что не удалось сегодня пойти в церковь, помолиться такой великий день. А два года тому назад я задыхалась от волнения и восторга, читала об объявлении войны, глупая. Я спокойна и почти весела и жду чего-то великого.

30-ое июля. 1916 год. Суббота. Как трудно писать дневник, когда так долго ничего не писала. Помню, как-то встретила Геню Буйко с ее несчастным отцом (слепоглухонемой), я опять подумала, что какая счастливая и в душе поблагодарила Бога. А потом мне стало грустно, можно ли думать о весельи, когда столько несчастных? Да, у меня се угрызения совести, за то что я мало учусь, за то, что зубы не вылечены и т.п. Все глупости. 20-го вот был день разнообразных впечатлений! Утром, т.е. в 1 ч. дня, ходили с тетей Лизой смотреть на крестный ход, который пришел из Андреевского Собора в приют Лепту. Там находится икона Святителя Питирима Тамбовского. Много есть почитателей этого святого, что касается меня, то я чувствую какой-то трепет перед митрополитом, а в этот день настроение мое не было религиозным. Вошла в церковь спокойно. Там мы увидели даму, которая исцелилась, намазавшись маслом от лампы святиителя. Настроение мое мало-помалу менялось, хотя дух неверия смещал меня в этот день. Придя домой, мы немного подзаялись, а потом Рая и я пошли провожать крестный ход. Я молилась. Настроение было восторженное. Там чувствовала я истинное равенство, казалось, что все друг другу братья, и никто не осудит, не осмеет бедного или некрасивого, проводив крестный ход мы пошли за билетами в театр. Первый раз в жизни мы шли так самостоятельно в театр. Тетя Саша ничего не могла сказать, потому что была тетя Лиза. Шло «Под колесом» Бен. Красовской. После второго действия Андриевский говорил речь и целовался с Красовской, играли туш, а мне опять захотелось быть артисткой. Как приятно, какое товарищество! В антракте мы увидели Истому, она пошла наверх в ложу, мы понесли за ней галопом, прошли мимо ложи и потом издали смотрели все на нее; верно она нас видела. Вот настоящие поклонницы! Когда открылась занавес, и началось первое действие, мне все казалось диким, вот они изображают чужую, вымышленную жизнь с их вымышленными скорбями и невзгодами, а там, вдали от этой сцены, настоящая жизнь, живые печали и несчастья, может ли трогать меня эта выдумка, не смешны ли, им жалки ли те люди, которые изображают этот вымысел и приковывают внимание праздных людей?! Но вскоре я заинтересовалась ходом пьесы и не клеймила так жестоко артистов. Вся публика торжествующе смеялась над раскрытыми кознями низких людей и явно сочувствовала несчастной матери. Видно хорошие струны человеческой души, единодушно звучали в этом зале. Как всегда, мы ждали выхода всех артистов. Было свежо. С нами оставались 2 офицера, они толковали о войне, о потерях полка. Вот она, настоящая, тяжелая жизнь. Наконец вышли Истомина и Андриевский, мы мигом перебежали на другую сторону и пошли было вслед за ними по направлению проходного двора, но они свернули и направились к артистам. Мое поджидали их. «Кудрина Ек. С. (не помню хорошо)» послышался голос Андр. Я ничего не ответила, он перешел было на нашу сторону, но его остановили. Вот, не воспользовались мы предложением познакомиться. Наконец они пошли, мы за ними, потом мы опередили их. К нам навстречу бежал Тоби. «Ах как интересная, смешная собачонка», послышался сзади голос. А мы и не обернулись. Дома, конечно, тетя С. беспокоилась.

Как-то мне, право, стыдно сознаться, я опять рассердилась на Раину долгую молитву. Она молчала, но наконец расплакалась и сказала, что наложила на себя епитимью, я увидела ее, просила прощения. После этого я окончательно излечилась от своей дурной привычки, а сделав это признание, надеюсь, что это со мной никогда не повторится. О много, много значит это признание себя!

17 июля. Мы были на «Василисе Мелентьевой» с тетей Сашей. Был дождь, погода отвратительная. Мы ходили купить розы, но так и не могли. Мне не понравилось, что Истомина играла такую пифию, но, все же, она играла хорошо. Андриевский был тоже очаровательным, но после не было у меня и помину настроения после «Анны Карениной».

22-го июля. Гостей набралось много. Верочка, Рая и я все время были в бегах. Вечером Василий Николаевич немного попел, мне так приятно было слушать пение, особенно со словами Вел. Кн.

23-го. Приезжали Савельевы, рассказывали, что у гроба Павла I все молятся и получают всегда просимое. Что, если он святой. У меня эти дни было религиозное настроение.

15-ое августа. Понедельник. 1916 год. Сегодня Румыния объявила войну Австрии, стала нашей союзницей, но мне она противна, т.к. выступила только потому, что видит на нашей стороне силу.

16-го августа. Никак не могу собраться написать дневник.

24-го июля были у Веры и Бори, было довольно пасмурное настроение.

8-го августа мы поехали в Ольгино. Я была очень довольна ехать туда. Мама поехала вперед, мы за ней, после уроков. Приехали мы очень заблаговременно, так что пришлось ждать минут 10, 15. Поезд тронулся. Наконец! Мимо нас прошел господин с тросточкой, как у Петра Николаевича Строева, не они ли? – подумала я, но тут же поспешила отогнать эту пустую мысль. Г-н прошел в соседнее купе. В вагоне было душно (я, хотя и радовалась тому, что вернулись хорошие деньги, тем не менее, мы вошли на платформу. Рая решила, что это П.Н.С. Мы смеялись и болтали. Он вошел к нам на площадку, разговор шел плохо, потому что поезд немилосердно стучал. Каково было удивление Марии Григорьевны и мамы, когда мы подошли втроем к даче. У меня болела немного голова. После чаю мы пошли к морю, там недолго пробыли. Вечером взрослые играли в преферанс. Мы пошли погулять и встретили Мте Калиш, она казалась утомленной и недовольной. У меня ужасно разболелась голова, и я чувствовала себя совсем плохо. Возвращались мы пешком по Сердобольской с П.Н. было темно, ни зги не видать. Простившись около нашей калитки, мы решили идти вместе в театр 11-го на бенефис Истоминой.

9-го ездили в город. Была ужасная погода – ливень. Мама недовольна была, что мы поехали к докторше. Я решила в этот день никогда не слушаться мамы.

10-го. Бегали, хлопотали перед завтрашним днем.

11-го августа. Утром были, как всегда, уроки, потом хозяйничали. Я много смеялась, мне все казалось, что мы точно из Островского. Приходила Наталья Степановна. Мы так испугались ее звонка, что у меня подогнулись колени. Н.С. пожелала мне влюбиться и привязать его ко мне. «Реичке еще рано», добавила она. Вот пришел и

П.Н., он, конечно, заблудился и сначала попал вниз. За обедом он все хвалил, всем казался доволен. Потом мы пошли за букетом. Он заплатил за нас и купил еще ругой из душистого горошка. (Мое желание исполнилось - у меня в вазе первые поднесенные цветы). В театре мы просили передать букеты г-же Истоминой. П.Н. был очень весел, смеялся и нашел, что труппа эта даже слишком хороша для Лесного. Мы пошли поаплодировать Истоминой, она мне не казалась так хороша, как всегда. Мы просились у калитки с П.Н, он решил нам написать, если придете. Я не знаю, почему моя рука долго оставалась в его. Нет, он мне не нравится, да едва ли я ему могу понравиться. Мы остались ждать Истому и Андриевского, но я посоветовала пойти Рае в театр, и в результате мы их не встретили. Мама очень досадовала за нас.

13 августа. День был сносный, мне не особенно было приятно идти к Вере и Боре. Разразилась гроза. У них было холодно и сыро. Пришла Женя. Вот как нынче все много о себе думают, когда у меня есть гораздо больше оснований возмнить о себе. Гадали, как водится. Говорили с Верочкой довольно в обостренной форме из-за угощения на ее счет, я смеялась как артистка. Когда мы вернулись домой, сюрприз – письмо от Истоминой. Восторгу нашему не было границ, я задыхалась, смеялась! Какая красавица! Какая милая! «Спасибо за внимание». Как просто и вместе с тем трогательно.

14-го августа. В церковь пойти не удалось, мне было очень жалко. Утром Андриевский и Истомина сидела в саду, мы смотрели на них с терраски в бинокль. Ну и психопатки. Пошел дождь. Мы были очень огорчены, неужели нельзя будет поблагодарить ее, как это ужасно, а они сегодня может, уезжают. Стратилатов сказал, что с 15-го будут жить зимние жильцы. Каким негодованием кипели наши сердца против этих длинновязых Володей. Рая что-то хозяйничала по кухне, я писала сочинение и, ища отдохновения и вдохновения, подошла к окну террасы, и вдруг вижу - под зонтиком идет она! «Рая, Рая!» У меня мелькнула ужасная мысль, что, если они уже идут в город. Прибежала Рая и глазам своим не хотела верить. Наскоро накинув казакинчики и схватив зонтик, мы понеслись. На проходном дворе мы догнали ее и пустили благодарить. «За что Вам большое спасибо». Мы узнали, что она раньше играла в Народном доме 4 года. Театры очень трудно держать, полиция придирается, они проживут до конца августа. Какое счастье. Сейчас они шли смотрели карету для «Дамы из Торжка». Мы тоже решили пойти. Вечером я кончила мою драму и не была особенно довольна ее, мой личный взгляд изменился, я уже считала театр великим грехом, думала о монастыре или, по крайней мере, о новой праведной жизни. Скорей бы, скорее начать ее. Не в первый раз приходила мне эта мысль, а между тем, по-прежнему ходим мы в театр.

15 августа. Поздно вышли из дому и пошли в церковь. На обратном пути встретили Истому с мужем. Пошли взяли билеты. Днем хозяйничали, играли немного на рояле. Погода была ужасная. Дождь и дождь. Вечером я с безразличным настроением пошла в театр. Я говорила Рае, что думаю о нем, о неизвестном «он». Смешная! Возвращались мы как всегда вместе с ними, молча. На прощание крикнули «до свиданья». У меня было чудное настроение, сознание, что еще нескоро в Институт. Хоть день, да мой. Еще поживем. Как я была счастлива. Мне казалось, что эти три дня даже 2 были каким-то праздником.

16-го августа. Вторник. 1916 год. Утром проснулась с тоскливой думой о близости инст. Не знаю, что и лучше, может лучше бы идти на службу, но там зато уже нет просвета, тут хоть лето свободно. В городе к докторше не попали, ботинок Рае не купили. Я была страшно недовольно, устала и, кроме того, мне нездоровилось. Приехав домой, мы узнали, что опять приходила дама насчет урока. В городе я узнала, что открываются драматические курсы Василева, и вдруг мне захотелось быть артисткой. Дома я узнала,

что у меня найдется протекция - в Михайловский театр, в Малый и даже в Александринский. Мне Истомина может меня устроить и в Народный дом. Но потом мое настроение изменилось. Артистка создана, чтобы развлекать праздную толпу. Сцена – грех. Театр только для людей богатых, счастливых. Тут еще подумала, что скоро верно выступит Греция и проч и проч. Будет всемирная война, а там конец мира, а что это такое конец? Он мне вдруг представился таким скорым, почти бесцветным, это хаос. Значит, учиться тоже ни к чему, нужно только готовиться к этому концу. Еще когда я думала о театре, мыслям моим предстала Лиза Калитина.

Пропуск текста

... ничего на прощание мы вернулись домой. Нет я не создана для сцены», думала я в ту ночь. Но сегодня, сегодня я (*неразб.*) Ах, я иногда бываю дикой, и вот сегодня я такая. Я так хочу играть, мне кажется, что сцена даст мне забвенье. Вчера я прочитала «Война в 2000 году», призыв женщины и т.п. как это ужасно, но, тем не менее, возможно даже в наше время. Ах, бежать, бежать от всего этого, и мне кажется, что сцена это хоть на миг забвенье, чудный, причудливый, может, и страшный, но, все же, заманчивый мир, верно, туда и тянется моя мятущаяся душа?!

24 августа 1916 г. Опять не знаю, что со мной. Настроение меняется поминутно, нужно было бы прибегнуть к стенографии, чтобы всё записать. 21-го мы целый день их не видели. Погода была тоскливая. В театр мы не пошли. Встретили К.В.Истому и только поздоровались, это ужасно. Домой вернулись, не хотелось зажигать лампу, я все смотрела в темную даль. Отчасти я была даже довольна, что мы остались дома. 22-го пришла Саша Л. И сказала, что Валя выходит замуж. Я с ней так держалась, что одно время мне казалось, будто я играю какую-то интересную роль, и меня это забавляло. В воскресенье я безумно хотела играть. Вчера утром на уроке я услышала вдруг голос. Я пригляделась, смотрю - стоят возы. Значит, они уезжают. Я больше не могла сосредоточиться. Наконец-то кончила с Соней и побежала к ним вниз. «Можно видеть Калерию Владимировну!» - Вы уезжаете, это ужасно! - «Ужасно!», - и она обняла меня. - Когда мы увидим Вас!» А вот я буду играть Татьяну Репину!» - Ах, как чудно! Она пригласила нас за кулисы. Несколько раз обняла меня и поцеловала. Я была рада коснуться ее мягкой щеки. Я полетела наверх за Раей. Нам пришлось ей порядочно подождать. Она Basile. Basil вышла и опять целовала нас и пригласила в гости. Как хорошо.

Я пошла на урок к Вере. Небо было голубое. Ах, как хороша казалась мне жизнь, сколько ждет меня впереди. Я буду артисткой. Но нет, институт. Рая получила письмо, что Женя был болен малярией, получил отпуск и вскоре приедет. Мы поехали в город, дорогой мама сказала, что карьера моя уже решена, я буду – артисткой. В городе я очень устала. У нас дома были Берги. Я и с ними говорила как артистка. Чудный, счастливый день, думала я. С завтра будет еще лучше. Я теперь так чувствую, что я молода. Артисткой быть грешно, думаю я под церковный благовест. Нужно бедным помогать и ободряться молитвой. Нет, я не могу быть артисткой. Сцена мое забвенье от житейской прозы. Ах, не то. Нет, сцена, только сцена. Музыка и поэзия. Ах, да завтра мне кажется для меня великий день.

25-го. Вот он «великий день». Случилось то, чего я боялась: я увидела Вериного брата и даже познакомилась с ним. Но что делать, значит, верно, сцена не про меня, потому что это значит, что я должна выйти замуж, надеюсь, что не за него. После этой встречи у меня было неприятное настроение, но чудное солнышко сразу ободрило меня. Зачем, зачем эта сцена, уничтожить нужно совсем все театры. Получили письмо от Коли, он прислал чудное стихотворение. Да, но в театре – забвенье. Пошли в театр. О сцене я уже не думала. В антракте стояли и ждали Истому, наконец, она появилась и хотела уже

уходить, как вдруг увидела меня и пошла к нам навстречу. Она была так поэтична, такая прелесть. Как я люблю ее. Именно люблю. Она поцеловала нас. Встретили Кузовлева и немного с ним погуляли. С меня слетело все желание быть артисткой. Неужели мое гаданье, верно, я сказала, что в сегодняшний день я увижу суженого. Интересно.

26-го августа. Сегодня я опять думала о равенстве. Возможно, чтобы все были равны, все бы работали на себя, театры, промышленность, торговлю можно уничтожить. Неделю все будут работать, праздники можно играть на рояле, петь, гулять. Рая говорит, что подобные вопросы ее не волнуют. Что я за странный человек, дикий? Теперь у меня стало как-то пусто, нет цели существования, т.е. есть, как и прежде, нравственность, самоусовершенствование, но нет, что ли интереса. Нет, решительно, сцена грех, но что же делать мне, я так ее люблю. Ах, глупость. Я об этом не думаю.

30-го авг. Дивная светлая ночь! Как я люблю жизнь.

4-го сентября. Воскресенье. 1916 год. Я все еще дома. Дело в том, что у меня есть урок, а кроме того, мы ждем приезда Е.В. У меня нет сильных угрызений совести, даже напротив, я совсем спокойна. Спокойна, потому что 29-го решила и поехала в институт к Вере Викторовне. Она, конечно, официально не разрешала, но посоветовала мне сказаться больной. Прелестно! 30-го. Я очень мучилась из-за этого и готова была ехать в институт, но я не кончила уроков с Верой. 30-го вечером мы пошли к театру встречать Калерию Владимировну, было сыро и холодно. Пришлось ждать очень долго. Мы решили идти домой, как подъехал последний трамвай, и из него вышла она. Мы сказали ей, что ждали ее. Она жаловалась на головную боль. Мы сказали, что нас не пускают идти в театры, она предложила нам посмотреть. Мы поблагодарили и пошли в театр. «Проведите барышень в ложу № 3». Мы пошли. Вскоре пришла и она. Пьеса была не вполне *comme il faut*. Мне было неприятно, что мы смотрим тихие вещи, особенно же я считала, что разыгрывать такую роль прямо нравственное преступление. Домой я вернулась, окончательно решив, что артисткой не буду. Да не за что бы я не сыграла ту роль, хоть озолоти меня. 31-го было много уроков 4 с ½ часа. Настроение было мрачное. Скоро конец мира. Думать о замужестве грешно, а жить совсем одинокой тяжело. Вот в таком-то настроении я сидела за стол, когда вышла у меня история с тетей Сашей из-за кошек. Я сказала, только капризно, что кошки напачкают на полу, не подъедят крошек. Она пошла проповедовать, что некрасиво ворчать молоденькой, что нужно быть добрее. Я не выдержала, сказала, что не хочу слушать замечаний, когда у меня такое настроение. Тетя С. еще «Злая, злая». Я бросила салфетку и убежала к себе. После мне было стыдно и неприятно, но я примирилась с Т.С. 1-го были на Дикарке. Гуляли в антрактах с Борисом К., я много смеялась. Он проводил нас по страшной грязи до нашего дома. Я решила, что из пьес можно ставить только Островского. И в этот вечер я согласилась со словами Марии Башкирцевой «*Dans ce monde tout ce qui n'est pas bête est triste et tout ce qui n'est pas triste est bête*».* На меня нашло глубоко-религиозное монашеское настроение, которое с легкими перерывами продолжается и до настоящего дня (6 сент.) Ведь театр существовал в языческом мире, когда люди не имели высшего духовного наслаждения и забвения в молитве. Во первые времена христианства и даже до XIV века, спектакли, театры считались за дьявольское наваждение – их не было. Люди Богу молились, а теперь... мы ничем не отличаемся от язычников. Та же жизнь, только то, что мы не возносим жертвы богам, а ходим иногда в церковь просить помощи у Единого Бога. Мы, как язычники, не уважаем нашего Бога, потому что не исполняем ни Его законов, ни Его советов. Итак, думала я, если Бог существует, то, следовательно, нужно слушаться Его, и не потому, чтобы мы боялись наказания (я не боюсь наказания, потому что заслужила я), но чтобы не

* В этом мире все, кто не глупы, печальны, а все, кто не печальны – глупы (фр.)

оскорбить Его, не огорчить, подобно как своим непослушанием мы огорчаем родителей. А Господь сказал, что в последние дни люди также будут жениться и выходить замуж, но в то время нужно думать только о спасении и покаянии. «Глаголю же Аз безбрачным и вдовицам благо если Вам». Следовательно, думать о замужестве грех, потому что близок уже конец.

13 декабря. Под впечатлением чтения Откровений Св. Иоанна. Нет, эти мысли никогда не покинут меня, разве что я буду... А каково прожить одинокой всю жизнь! Тяжело, но нужно смириться и терпеть. Терпите, сказал Господь. Терпеть я могу но радоваться. Чему же. Жизнь одинокая, трудовая, молчаливая, лишенная всех утех. Смиряться. Жизнь не смех, не потеха, а труд и подвиг. Вот какое было мое настроение, несмотря на это я гадаю на картах, эти мысли являются мне каждую ночь. Эти мысли мучили меня и вчера, когда я играла с мамой на рояле. Смерть близка. Мечтать грех, а тем более о замужестве или об окончании войны, нужно все претерпеть до конца. Это так нужно, а между тем, порою находили на меня мысли о счастье любви. Какое счастье полюбить и безвозвратно отдать ему всю жизнь. Неужели очень счастлива. Если есть Бог и Бог повелевает, то как же Его не слушаться. Ножно полюбить Его всем сердцем, не будет у меня в жизни этого счастья. И сегодня мне казалось, что не будет я из тех лиц, которые одиноко проходят по жизненному пути, несмотря на то, что недурна собой. Да за что мне такое счастье? Жди, там, на небе, лишь ждет награда и блаженство, но я грешница, следовательно, меня не ждет радость, но хоть бы раза два в год или раз видеть мне чужое блаженство. Ведь это безумие желать любви счастья, преступление. Ну, нужно этого. И вдруг сегодня меня в церкви начали находить прежние сомнения. Но я подумала, что, несмотря на зло, на порок, я знаю, что есть в мире или, вернее, в России человек, который молится от всей души – это Костя Стародумов, и мне стало так тепло на сердце. Ах, если бы тогда все жертвы будут легки, только он молился о нас, слабодушных, грешных, унылых. Сегодня неутешительные вести с фронта, офицеров мало. Жиды скупают русские дома. Мы все опрощаемся, грубеет. И опять, опять потянуло меня в какую-то непонятную лучезарную даль.

4-го сентября. Мне было скучно, что не попали в церковь. В театре мне не особенно понравилось; у Истоминой было слишком короткое платье. В антракте мы пошли за кулисы. Истомина одевалась, дверь в ее уборную была открыта, все ходили. Мы поспешно поздоровались с ней и побежали. Артистка. Ах, жизнь, жизнь. Ведь она язычница по виду, но что там в душе ее творится, не знает никто! Это глубокая тайна. Как потрясла меня ее игра в последнем действии. У меня даже ноги дрожали.

5-го сентября. У нас была Ксеничка Скород. Она гадала с нами. Потом вечером пела. Какой у нее сильный чудный голос. Такой бархатный! Сильный! Я в этот вечер чувствовала, что так люблю всех, и мне так жаль было Ольгу Николаевну и Римму Николаевну. Тяжело одиноко и бесцельно доживать свою жизнь. Сама я была спокойна, но грустна, хотя и улыбалась и смеялась.

9-го сентября. Хочу любить, да некого. Хочу счастья, да грешно. Чего-то жду, а и сама не знаю, чего. Как-то беспокойна, не знаю, бежала бы куда, а между тем, о чем волноваться. Не об этом ли институте, который мне порядком надоел. Я сейчас так логически рассудила. 1) Вера Викторовна мне разрешила. 2) У меня только сегодня кончился урок с Верой (она мне подарила огромную коробку конфет). 3) Уроков я не пропускаю. 4) Зла я этим никому не делаю. 5) Обманываю я не по своей вине. 6) Я не безгрешна, тот грех не так тяжел, почему он будет мучить меня больше, чем другие.

По какому праву хочу я счастья? Затем оно здесь на земле? А не могу подумать, чтобы жить без светлых дней. Но зачем это вечное волнение, положишься на волю Провиденья.

2-го октября 1916 года, воскресенье. Я опять дома. Первый отпуск. Я уезжала в институт. 15-го, до того дня я все гадала, ехать не ехать раньше 13-го числа. Вчера и сказала, что выдержала экзамены. Я жалела, конечно, что осталась, и сомневалась, и все тому подобное. 15-го, когда я приехала в институт, у меня было спокойное настроение. Mme Лефевр встретила меня весьма милостиво, наши, конечно, забросали вопросами. Я была весела. Настроение самое обыкновенное, спокойное. 16-го вечером ходили слушать Кузьминскую, классную даму; она пела армии Маргариты из Фауста. Так что мы получили большое удовольствие. 17-го уже было скучное настроение. Я пошла протанцевала немного. И потом сидела с Лидой Макаровой. Мы с ней очень любили друг друга. Да, я как приехала, имела неосторожность говорить с Л.Емельяновой. Конечно, она мне рассказала свой полный роман при одобрении Оли П.

19-го у нас произошел скандал с Верой Аким. Волкович, потому что мы отказались писать «протоколы». Она начала проповедовать о патриотизме, о том, что следовало бы сократить число французских уроков. 22-го я читала с Mlle Adam отрывки из Дидеро. Там было сказано, что все артистки бесчувственные, я не согласилась, неужели же они ничего не чувствуют, неужели волнение их неискренне. Мне кажется, что артистами могут быть или люди бесчувственные или же, наоборот, сильновпечатлительные и нервные. 25-го я узнала, что 5-го приезжает Женя; я обрадовалась. Теперь спокойнее на душе. Вчера у нас был праздник. Как было хорошо, весело! Вначале был молебен. Потом обед. Я сидела наискосок от Mme Ferise. Она была очень милая. Мы с ней превесело поболтали все время. Она передразнивала Булыгина, я смеялась, сознавая в то же время, что это нехорошо. Корню сказала пародию на Victor Hugo, а затем Mme Ferise говорила стихотворения. Чудное у нее произношение! Мне немного жаль было, что я ничем не фигурировала на концерте. Mme Ferise на прощанье обняла нас, благодарила. Какая она красивая! Вечером я очутилась в театре «Дети Ванюшина». Совершенно другая...

Пропуск текста

...мировала «Василек» не знаю, какое отношение имел он к Императрице Марии Феодоровне. Дальше все благополучно, торжество окончилось, мы поплыли из залы. Вдруг навстречу нам в мундире Родионов, обратно «tout à recommencer»*, за исключением Василька. После каждого номера звяканье шпор, бесподобно. Вечером 2-го я сказала, прежде чем получить деньги, нам опять придется писать челобитную». Оля Незлобинская возмутилась «Ты не смеешь так говорить». Она была права, я сама не желая того обидела, резко отозвалась об нашем экономе. Удивительно как человек старается выставить себя хуже, чем он есть на самом деле. Денежный вопрос весь совсем меня не покоил. 21-го нас отпустили в три часа, о чудо, по случаю праздника. Вечером мы были на «Женитьбе Белугина», играла Истомина хорошо. Сумела создать детски-беспомощный капризной молодой женщины. Женя приехал и очень хотел пойти за кулисы. Мы его не взяли и, должно быть, в отместку он стал разговаривать с билетершей.

Nous étions à la maison. Chemin faisant maman m'a raconté la triste scène qu'a eu lieu dans notre famille et que je trouve inutile d'écrire ici, il suffit que j'ai souffert à l'entendre et que je souffre en y pensant. 29 nous étions au cinématographe. Quelle haine ai-je éprouvée à la vue de nos églises mutilées, de nos tombeaux blasphémés. Que j'ai voulu venger cette horrible injure.

* «Все начать сначала» (фр.)

Les scélérats, en vain ont taché les nations à leur faire entendre raison, c'est une nation damnée. Toute la semaine qui a précédé ma leçon d'épreuve j'étais très agitée, malgré Phytin. Le 4 je me suis levée plus tôt. La veille, j'ai tremblé déjà. A peine entrée en classe, j'étais devenue rouge. Les élèves répondaient mal, étaient inattentives, je parlais indistinctement et elles ne me comprenaient pas. A la fin de la leçon une faiblesse extrême m'envahit. Mieur Cornu a trouvé ma leçon passable et moins bonne qu'il n'aurait attendue. Le soir Lisa Emelianova m'a dit que je devais être contente que Mieur était très indulgent pour moi et j'ai trouvé ma leçon mauvaise. J'étais peiné et j'ai répondu que cette injustice était pour moi encore plus pénible. Elle s'en moqua avec un air méchant. Je me mis à pleurer ça n'a point affaibli ses moqueries. Quant à moi j'étais chagrinée à la pensée que mon travail n'a abouti qu'à de si maigres résultants, que j'ai perdu inutilement mon temps à l'institut au lieu d'aller servir pour aider maman. Oh que je regrettais de ne pas servir, nous aurions pu vivre séparément de notre tante. La honte me prenait à la pensée que les élèves et tout le monde a été témoin de ma leçon. Le matin je frissonnais, j'avais mal au dos. Le matin je me suis levée robuste et gaie. (5 je décrirais en russe).

7 novembre. Je pense qu'il faut m'élever à être une bonne vieille fille, parce que je pense constamment que je conférerai Saint-Catherine. Pour me marier il faut trouver un homme noble, bon, un travailleur auquel je pourrais m'associer qui me regarde comme sa compagne et son amie. J'exige trop et c'est presque introuvable dans notre temps. Les bons ont péri en quantité à la guerre. Du moins je veux trouver un homme qui ait des dispositions à devenir noble et à respecter sa femme.

11 novembre. Hier on a apporté la sainte image. J'étais d'humeur critique, même ironique. Mais après quand on emportait l'image sainte de nos appartements il m'a semblé que je prenais congé d'une personne divinement chère. Pendant le Deum je ne pus m'empêcher de réflexion suivantes: comment puisse-t-on devenir prêtre sans vocation, uniquement pour gagner de l'argent, quelle crime. Est-il possible qu'on puisse servir Dieu sans penser à lui, sans l'adorer avec crainte et respect. Le soir, les nôtres parler de l'éducation, du progrès, j'étais triste, il me semblait de nouveau que le monde s'achemine vers sa perte et rien ne peut retenir. Soudain comme un éclair déchirant le nuage, une pensée heureuse traversa mon pauvre esprit. Si tout le monde croyait ainsi, alors le monde serait depuis longtemps envahi par la vice. Il faut travailler, agir, aider autant qu'on peut, user de toutes ses forces, le reste dépend de Dieu. Je restais auprès de la fenêtre, je regardais le ciel sombre et devant mon regard intérieur se déroula peu à peu la campagne, notre campagne russe. Si par ex. je me mariais et que mon mari serait prêtre au village, que nous travailleront. J'ai pensé qu'il faut écrire un ouvrage théologique clair, accessible à tous ou j'exposerai la doctrine religieuse avec la plus grande persuasion et alors un grand désir d'apprendre m'envahit. Il faut beaucoup, savoir, beaucoup penser pour être en état de convaincre, de persuader la masse. Les extraits du génie de Christ, me persuadent que j'aimai le bon Dieu. Le soir au lit après quelques réflexions tout mon Cœur se sentit porté vers Dieu, il me semblait que je ne peut aimer aucun homme, Dieu seul en ces moments occupait mes pensées et je voulais faire du bien en son nom. Je comprends maintenant pourquoi je dois soigner mon âme, parce qu'elle appartient à Dieu.*

* Мы дома. По дороге мама мне рассказала о печальном эпизоде, который произошел в нашей семье и о котором я не считаю нужным здесь писать, достаточно того страдания, которое я испытывала, выслушивая это и тех мучительных мыслей, которые при этом у меня были. 29 мы были в кинематографе. Какую ненависть я испытываю при виде наших изуродованных храмов и оскверненных могил. Как бы я хотел отомстить за это ужасное оскорбление. Злодеи, они тщетно стараются помешать народам услышать голос разума, это проклятая нация. Всю неделю, которая предшествовала моему испытанию, я была слишком возбуждена, несмотря на фитин. 4-го я встала слишком поздно. Перед этим я уже дрожала. Едва войдя в класс, я покраснела. Ученицы отвечали плохо, были невнимательны, я говорила неразборчива, и они меня не понимали. К концу урока меня охватила ужасная слабость. Месье Корню нашел мой урок посредственным и хуже, чем он ожидал. В этот вечер Лиза Емельянова мне сообщила, что я должна быть еще счастлива, что месье был слишком снисходителен ко мне, а я посчитала свой урок неудачным. Я

27-ое ноября. Воскресенье. О, эта война! Сегодня проводили Женю. Столько офицеров уезжало. Сердце билось так тревожно и больно, я не могла как тяжело и прокляла в душе немцев. Как смеют они отрывать от нас наших отцов, мужей, братьев, женихов! О, Боже, сжался над нами. Я пишу эти строки, и слезы жгут мои глаза, но я не смею плакать, я не одна. И сейчас еще Маруся Мих. объявила мне, что война еще будет продолжаться 2 года. Какая безнадежная скорбь охватила мою душу. Нет, моя жизнь мне показалась так тяжела, что я без сожаления рассталась с нею, но, конечно, не здесь в тылу, нет, это низко, я бы уехала с наслаждением на фронт, там, по крайней мере, кипучая жизнь, полная опасностей, вырвала бы уныние из моей души. О, я понимаю бедную, милую маму, она столько пережила, перестрадала, немудрено, что это война повергает ее первой в тупое отчаяние. Да могу ли я равнодушно слышать их мерзкие слова, видеть немок, о, кровопийцы!

1-ое декабря. Je suis plongée dans une profonde rêverie, je rêve du passé de ma patrie, de l'époque actuelle et future et je tâche de résoudre le problème qui paraît difficile et intéressant. Oh! Ma chère Russie, quelle tendre rêverie tu me procures, mais si je suis réellement patriote je le saurai après.

9 décembre. Un grand aide se fait dans mon cœur à la place de ce sentiment pieux qui ne me quittait même dans le temps de mon athéisme, maintenant c'est la raison froide qui domine. C'est la période du déisme, parce que l'athéisme me semble une folie. Оля К. m'a déclaré que je suis une personne déjà formée, ce n'est pas tout à fait cela, oui à peu près mes opinions sont

чувствовала огорчение и ответила, что эта несправедливость была для меня еще более мучительной. Она издевалась надо мной со злобным выражением лица. Я расплакалась, но это никак не уменьшило ее издевок. Что касается меня, то я расстроилась при мысли, что моя работа имела столь скверные результаты, что я зря потеряла время в институте вместо того, чтобы помогать маме. О, как я жалею, что не пошла на службу, мы могли бы жить отдельно от нашей тети. Я почувствовала стыд при мысли, что ученицы и все были свидетелям моего урока. С утра у меня был озноб и боль в спине. Утром я встала здоровая и веселая (5-го я писала по-русски).

7 ноября. Для того чтобы выйти замуж, нужно найти благородного человека, работающего, с которым я могла бы связать свою судьбу и который бы относился ко мне как к спутнице и как к другу. Я слишком требовательна и в наше время таких найти почти невозможно. Хорошие пропали в большом количестве на войне. По крайней мере, я хочу найти такого человека, который готов стать благородным и уважать свою жену.

11 ноября. Вчера принесли святой образ. У меня критическое, даже ироническое настроение. Но после того как из наших покоев унесли святой образ, мне стало казаться, что я простилась с божественно дорогим человеком. Во время благодарственного молебна я не могла удержаться от следующих размышлений: как можно стать священником без призвания, чтобы зарабатывать деньги, какое преступление. Возможно ли служить Богу не думая о нем, не поклоняясь ему с трепетом и уважением. Вечером наши говорили о воспитании, о прогрессе, я же была грустна, мне снова казалось, что мир идет к катастрофе и ничто не может его удержать. Внезапно, как молния, пронзающая тучу, счастливая мысль пронеслась в моей бедной душе. Если все думают так, тогда мир будет надолго охвачен пороком. Нужно работать, действовать, помогать, сколько можно, использовать все силы, а остальное зависит от Бога. Я стою возле окна, смотрю на хмурое небо и перед моим внутренним взором постепенно разворачивается вид деревни, нашей русской деревни. Если бы, например, я вышла замуж и мой муж был сельским священником, то мы бы работали. Я думала о том, что нужно написать ясный богословский труд, доступный для всех, где я бы изложила религиозное учение с большой убедительностью, и тогда меня бы охватила большое желание постигать знания. Необходимо многое, знать, много думать, чтобы быть в состоянии убедить массы. Сущности духа Христа меня убеждают, что я люблю Господа. Вечером, в постели, после нескольких размышлений, мое сердце почувствовало врата к Господу, мне почудилось, что я не могу больше любить ни одного мужчину, только один Господь в эти моменты занимал мои мысли, и я желала делать добро от его имени. Я осознаю сейчас, почему я должна заботиться о своей душе: потому что она принадлежит Господу (*фр.*).

fondées, mais pas bien sûrement. Au point de vue politique que je m'incline vers la révolution (pas sanglante) sans doute, mais j'aime l'empereur et surtout je le plains, comme du reste je plains tous les autres humains. Que j'ai froid au cœur.*

31 декабря. Последний день 1916 года; вести с войны стали приходить более утешительные. Это Рождество мы проводим очень мирно, никого у нас, и мы не к кому. Вчера были в кинемо, я даже жалела, по правде сказать, потому что мы затратили много - второе место уже 80 коп., а в апреле около 2 руб. Накануне приезжал Боря, ходили с ними кататься с горы, вечером звали Берг; гадали – мне вышло, что я буду сестрой милосердия, несмотря на то, что положение это не особенно привлекает меня. Я боюсь, что буду слишком робка, и затем буду стесняться на операциях. 28-го утром вернулись из Полюстрово, т.е. к 2 часам, время пролетело незаметно, настал вечер, пришел Митя, вместе с жилицей нашей Верой Антоновной, пошла в театр на «Сон императора». Пьеса мне очень понравилась, но только я нашла что изображение, вернее, упоминание об инквизиции может поколебать веру в христианскую религию, раз в ней допустимы такие жестокости. На обратном пути Митя сказал: «Эта пьеса поучительна для настоящего времени, потому что показывает, к чему может привести абсолютная власть». Я поняла, что он хочет оседлать своего любимого конька, но ничего ему не ответила, потому что сочла неудобным говорить о таких вещах на улице. Теперь я все же жалею, что напредила ему о том, что Россия с 1905 г. перестала быть монархией абсолютной. Я теперь почти лишена политических убеждений, но почему-то чувствую, что для России монархия более к лицу, чем республика. Наш народ несознателен для свободы, потому что свобода для него равносильна произволу: «моему нраву не препятствуй», «что хочу, то и говорю». Этому ребенку нужен отеческий присмотр. Как-то мне показалось, что для России управление – это смесь старого с новым. Управление России. Во главе ее Государь-отец своих подданных, в своих поступках руководящийся строго выработанными законами, а не произволом, в важных случаях созывается Вече или Дума для совместного с народом обсуждения интересующего в данный момент вопроса (как то война, мир и т.п.). Вообще идеал государства является для меня единение Царя с народом, простота в убранстве дворца, в костюмах возможно меньший бюджет для траты на содержание Верховной власти. Хотя в ответ на возмущение людей против большого содержания Государя и Царской фамилии, можно ответить, что министры, инженеры, а главное, артисты получают немногим меньше, хотя они не обязаны принимать представителей иностранных государств. 27-го мы были в Полюстрове и остались даже ночевать, мне и Рае последнее очень не понравилось, потому что мы лишились возможности пойти в театр и вообще из-за ночевки. Ходили к Кате Губичевой, у нее были гости, играли, но почти не говорили, что разочаровало Раю, и она решила, что мы глупо держали себя, но, по-моему, Рая напрасно так говорила, мы играли оживленно. Мы читали Толстого «Фальшивый купон», и сразу у меня сделалось какое-то необъяснимое настроение, тоскливое и смутное, какая-то путаница, которую вызывает у меня чтение слишком глубоких книг. Где правда? Мучительное сознание, необходимости, принудительности и нежелания жить строго христианской жизнью; возможно ли выходить замуж, не грешно ли это, может, я

*1-ое декабря. Я погружена в глубокий сон, мне снится прошлое моей родины, сегодняшняя эпоха и будущее, и я пытаюсь решить проблему, которая кажется мне трудной и интересной. О, моя дорогая Россия, какую нежную мечту ты мне даешь, но если я действительно патриотка, я позже познаю ее.

9 декабря. Одна большая опора образовалась в моем сердце, сменив то благоговейное чувство, которое не покидало меня даже в период моего атеизма, это холодный рассудок, который царит во мне. Это период деизма, потому что атеизм мне кажется каким-то безумием. Оля К. сказала мне, что я уже сформировавшаяся личность, это совсем не так, да, мои взгляды почти сформированы, но они не слишком тверды. Если говорить о моих политических взглядах, то я, несомненно, склоняюсь к революции (не кровавой), но я люблю государя и отношусь к нему с особенным сожалением, впрочем, ко всем другим людям я тоже отношусь с сожалением. Как холодно мое сердце!

должна решительно отказаться от этого. 26-го мама уезжает с тетей Сашей в город на похороны Марии Филипповны Глушковой; мы встали поздно, тетя С. приехала уже, и у нас вышла история из-за постелей. Мне было неприятно сознание, что я так испортилась за это время, смеюсь, осуждаю старших. «Идеалы – это пустяки, приходится жить как все» говорила я разочарованно, покорно. Это слабость, низко, считаю я теперь. Потом мы гуляли на лыжах. 25-го я была на лыжах с Ольгой Павловной. Настроение не было особенно праздничным. 24-го приходил Митя, мы были в церкви. Я совсем не чувствовала, что сегодня праздник. 22-го я ездила дежурить в институт и была, конечно, недовольна, но, думая с блаженством о праздниках. Мы с Расей как-то говорили о воспитании, решили, что детей нужно воспитывать без нянек, чтобы они не могли испортить их. Говорили о различных влияниях, о системе чтения, о книгах. Вспоминали и наше детство, эти воспоминания вызвали у меня грустное настроение, желание уйти в монастырь, на старость и т.п. В пятницу 16-го 1-ый класс устраивал спектакль, играли в Romanesque, очень плохое у всех произношение. Пришла Надежда Федоровна Ромберг, она теперь классной дамой в Ксенинском институте. Русский танец мне не особенно понравился, но русские костюмы показались красивыми, и я как-то сильно почувствовала, что Россия более азиатская, чем европейская страна, и нам подходит больше всего монархический строй правления. Я сдружилась за последнее время с Лидой Макаровой, потому что с ней одной я успокаиваюсь.

За последнее время я утомилась и много думала, что мне казалось, что я умна, но чаще я приходила к заключению, что я глупа. Нас отпустили только 20-го из-за приезда Смолянинова – нового нашего почетного опекуна, конечно, ему интересно было приехать именно до праздников. Два дня мы просидели совершенно бесцельно, ворчали, капризничали. Были репетиции, изводились.

7-го января. Me voilà à l'institut. La première chose que j'ai apprise c'est que la révolution est prochaine. A certaine, cette nouvelle m'a laissé presque tranquille. *Прощай, моя старая Россия, прощай – ты умрешь! Многие мысли мучат меня, и между прочим мысль о том, что я не смею желать счастья, потому что есть много несчастий, много обиженных. Вот человек! Санька Д. прочитала Андреева и восхищается им. Там только много порнографии, говорит Лиза. Санька говорит, что благодаря ему много поняла, но я думаю, что и без того все знаю, но лучше не углубляться и не смаковать всякую гадость. Ведь не только плоть у нас есть, есть и другое, что-то, пусть отрицают современные люди. Я же чувствую в себе душу бессмертную и сильную.

8-го января, 1917 год. Вечером было скучно, думала о революции, о конце света. Прекрасно удалось-таки друзьям жидов и немцев подготовить почву для этого движения, радуйтесь, вам не трудно будет теперь и в конце погубить Россию. Эти гениальные, милейшие Андреевы, Арцыбашевы, Горькие подняли всю грязь наружу, описали ее, а публика, начитавшись, потеряла веру во все и решила, что нет ничего святого и чистого, а есть лишь одна сплошная, беспросветная гадость, но что раз люди перестали быть людьми, то это не беда. Нужно жить, не стесняясь, полная свобода наша и «абсолютная, деспотичная монархия!» одерживает «благородные порывы народа, душит его таланты». Сегодня Меньшиков написал в газете в статье об Юрии Беляеве, что когда нет политической свободы, то вполне естественно, что народ начинает пить. Да, трон нашего Государя подкапывают со всех сторон. «Монархия нужна немцам», вот действительно «умное» доказательство ненужности такого строя правления. Господи! Да немцам-то только того и нужно, чтобы была революция, ведь это значит беспорядки, обессиление России, а особенно наши идеалисты-мечтатели, которые желают даровать свободу и благоденствие «бедному притесняемому народу» и хулиганы – нравственные уроды, а

* Я наконец в институте. Первое, что я узнала, так это то, что приближается революция. Определенно эта новость оставила меня почти равнодушной.

главным образом, наши враги захотят ее устроить именно в разгар войны! Конечно, для них мои мысли утопичны, но пусть я презираю их мнение. О, какое возмущение овладело мной, в церковь какое презрение почувствовала я враз к моему народу и вместе с тем глубокую скорбь и обиду. 5-го числа мы были в церкви, после службы батюшка обратился к народу, прося его не толкаться, а чинно подходить к святой воде, «не забудьте, что вы в храме Божиим». Напрасно! Едва окончена была проповедь, как вся толпа хлынула к святой воде, толкаясь, крича, обливая друг друга. Чтобы сказали иностранцы при виде такого поведения в церкви! И этому народу дать свободу!!! Вчера мне было грустно, вера уснула, и казалось мне, что может и лучше эта новая Россия, но нет! Чувство влекло меня к старой «Святой Руси», грубой, азиатской, но верующей, любящей и сильной. Там правда, а может, нет, нет ни Бога, ни бессмертия, есть только настоящая жизнь, но нет и нет, одного прогресса недостаточно, где взять нам радость жизни, когда кругом ее нет, когда и в душе ее нет, спортом не приобретет эту радость немогущая слабая душа, для нее радость в Боге, в вере светлое, грядущее, если не земное, то небесное. Образ Христа примиряет нас с жизнью, вера в лучезарное, далекое, прекрасное дает силы на борьбу, дает радость жизни! Пусть я смешна с моим идеализмом, пусть я цепляюсь за эту старую Русь в ветхом, потрепанном платье, ее старое лицо с глубокими морщинами, с выцветшими от слез глазами, сухая рука, благословляющая молодую Русь, весь ее облик, полный смирения и духовной силы, манит меня к себе, и чудится мне, что эта старая верующая Русь призывает меня бороться с забивающей (?) ее мелкой дрянью.

Тетрадь 2.

1917 год.

Два года прошло, прежде чем я решилась начать этот дневник. Мне все казалось, что мысли мои не стоят того, чтобы их заносить в такую тетрадь. Но теперь я решила, зачем ждать, зачем медлить. Может, лучше было отложить дневник до более торжественного момента, а именно для моего рождения, но, право же, не стоит так долго над этим задумываться. Итак, я начинаю издали. Постараюсь точно и пространно описать все происшедшее со дня моего выпуска.

21 апреля. Со страхом добрались мы домой главным образом волновалась, конечно, мама. Как приятно зато было войти на наш двор. Навстречу ко мне с поздравлениями вылетел Ев. Вл. У нас была Каролина Ивановна. К обеду приехал дядя Коля. Вечером пришли Стратилатовы. Александр Гавр., узнав о моем окончании, пришел в восторг и воскликнул: «голубушка». После чего извинился. Его восклицание привело меня в веселое расположение духа. Мне хотелось веселиться, мы устроили беготню, игру в жмурки. Я видела, что мое институтское платье придает мне много прелести и была довольна и радостна. Но, прочитав папин послужной список, я почувствовала невыразимую, леденящую грусть. Мне стало как-то жутко, холодно, я боялась будущего, возможности вследствие моей склонности к размышлениям и мудрствованиям заболеть. Но я бодро решила одолеть это настроение и развеселилась. Мне не хотелось засыпать; жаль было расстаться с этим днем и с прошедшим, с тем прошедшим, в котором тесно сплелись минуты полные блаженства любви, страдания и слез.

22 апреля. Беспорядки, происшедшие накануне, заставили меня призадуматься, между тем ехать в Казанский собор хотелось по двум причинам: помолиться вместе после окончания и увидеть своих, но я боялась, что никого не будет. Кончилось тем, что после долгих томительных колебаний я осталась. Кажется, в этот достопамятный день я имела разговор с мамой. Он был очень тяжел для меня. Мама говорила о Рае, об Евгении, как грустно мне было все это слушать. Зачем, зачем все это случилось? Только новая мука. Я чувствовала, что он не стоит Раи, и мне было мучительно все это сознавать.

23 апреля. Мы вывесили национальные флаги. Тетя Саша пошла в церковь. Мы по обыкновению медленно собирались и прособирались. Мне было неприятно. Приехала первая Раиса Александровна. Она, конечно, не замедлила сказать Ев. что-нибудь неприятное. А именно: «Что Вы не скачете?» и т.п. приятные вещи. Пусть он не герой, он и не воин, но кому какое дело до этого, какое кто имеет право делать ему замечания?

24 апреля. Понедельник. Рано утром я решила поехать в институт провести наших, которые еще там остались. С приятным чувством вышла я в нашу прихожую и осведомилась, есть ли кто из окончивших пипиньерок. К моей большой радости, я узнала, что все уехали в город. Я поднялась по лестнице. О, сколько раз поднималась я по ней! И почти каждый раз сердца мое стеснялось при мысли, что я опять возвращаюсь в холодные стены, и теперь стеснилось оно, но новое чувство проникло мне в сердце, чувство сладкой грусти при мысли, что никогда больше как воспитанница я не поднимусь по этой лестнице. Идя по узкому коридору, я слышала, как доносились звуки музыки. В классе было пусто, но в салоне сидела Оля Незл., а за роялем, как прежде, сидела Лиза с распущенными волосами, шпильки лежали на рояле, и играла она знаменитые «Оборванные струны» Мендельсона. Менее чем кого бы то ни было я ожидала встретить Лизу, и по правде сказать, мало и хотела этого. Обе - и Оля, и Лиза приветливо встретили меня. Как всегда, Л. плохо себя чувствовала, у нее болела голова, она легла на диван, я села подле в кресле. Мы говорили много. Мне приятно было, что меня нашли бодрой, оживленной, веселой, подобные замечания наиболее радуют меня. Лиза так счастлива, что она в институте, ей отсюда и уезжать не хочется. «Здесь так хорошо, тихо, беззаботно» говорили они. И мне хорошо было с ними тепло и уютно чувствовать, что не навсегда еще порваны узы, связывающие нас в продолжение нескольких лет. В три часа мы пошли в столовую. Есть мне совсем не хотелось, хотя я из дому выехала с утра. Они пили какао с водой, и я решила выпить полчаши. Здесь я узнала, что Адя Добронравова собирается оставить на лето классной домой в институте. Посидев немного за столом, я решила пойти провести Madame Fourcaud. Незаметно мы с ней проговорили больше часу, она обещала замолвить обо мне словечко в гимназиях, год где она преподает. Беседа с ней сразу окрылила меня. Наверное, я была немного нескладна, потому что не могла окончательно избавиться от моей дурной привычки стесняться. Затем я пошла заглянуть в дортуар, тут я увидела Лиду Макару, которая только приехала из города. Как восторженно обнялись мы! Тут я узнала, что ей никак не удастся уехать. Мы расстались, обещав писать. Только к вечеру приехала я домой, чувствовала себя самостоятельной, и было приятно. Во сне все видела институт и наших, снилось, что я еще не окончила, и мне было приятно.

Не помню, когда именно это было, что я вновь поехала в институт на этот раз, чтобы получить свидетельство об окончании курсов, потому что вопрос о наших дипломах верно не скоро выяснится. Взяв свидетельство, я поднялась к нам, Лиза имела огорченный вид, оказалось, что ей нужно уезжать из института, сегодня пять часов, за ней придут. Даже не верится, такое огорчение при мысли, что ей нужно уехать из того заведения, которое она так раньше ненавидела. Я взяла еще несколько карточек (снимки, которые мы делали). На этот раз я недолго оставалась в институте.

Третье мое посещение в институте было за справкой для казначейства, из наших была только одна Адя Добронравова. Она мне показала свои работы, новую книгу, но, в

общем, мне показалось, как-то холодно и неприятно в институте и так невыносимо скучно, скучно, что хоть вон беги. Я пришла в дортуйар. О, до чего дошло мое сентиментальничанье, я прилегла даже на кровать и закрыла глаза. Не смешно ли это? Я была в каком-то волнении. Это уже окончательное прощание. Адя проводила меня до комнаты Марии Николаевны Бломберг (нашей кл.дамы I кл.). Там застала я только дочь ее Юлю. Она чувствовала себя плохо, чувствовала себя охрипши, кашляла. Я решила, что лучше войти и около получаса просидела с ней. Она говорила о службе, что она устает. Выйдя от нее, я заглянула в сад, там гуляли. Как скучно и холодно показалось мне все это, несмотря на теплый чудный день.

Когда мы с мамой были в казначействе, то, стоя у окошечка, я вдруг была окликнута. Нина Брешко или Бреха. Это меня резануло по уху. Оказалась Маруся Копнина. Можно сказать, что я два года не видалась с нею. Раньше, в институте я не любила ее, считала насмешливой, надменной, но теперь я переменила мнение. В воскресенье 28 мая она приезжала ко мне с Ксеньей Д. Оказывается она «наша», кроме того, боится пожаров и т.п. Мне вдруг сделалось жаль ее, представилось ясно, что вся жизнь ее пройдет за окошечком казначейства, я полюбила ее, она не казалась мне больше ни высокомерной, ни высокомерной, на самонадеянной, а, наоборот, достойной сочувствия.

Как-то приезжали к нам Осипова. Екатерина Алексеевна после всех этих событий заметно потеряла часть своей веселости. Все же какая она славная, наивная, добрая. Она, не спуская глаза, смотрела на нас. И так она, кажется, молода, что мне даже странно слышать «Нина и ты». Точно она моя подруга, почему, однако, я не сказала ей этого. Но посещение их оставило неприятный осадок, на другой день мама сообщила мне, что Наталья Григорьевна (*так в тексте* – Д.Б.) что нынче можно венчаться и без священника просто заявить в комиссариат. Мама возражала, что пока она жива, этого не будет. Хотя это и было сказано старушкой по простоте, тем не менее мне было неприятно. «Это им, мужчинам, нужно» возмущенно говорила мама. И я поддерживала ее. Ведь если мы считаем себя христианами, то должны и по христиански поступать. Это великий шаг в жизни девушки, я смотрю на это гораздо выше и серьезнее, чем люди нашего времени.

В конце апреля должно быть ко мне приходила Вера (моя прошлогодняя ученица), такая веселая, жизнерадостная. На другой день в воскресенье мы пошли к ней на последний урок танцев. Она изучает характерные и балетные танцы. Мне было неприятно, что как раз во время церкви мы пошли в гости. Как отрадно было видеть мне «русскую», «испанский», «matelot», те танцы, которые исполняли артисты, как Павлова и Карсавина, в то далекое, сказочное время, когда все было столько скорби, печати и язв. Я забыла все, ушло... Как хорошо. Не скажу, чтобы Вера замечательно исполняла. Когда мы вернулись домой, Рая почувствовала себя усталой и легла, мама решила, что она расстроилась, потому что видела танцы, что это ее жизнь и кто знает, может она будет на сцене. После от Раи я узнала, что действительно она расстроилась из-за этого, но, кроме того, у нее болела голова.

6-ое мая 1917 год. В этот день Рая поздравила нас всех. Грустно было это. Тетя Саша и я поехали к Верочке на выпуск. Я надела новые высокие ботинки. Не особенно-то

я рвалась туда. Против всеобщего желания без политики не обошлось. Женя (жена доктора) сказала: «Я рада, как и все, что нас освободили от этого подлеца». О, почему, почему я смолчала на эти слова: может, потому что мое сердце слишком изранено, чтобы я могла ответить на этот новый удар. Теперь политика для меня является ножом, который люди невольно шевелят в моей едва зажившей ране. Пусть это фраза, но я пишу то, что чувствую. У них был юнкер-константиновец, который утешил меня словами: «У нас до сих пор поют Боже царя храни». Он мне сразу показался симпатичным мальчиком (лето 17, 18), и это расположение заставило внутренне покраснеть меня от стыда, что какой-то человек мужского пола посмел вдруг обратить на себя мое внимание; но не слишком ли это строго? Мне досадно, что по обыкновению мне было скучно у них; ведь это отчасти зависит от самого человека. Мы приехали домой к 9 ч. веч.; у нас был Митя. Рая встретила меня в экзальтированном настроении, она целовала меня, смеялась, кричала мне на ухо: «Пойдем к нему в комнату, поцелуй его, мы все целовали! Я не хотела высказывать моих чувств перед всеми, мне было как-то не по себе от этого детского восторга. По просьбе Раи Женя сыграл гимн. Потом мы вынесли, что могли в другую комнату и начали танцевать и как мило и весело провели время.

9 мая. Мы пошли в монастырь на Удельную. По дурной привычке я торопила всех, волновалась и внутренне сердилась. По дороге, глядя на нежно-голубое небо, я вспоминала тот невозвратно чудный день 18 февраля, когда вместе с моей мамой и Раей мы были в монастыре, как я была счастлива и как лучи того прошлого чудного счастья согревают меня. В церкви говорилось о выборах представителей для избрания митрополита. Зачем все эти новшества, подачи голосов монахинь? Потом, к счастью, был молебен и опять не хотелось мне уходить из церкви. Вечером мы были в театре на «Грех да беда на кого не живет», как я рада была уйти из действительной жизни. В этой драме тяжелое впечатление произвело на меня не убийство, а этот больной брат Афоня, такой прозорливый и чуть-чуть злобно стоящий на страже братских интересов. По дороге домой говорила с мамой о положении женщины. Может, это не по-христиански, но я не понимаю, почему женщина считается хуже мужчины? Почему она должна быть в подчинении у мужа? Почему на нее смотрят в Посланиях апостольских как на существо более грешное, чем мужчину? Я считаю женщину несравненно чище мужчины, трудолюбивее, терпеливее, более чуткая.

29 мая. Накануне я пошла сняться. В этот день я проснулась радостная, сознавая, что я молода, что это заря моей жизни. Мне хотелось по обыкновению начать все снова, энергично приняться за самовоспитание. Я ходила в часовню. Вечером были на Серебряном пруду, любовались на закат. Я упивалась чудным свежим воздухом, бегала.

6 июня. Вторник. 1917 год. Вот когда по-настоящему я начинаю писать дневник. Ездила в город на Лафонскую улицу к Ив. В. Скворцову, начальнику Петр. и Царскосельской гимназий – он уезжал на ночь. Так пусто, казенно выглядит Ольденбургская гимназия. Не особенно отрадное чувство вынесла я, но все же я нахожу, что учительницей быть первый хотя год приятно, хоть лето свободно. Мне ужасно неприятно вспомнить мою оплошность; вместо 10 р. я взяла три, и теперь придется снова ехать к зубному врачу, специально, чтобы завести деньги. Что делать, это послужит мне уроком, и в следующий раз я возьму денег больше. Помню, в прошлую субботу я имела смелость первый раз в жизни самостоятельно купить шляпу, и каково было мое огорчение, когда, увидав ее, мама начала сокрушаться, когда будто случилось серьезная неприятность. Но мама говорила сама, лучше делать ошибки, чем воздерживаться от действий. Ошибки и те могут послужить нам в пользу, если мы серьезно отнесемся к ним, изучим *au fond*, что было поводом или причиной этой ошибки, и, твердо поняв, как следовало бы поступить уже в следующий раз, будем руководиться приобретенным

опытом. Ужасно, я почти всегда нахожусь в каком-то волнении, точно в вечной лихорадке, минутами мне хочется куда-то лететь или уйти далеко-далеко, точно грома каких-то обязанностей навалилась на меня. Нужно хлопотать о службе, говорить по-французски, учить английский, играть на рояле, читать по-французски, по-русски, шить, нужно стать сдержаннее, энергичнее и т.п. То мне невыносимо читать газету, все слишком волнует меня и очутившись в кинематографе, я забываю перед красивой картиной о том, в каком веке, в какое время и где мы живем. Вечером, закрывая окно, я вдыхаю в себя свежий ночной воздух и ухожу далеко, далеко. Моя греза, не похожа на грезы революционеров, социалистов, демократов, и исключая анархистов, потому что считаю их нахалами, подлецами и циниками, звероподобными людьми и больше ничего. Моя греза, может, совсем не так идеальна, не так альтруистична. Это – дымка, облачко в небе, легкая дуновение ветерка, это – страничка из сказки былой, это – легкая тень недоступного счастья, это – добрый гений, легкокрылый, чудесный, который живет далеко, далеко в моей душе, это – звезда теплая, нежная, которая озаряет мою жизнь здесь на земле.

Прочитала в газете, что офицеры хотят образовать свою армию, быть солдатами, чтобы спасти Россию и честь ее или умереть, и я почувствовала, что жива еще наша родина, и во мне проснулась желанье пробуждать всех на борьбу. О, как могла бы я полюбить такого человека! Любовь - Нина, Нина давно ли ты хотела бороться против всякой мысли об ней?

7 июня 1917 года, среда. Вчерашнее объявление в газетах об офицерской армии заставило вновь задуматься меня, я захотела страстно, чтобы это осуществилось, мне казалось, что это возможно, я начинала верить в воскресенье России, я мечтала, что она истерзанная и измученная восстанет прекраснее, выше, чем была, в своем истинном блеске. Гордость охватила мою душу при мысли, что горсть патриотов спасет четь родины. Сегодня была страшная жара, делать ничего не хотелось.

В какое-то воскресенье 21 мая у нас были Вера и Боря, мы играли в крокет, не обошлось без споров. И мне даже приятно было посердиться, потому что я не люблю, когда люди, пользуясь чужой деликатностью, стараются сплутовать. Во мне живет стремление к справедливости, и малейшее нарушение ее возмущает меня.

Один день, когда вечные волнения были сильнее, чем когда либо, мне под волнующий колокольный звон чудилось, что я смогу найти покой только в монастыре, что это необходимо, вспоминался тот удивительный сон, который я видела лет семь тому назад.

Сегодня 7 июня, мы говорили с Раей, я сказала ей, что мне кажется на этом свете все относительно, ничего нет ясного, справедливость, доброта и т.д. наши понятия может не совпадают и даже, наверное, с высшими понятиями.

8-го июня. Последний день весны... Я могу сказать, что я насладилась ею. Сегодня уехала тетя С. в Новгород, даже верить не хочется. Вчера она сказала: «После меня у вас будет революция, будете ходить с красными флагами. Старый режим уезжает». Конечно, она знает, что это для нас очень больно, потому так и говорит. Вообще за это время много видели мы от нее неприятного.

Как ужасно сознавать, что это теперь мне положительно все равно быть ли учительницей или служить, я вдруг сегодня потеряла вкус к жизни. Ничто не интересует меня. Нет у нас больше Родины, нет у меня возможности быть писательницей, нет

возможности любить, потому что для меня (мне кажется, вообще для женщины) это страдание, самоотвержение, терпенье, самоуничужение, а мужчины нет, чтобы был достоин такой жертвы, себя принести в жертву недостойному, нет, лучше – одиночество! И нет человека, которого можно любить, как идею, как призрак, как тень или быть любимой им как идеал, как вдохновительница не принадлежа ему. Все это глупости! Только обидно в 20 лет находиться в такой меланхолии.

Как-то у нас были Каролина Ивановна и Анна Гавриловна. День был пасмурный. Рая сказала, что ей обидно, что дни у нас так идут однообразно, я уже возразила «Не нужно желать перемен, мы живем, будем довольствоваться этим, перемены бывают почти всегда, худые и всегда худые, когда их ждут». Каков пессимизм у девушки с бойкими, веселыми глазами, как говорит мама.

Однажды, когда дома было слишком тяжело, мы пошли в Полюстрово. Там, сидя вдвоем с Раяй, я говорила ей о важном значении, которое я предаю говенью, и как сильно влияет оно на воспитание. Мне тяжело, что мама не разделяет моего мыкания и смотрит на это как на простой обряд. Конечно, я не знаю, может, в глубине души она и согласна со мной.

10 июня 1917 года. Суббота. В ту меланхоличную минуту я, однако, одержала победу над собой, смеялась, играла в мяч, как ни в чем не бывало. Вчерашним днем я была очень довольна, столько успела проделать и три раза сумела сдержаться, даже в душе не рассердиться. Вечером я чувствовала, что мама, приехав, скажет: «Тебе место предлагают?» Предчувствие не обмануло меня, действительно, есть место в редакцию «Петроградской газеты» на 100 руб., занятия с 10 до 4-х. Я не особенно обрадовалась, не люблю заранее да и кроме того вознаграждение очень мало за шесть часов работы и не может быть достаточно для нас троих. «Это левая газета» - сказал Е.В. «Все равно: я теперь можно сказать внепартийная, старорусская, русофилка, если можно так выразиться. Потом мне вдруг показалось, что все эти заботы о службе ни к чему, что скоро если не конец мира, то конец России. С другой стороны, я подумала, не судьба ли уже это, чтобы мне идти по литературной дороге, нельзя отказываться. А рядом видела я перспективу служить в гимназии Святителя Питирима (куда я подала прошение). Две разные дороги. Кажется, откровенно сознаваясь, больше тянет меня служить в редакции, чем быть учительницей. Вчера мечтала я под звуки скрипки о замке, вилле, вернее, в Италии, на берегу моря, где, сидя в своей комнате, я буду любоваться красивыми видами и вспоминать картины, виденные мною в музеях. Я отправлюсь в Рим, буду блуждать по катакомбам и, созерцая старинные памятники, не забуду грубую жизнь действительности. Вчера мне хотелось, отказавшись от личного счастья, посвятить всю жизнь свою служению высшей идее.

Сегодня Рая приехала из города, купив новые туфли, она мне показалась так склонна стать пустой, светской дамой и сделалась почему-то далекой. Я хотела идти с мамой в церковь, но мы пошли втроем и со сборами конечно запоздали. Против обыкновения у меня сделалась тихое, любовное настроение. И все хотелось мне по-прежнему уйти, нет, не в монастырь, а зажить в своей особой жизнью, ходить часто в церковь, играть на рояле, нет, писать, изучать историю искусств, читать стихи, романы, жить как в особой сказке, грустно сознавать, что в душе моей много дурного, низкого, грязного, там в глубине.

13 июня 1917 года. Вторник. В воскресенье были в церкви, в монастыре на Удельной. Слушая чтение Апостола, я чувствовала тоску и сопротивление при одной

мысли, что нужно вести такую строгую монашескую жизнь. После чтения Евангелия о том, что нельзя служить двум господам, я вдруг поняла, что нужно совсем отказаться от всего земного, пусть это трудно, но другой голос говорил мне, что Господь не от всех требует этого. Потом весь день и теперь мне приходит на мысль, что мы очень грешим, заботясь о пальто, ботинках и т.п., закупая масло, яйца. Ведь сказано: «не петцитесь убо что вам есть и что пить».* Мне иногда кажется, что, я мы богаты, но это так глупо конечно по сравнению с нищими. Вечером мы были в театре, я пошла в большой черной шляпе и мучилась весь вечер. Как только стемнело, все так закричали, снимите черную шляпу, что я была готова провалиться сквозь землю, но так как я не имела достаточно приличной прически, то и на следующее действие я вынесла новую атаку, только съезжилась насколько могла, чтобы не мешать. По моему поступку в театре могли подумать, что я нахальная, упрямая особа. Мне это было неприятно. Вообще редко человек бывает самом собой, и по единичным случаям трудно судить о характере человека. В театре шло «Иван Мироныч», и как пусты казались мне все их заботы, разочарования! Из этого я вынесла то размышление, что, вероятно, если не все, то большинство из этих мыслителей и передовиков были страшно праздные люди, которым от нечего делать всякие сумасбродные мысли в голову легли. Вчера приходила Вера, моя прошлогодняя ученица, которая привела меня в большое волнение; как раз в то время, как я занималась с учеником, она пришла. И я, сама не зная, почему вообразила, что приехала Саша Лизель или пришла Калерия Владимировна. Вера, к сожалению, начала разговор и политике. Как это ужасно! Я не знаю, мне кажется, что я не монархистка, потому что не мечтаю о восстановлении монархии, я не республиканка, потому что презираю лозунг «свобода», который ни один разумный человек не поймет. Сегодня мы говорили с Раей о веселости, «она не в вещах, а в нас, конечно, это старая истина. Мне печально сознавать, что будто веселость вытравлена из моей души, ах, нужно уметь скрывать свои чувства. Это не притворство. Постепенно можно привыкнуть к доброму, живому и радостному настроению. Конечно, иногда приятно испытывать меланхолию, разочарованность, но это грешно, потому что сказано «будьте всегда радостны». За себя я рада и благодарю Бога, но грущу мировой скорбью. Теперь так мною различных увеселительных заведений, человечество бежит туда, чтобы уезжать от самого себя».

Иногда в затруднении о различных вопросах веры я приходила к заключению, что нужно верить только Евангелию даже апостольские послания привели меня в затруднение, потому что, кажется, они не вполне согласуются с Евангелием, я ужаснулась, представив, что я делаюсь лютеранкой. Мне становится так интересно изучить меня, мою душу, это – самая интересная и, может, и самая полезная наука. Вот уже верно - познай самого себя, и тогда познаешь и других людей.

20-е июня 1917 год. Вторник. Приехала тетя Саша из Новгорода. Известие это привело меня в холодный ужас, хотя по правде тут нет ничего ужасного. Приехала вместе с Валеи, это конечно смягчает. Утром же после кофе пошли с Валеи в поле за Политехнический. Как отрадно было видеть этот простор, как отдыхала душа, глядя на это широкое вольное пространство. Цветов собрали мало, но все же домой вернулись с букетами. В пятницу ездили в город за покупками и подарками для Раи. Мама купила мне за выпуск сумочку в 27 рублей. Я решила, что это ужасно. Я совершаю преступление, кражу, обкрадываю бедных людей, я бы этими деньгами могла кому помочь. В этот день я купила открытку «Совесть (Иуда)». Ночью долго не могла уснуть, представлялась мне эта картина, мучили угрызения совести, что все мы величайшие грешники, что мне уже 20 лет, а я до сих пор не сделала ни одного доброго дела, что все мы живем не по-христиански, не понимаем сущности нашей религии. Ничего, ничего доброго я не сделала

* Урезанная цитата из Евангелия от Матфея 6:31-32 «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (прим. Д.Б.)

и даже самого ничтожного, маленького. Теперь я считаю, что может дела милости духовные выше телесных, может, когда я и «подала луковку» по выражению Достоевского. Нужно, по крайней мере, стараться не раздражать, не обижать никого, помогать словом, делом, советом, поддерживать бодрое и радостное настроение. В субботу отдыхали. Да, накануне мы шли по Сердобольской до дому пешком, и я страшно устала и сделалась ворчливой и раздражительной от головной боли, считая последнее даже извинением для самого настроения в моих собственных глазах.

23 июня. Не могу записывать за прошлое, я в сильном волнении, состояние мое похоже на то, которое я испытывала, решаясь ехать ли в институт или нет. Третьего дня прочитала в газете: ищут воспитательницу к девочке 14 лет, и подумала, не пойти ли, мама так, ради шутки, посоветовала пойти. Сегодня после уроков отправилась вместе с Раей. Шли мы долго по Политехническому парку, даже жутко становилось. Спрашивали одних, других как добраться. Наконец дошла. Перед дверью перекрестилась несколько раз и с бьющимся сердцем вошла. Мне отворила горничная довольно любезная. Когда я еще шла, я говорила Рае: «Как мне жаль этих бедных девушек, которые должны жить в чужой семье». Я вошла и приветствовала хозяина по-французски, но он ответил по-русски. И я ступевалась. Он попросил меня сесть. Вскоре пришла старушка и очень ласково поздоровалась со мной. «Мне кажется, я знаю вас?» Я поспешила разуверить ее. Наконец пришел и профессор Белецкий, потому что я у профессора Политехнического Института была. Он пытал меня, могу ли я подготовить девочку 14 лет в IV класс, какие мои условия и т.п.? Я сказала, что главное мое условие – это ночевать дома, потому что я 9 лет провела в институте и т.д. Он напирал на плату, но я решительно не могла сказать сколько. Люди оказались довольно простые и симпатичные. Он говорил главным образом о влиянии на внуку, о том, чтоб она была откровенна со мной. Бабушка сказала, что я, наверное, понравлюсь ей и она полюбит меня. Решили позвать ее. Она оказалась хорошенькой, бойкой девочкой небольшого роста. Она показала мне свои книги, мы поговорили с ней по-французски, я увидела, что она совсем ребенок, с удовольствием будет играть в куклы. Из книг читает детские. Вообще резвая, живая, смелая девочка, доверчивая, привязывается медленно, но крепко. Немецкий язык заставляет меня призадуматься. Холодок пробежал по мне при мысли опять сделаться пленницей большого каменного дома, не принадлежать себе. Я, однако, помня чудный кинематограф «Когда человек мыслит», спросила девочку, есть ли у них рояль, и, узнав, что нет, не постеснялась сказать: «Очень жаль, я так люблю слушать музыку и сама играть». Кажется, осталась старушка недовольна, что я не сказала об условиях. Мне жаль, что я брошу мои уроки, и вот не выговорила о свободе в воскресенье. Это очень обидно. Ну, вообще, на волю Божию. Вообще, мне хочется поступить и не поступить на это место. Ходила, как всегда, к Калерии Владимировне. Узнала, что ночью к ним лезли воры, и Кавалерия Владимировна спит. Тихонько прошла на террасу и начала писать. Пришла сестра Калерии Владимировны Евгения Владимировна, желая поговорить хоть о чем-нибудь, я спросила на каких курсах ее дочь и узнала, что она была на математических курсах и умерла, еще и двух месяцев нет. «Так уж видно Богу угодно было», - сказала Е.В. Как трогательны эти слова, как расположили они сразу в ней мое сердце. Так милы и дороги стали мне обе сестры и все их семейство. Я боялась, что расплачусь, и не знаю, худо ли, хорошо, а сдержалось. Ну как жаль, если к ним не придется больше ходить. В субботу 17 чуть не ночью в 11 часу приехала Саша Л. под проливным дождем. Я, правда, не особенно-то обрадовалась ей. Она пришла, конечно, затараторила. К революции она относится не так, как наши милые курсистки. Она про Марию Николаевну Бл. сказала: «Наверное, она плачет, говорит *mein Kaiser, mein Kaiser gefangen*». * Только бы поострить. Или потом говорит: «Тебе жаль царей, их все же жаль» таким поверхностным тоном, что не понять серьезно от сердца.

* «Мой государь, мой государь находится под стражей» (нем.)

На другой день утром пошли к Вере за молоком всей кампанией, обратно пришли с Верой, она немного подождала нас, Саша пошла в гости по соседству, а мы отправились на теннис. Вера встретила своих знакомых моряка и юнкера, и они присоединились к нам. На теннис были еще 2 студента, тоже Верины товарищи (она училась в коммерч.). Время мы провели премило и превесело, чувствовали себя так развязно, непринужденно. В 2 часа к завтраку вернулись домой. Саша заглянула на минутку, заявила, что завтракать не хочет, а пойдет посидеть в сад, я побежала следом за ней, чтобы убедить ее позавтракать и увидела, что она спешно шла, по двору. Я побежала за ней, она сказала, что идет встречать Фиделя, своего поклонника, который приехал вчера из Гельсингфорса и провожал ее до нас. Я вернулась домой потом вместе с Сашей направилась на встречу. Вместе *en trois*^{**} вернулись в сад, где Фидель развалился утомленный на скамье (в этот день по случаю манифестаций трамваи не ходили), Саша, к моему великому ужасу, своей гребенкой начала причесывать его. Потом мы пошли в театр брать билеты на «Ваза», меня не очень-то тянуло, но я задумывалась, как мы проведем вечер. Взяли для 6 человек 4-местную ложу, мы с Раей решили забежать к Калерии Владимировне. Пришлось поискать, наконец, мы увидели около дачи няню с ребенком, спросили и пошли. На балконе мы увидели много народу, но набрались храбрости вошли. Там были Калерия Владимировна, Е.В. муж ее и сестра мужа. Петр Ильич издали поклонился нам и моментально исчез. Мы сразу почувствовали себя хорошо и весело, начали разговаривать. Калерия Владимировна предложили мне учиться на пишущей машине, я с благодарностью согласилась. Они все оказались институтками московскими, нашлось много воспоминаний, все они милые, симпатичные. Калерия Владимировна вспомнила, что она ревела как сумасшедшая, когда узнала о смерти Императора Александра III.

Муж Е.В. сказал, что я сама могу идти в международный коммерческий банк и хлопотать о месте. Незаметно пролетело время, и мы едва успели к обеду. Мама рассказала мне, как вела себя Саша, она сидела, обнявшись с Фи в гамаке, так что оскандалила нас. Оказывается, вчера вечером, прощаясь около нашего подъезда так целовалась с Ф., что прислуге противно было смотреть. Мне Поссе, замужняя женщина, сказала, что еще немножко, она выгнала бы Сашу из сада, потому что она развращающее влияет на мальчиков (трое 20, 16 и 13 лет). Мама сказала, что больше Саша не будет у нас к обеду, она пришла, надеясь, верно, что мама накормит и ее «жениха» (как она сказала маме), но мама категорически, хотя и вежливо отказалась, Саша смутилась, вероятно, потому что, ничего не сказав, ушла. В 7 часов, после колебаний, пошли, мама беспокоилась, что пятеро идут в 4-местную ложу.

Что это было за I действие, хотелось сквозь землю провалиться, мама выслала нас из ложи, конечно, и Евгений бежал за нами следом, мы все ушли в сад. Как было невыразимо обидно. Я говорила в антракте с мамой и сказала, что такие вещи угнетают меня, жить не хочется. Мама сказала, что ведь есть же чистые, хорошие отношения. Увы, мне как-то сомнительно казалось это. В театре все очень смеялись, а мама, Рая и я разорвали рот, зевая. Я с нетерпением ждала окончания, на душе было уныло, какие все противные, и мужчины и женщины, что находят они в этом хорошего. Мне показалось, что V действие было лишнее, и малейшая моральная окраска IV д. исчезает совсем. Вернулись домой в 12 часу, почти в 12 пришла Саша. «Как это мило», подумала я про себя «точно на постоялом дворе», неужели не могла придти пораньше. Мне было неприятно, что она осталась на Раино рождение. Саша заметила, что мама недовольна ей. На другое утро я порешила ехать в Казначейство, мы с ней поехали вместе, она, видимо, чувствовала себя неловко. Надо было мне тогда подружиться с ней, как не как неприятно все это. Она вышла на Невском зайти к Гурме за конфетами для Вали. Ждать в Казначействе пришлось долго. Там послушала разговоры, все нашего лагеря, видела вдову, муж убит на войне 1 ½ года тому назад. Все возмущаются беспорядками. А одна

^{**} Втроем (фр.)

дама сказала: «а что же монархисты-то делают?» По-правде скажу я, не ярая монархистка, но сердце мое лежит к монархии как к неотъемлемой особенности русского народа, «батюшка-царь», как к воспоминанию об хорошей Руси. Я была у Калерии Владимировны на уроке, через час направилась домой. Вечером пошли в кинематограф. Вот преимущество кинематографа: можно смотреть или не смотреть, не слышно, что говорят, а можно самим разговаривать. Теперь из зрелищ я больше всего люблю балет, там можно забыть действительность. День прошел скоро, и мне жаль было, что так незаметно. Когда я вернулась из города, то узнала, что без нас пришла телеграмма, Сашу вызывают в Павловск, дядя опасно болен. Я заходила по соседству и узнала, что Фана Семеновна уехала уже всем домом в Павловск. В среду были на «Демоне». Путаный это был день, как его называли, в театре вошли, когда уже было темно. Мне особенно понравились арии «На воздушном океане», «Ночь тепла, ночь тиха», «Будешь ты царицей мира», танцы сразу подняли мое настроение. В общем, я теперь только, и мне кажется, понимаю Демона. По-моему, в жизни почти каждой женщины встречаются два человека, которых она может полюбить. Один добрый, честный, хороший, другой демонически-интересный и более опасный. Это жених Тамары и Демон, Валентин и Фауст, это Марк Волохов и Тушин и т.п. Сильное впечатление произвел на меня бой во II д. я вся дрожала и думала, что где-то там, на юго-западном фронте, идет настоящий кровавый бой. Когда на сцену приносят мертвого жениха и Тамма рыдает над ним, мне показалось, что это мой жених, и я готова была плакать.

Узнала о победе, и мне радостно и хорошо стало на душе. Жива Россия, жив русский дух. О, сразу же стало тяжело при мысли, что Государь страдает, что за труды его, за попечения о родине, за все его заботы над ним издеваются и засадили под стражу как преступника! Подвернулась газета, нужно мне было ее прочесть. Какой-то Независимый пишет «Большевики братаются теперь с немцами, а раньше черносотенцы братались с нашим врагом». Такая явная подлая ложь взорвала меня, я не знаю, каких гадостей готова была пожелать, но сердце мое все находило слишком жестоким. С этой минуты во мне воскресло сильное желание, чтобы была восстановлена монархия. «Черносотенцы»-предатели! Наш класс почти весь состоит из этой партии, однако как мы ненавидели немцев, радовались нашим победам, посылали подарки на фронт?

Трамвай стоит уже 15 копеек! Как я делаюсь нехорошая, когда езжу в трамвае, как все возмущают меня, каждый вмешивается в разговор и норовит что-нибудь неприятное сказать. Пораженцы возмущены против наступающих, те против первых. Все озлоблены! А мне стыдно позволять злобу входить в мое сердце.

Вчера у Казанского собора был молебен по случаю отправки женского легиона смерти на фронт. Солдаты тыла готовы растерзать их. Я преклоняюсь перед их храбростью, мужеством и самоотверженной любовью к родине. Но правильно по-христиански ли поступают они?

24 июня. Плохо спала ночь, с вечера долго не могла заснуть, все думала идти на это место или нет, и повторяла миллионы раз, что все в воле Божьей, тем не менее, не могла даже задремать. Проснулась в восьмом часу, и опять первой мыслью было то место. Что лучше? Трамвайная комиссия (предложение Ольги Ивановны) - 190 р., бесплатный проезд и до 12, ну, до 3 занята, а тут целый день, однако пользы больше, воспитать и саморазвиваться.

Июль. 2. Воскресенье. Дело с профессором Белецким я считаю окончательно поконченным. Прошрое воскресенье я ходила туда вечером. Мне отворили двери мужчина лет 35-40, брюнет, вообще тип из романа, и не без удовлетворения взглянул на меня. Но что мне до этого? Пришлось, конечно, прибегнуть к гнусному средству лжи, я сказала, что у меня нет возможности из-за учеников согласиться на это место. Мне кажется, прабабушка (она оказалась матерью жены профессора) ничего толком не объяснила ему,

т.к. он предложил мне 100 р. На всем на готовом и жить у них. Конечно, им нипочем не прокормить меня, но какая разница 50 р. Приходит и 100 р. И все готовое! Я поблагодарила, но отказалась, сказав, что не могу оставить маму. Каково! Тогда я, а может, и справедливо, не придавала этому значения. Профессор сказал мне: «Передайте вашей маме, что у Вас будет папа». Когда я рассказала об этом Валерии Владимировне, то она очень смеялась, но мне стыдно даже вспомнить об этом. Вначале я все думала, что они придут просить меня поступить к ним хотя бы учительницей. В понедельник были в Ольгине. Рая говорила, что ей всегда грустно бывает приезжать туда, где она проводила свое детство. Я ответила ей, что сожалеть о прошлом счастливым времени грешно. По-христиански жить это значит не жалеть прошлого (я грешна в этом), не думать о будущем, а жить настоящим. Когда сказала маме, то она заметила, что так и живут умные люди, значит, высшая мудрость лежит в христианстве, следовательно, Родоначальник его есть высшая мудрость, иначе говоря, Бог. В Ольгине я наслаждалась природой, это лучшее из всех удовольствий для меня. Мне было жаль, что там мы пошли в кинематограф. В среду вечером были в церкви. У меня теперь неприятное довольно состояние. Потеряла смысл жизни. Зачем совершенствоваться? Это – невозможно. Только бы не делать зла. Не все ли равно, куда поступить на службу, будет гражданская война, которая сотрет нас с лица земли или мы умрем голодной смертью, что неизбежно, остается только смириться пред возможностью этого факта. О чем просить Бога? После всех преступлений наших? Русский народ так сильно согрешил, возможны ли для нас после всего успехи, счастье, возрождение и возвращение милосердия Божия! И не один русский народ согрешил, но с ним, конечно, и я, я ужасно как испортилась за эту революцию. Давно ли, кажется, я приобщалась, возродилась, окрепла, поумнела. Ураганный ветер революции помял в душе моей распускающийся было цветок новой жизни. Я стала еще раздражительнее, проснулась любовь к порицаньям, осуждениям и злобе, ненависти к анархистам и прочее. Я не могу молиться как прежде с самозабвением. В четверг в церкви батюшка обратился с просьбой к прихожанам записываться в члены братства для вспомоществования бедным, благолепия храма и для нравственного христианского просвещения. Плата в год, начиная от рубля, а для постоянного члена 6 р. Недорого! Но я не решилась заикнуться об этом маме, боясь рассердить ее. Да, а для себя мы не пожалеем и 100 руб.! Если бы все люди помогали хоть немного бедным своей местности, то легче бы жилось на свете, если бы старались нравственно-благотворно влиять, меньше было бы преступлений. Довольно странная (хоть, право, это совсем не так) пришла мне мысль в голову, я помню, что в одном их апостольских посланий было сказано, что они воюют не против царств и народов, а против правителей. Неужели правы революционеры в их борьбе с монархами? Как это так «Бога бойтесь, царя чтите»? Под влиянием этой мучительной думы, да еще под влиянием старого размышления, что Бог сотворил мир и людей ради славы Своей, мне пришла мысль в голову, что истинная религия заключается в одной всеобъемлющей, всепоглощающей любви, что Бог – есть Любовь и мир и люди были созданы только для любви, только для того мы и живем, чтобы научиться любить начиная от нашей матери всех людей хороших и дурных и дойти, наконец, до высшей любви, полного вселюбия, всепрощенья, милосердия, неосужденья, снисхожденья, той любви, которая должна соединять нас после смерти с Источником, Светочем вечной святой чистой любви Истины и Премудрости. Вот моя религия, одно оружие, по-моему, христиан, это любовь. Устраивать рай на земле и для того заточать Государя с семьей, осыпать их насмешками, издеваться, осуждать, клеветать, позорить, радоваться неудачам! Они осуждают Государя и черносотенцев, чем же они лучше их, если они сами жестоки! Те, которые кричали, что Государь должен отстранить Распутина, что это гибель государства, почему же думая о благе родины, они не хотели помочь Главе Ее?! Нет, не только думали они о благе родины, они проникнуты были ненавистью к империализму. Если люди находили, что нужно уничтожать роскошь при дворе, почему не кричали они громко об этом?!

Вечером были в театре, шло «Казнь», играла Истомина. Совсем точно переделка «Идиота». Какими мелкими, подленькими показались мне русские люди. Какое отношение к женщине! Женщина – мать, труженица, подруга, и ее презирают, на нее смотрят как на игрушку. Как мало в России таких людей как князь Мышкин, жаль мало у нас «идиотов» на тысячу может один. Вот Испания так очень мне понравилась, там почитают женщину. «На Пиренеях женщин не бьют, их убивают». Испанцы народ страстный, горячий, мне кажется, что и воры, и разбойники у них лучше, а нет в них этой нашей мелочности, дрянности, отсутствия самоуважения, сознания своего человеческого достоинства.

В пятницу был второй раз мой новый ученик Кругляков. Я спросила его, что он предполагает делать, какие у него планы. «Что же, конечно, буду инженером, это от меня вполне зависит». Вообще он мне не нравится желаньем срезать, оборвать и смутить. Вечером были на теннисе, пришло много народу, все почти Верины товарищи. Мне кажется, я застрахована от того, чтобы какой-нибудь мужчина мог понравиться мне или заинтересовать меня. На обратном пути мы шли с Верой, ее подругой и одним офицером, разговор не клеился, так, отрывочные замечания, они смеялись неизвестно чему. Мне иногда очень тягостно бывает в обществе, беспричинен, бессмыслен смех, хочется уйти подальше от всех. Оказывается, Калерия Владимировна, подобно нам, была бедна и застенчива, мне почему-то думается, что стесненные средства не последнюю роль играют в застенчивости, лечение от него это общество.

9 июля. Воскресенье. Много, много нужно занести в дневник, не знаю, успею ли. Какой теплый день, жаль только сильный ветер колышет деревья, тени пробегают по тетради и мешают мне писать. За прошлую неделю я не успела написать, что мое отношение к нашим домашним животным сильно изменилось, они нисколько не умяляют меня, а их поведение и бесконечные хлопоты, которые они нам доставляют все более и более укрепляют у меня решимость не заводить их. Лучше дать приют какой-нибудь бедной сироте, воспитать ее или его в этом больше пользы и эта перспектива до того привлекает меня, что кажется поступи я на службу, то с удовольствием осуществлю ее. Взять из нищеты, из ужасной обстановки, спасти, помочь...

Как-то вечером Рая задала мне вопрос, который я до сих пор вполне не разрешила. «Как лучше делать добро: для людей или для Бога?» По-моему, помогать людям нужно ради них самих и во славу Бога, делать добро нужно для того чтобы увеличивать общую на земле сумму милосердия и любви и тем самым радовать Бога. Немного запутано, не правда ли? В воскресенье Валерия Владимировна пригласила нас в ложу, и мы пошли. У них оказалось много народу, но я чувствовала себя спокойно, потому что в душе было столько незлобия и снисхождения по отношению к людям. Пусть смеются, что мне до этого, пусть я скажу и нескладно и неумно все это неважно. Шло «Сильные и слабые». Нас посадили в третий ряд кресел. Пьеса эта заинтересовала нас с психологической точки зрения. Я причислила себя к разряду скорее слабых людей, от того эта нерешительность, колебания, уступки. Конечно, среда много значит, а кроме того, и вечный расчет, прежде чем купить или сделать, взвешиваешь, взвешиваешь, будет ли это практично и прочее. Утром мы были в церкви, попали только на проповедь. Батюшка говорил, что телесные недуги наши происходят часто от наших грехов, что нужно во время болезни обращать внимание на душу. Мы и во время здоровья больше думаем о нашем теле, чем о душе. В понедельник приезжал дядя Коля, предлагал мне место на 80 или 100 руб. в зависимости от выработки, я решила не оставлять уроков и с ужасом, хотя и с интересом, представила себе как я буду занята. Но кончилось тем, что, поразмыслив, решила отказаться.

Событий мало. Но запишу самое важное и существенное не только для меня, но и для других. Случилось это на теннисе. Я пошла причесанной в две косы. Конечно, от бега они все время расплетались, и я то и дело принуждена была приводить их в порядок. Рая сказала: «Ты все свои косы заплетаешь». Что не могу же я бегать с распущенными

волосами, что, конечно, ей все равно, как я причесана. И я принялась ворчать. Рая назвала меня старухой, я возразила, что и мне без того больно, что у меня такой ужасный характер и что, наверное, к тети Сашиным годам я буду такая, что меня и на порог к себе не пустит. Конечно, было много у меня и мелодраматического в разговоре, но, наконец, прозрела я и убедилась, насколько вся я пропитана эгоизмом. Ведь если я раздражаюсь, то большею частью это потому, что не сделали так, как я хотела или потому что мне не удалось почитать «Идиота» или поиграть на рояле или потому что мне выказали недоверие или сделали замечание. Вечная дума только о себе, непомерное воображение, что я замечательно чуткая душа с сильным воображением и впечатлительностью. О, как много всем нам вредит наш эгоизм. Из-за него непомерная гордость, обидчивость, застенчивость, недоверие к другим. Если мы будем стремиться больше думать об удобствах других, об их интересах, то тем самым избавимся от вечных беспокойств о себе, которые, конечно, сильнее первых, что тоже эгоизм, но смягченный и облагороженный.

16 июля. День был пасмурный, но вот выглянуло солнце, и на душе стало так радостно. Как я люблю солнце, свет! Как-то я шла на урок к Калерии Владимировне, и вот выглянуло солнце, легкий ветерок приятно ласкал меня. Как дорога показалась мне наша бедная природа Лесного. Нет, кажется, для меня большей радости, как любоваться голубым небом, зеленью деревьев и вдыхать теплый воздух! О, как в тот день любила я природу: мне казалось, что я люблю ее больше чем людей. Может, это так и есть. За эту неделю пришла к печальному заключению, что раздражение мое не уменьшилось, меня (стыдно, но нужно сознаться) совершенно глупо - я сознавала это и сама - раздражает то, что Рая молится дольше меня и что есть о чем просить Бога. Пока я не нахожу в себе никаких качеств, у меня только есть тяготение к хорошей, честной чистой жизни. Мне кажется, не ужасно, что я способна сделаться завистливой под старость и холодной, бездушной, как мраморное изваяние, отношение мое к животным огорчает меня. Нужно вырвать из души малейшие ростки пагубных страстей, чтоб они не выросли в страшных змей, с которыми трудно будет бороться. Кроме того, я ужасно хвастлива, это может сделаться тоже отвратительной чертой характера. Я хваюсь не только моими успехами и удачами, но и неудачами, мне кажется, и мое самобичевание является тоже хвастовством. «Посмотрите, как я осуждаю себя!» Прошлые воскресенья видели «Мечта любви» I и II действие почти целиком старались не слушать, занимались чтением программы, перешептыванием. Я не могу, до чего возмущают меня подобные циничность и чувствительность! Кажется, жизнь такой противной! Единственно, мне очень понравились 2 последние действия, там где она говорит ему: «Я сознательно убила в себе способность любить» и потом, где она прогоняет его. Придя домой, я сказала Рае, что у меня минутами против моей воли возникает мечта о том, что когда-нибудь и я буду любима и буду любить, но я не хочу уже этого с прежней силой и нетерпением, как прежде, я совсем спокойна: «Так вот я хочу убить в себе даже «мечту о любви», потому что это грешно». Да, цель и смысл жизни вовсе не любовь и замужество, лучше не мечтать, чтоб совершенно спокойно без сожалений о разбитых мечтах встретить старость, если на то воля Божья, то это будет, если же нет, то незачем и мечтать. Я теперь нашла в своем сердце возможность прощать мужчине, виновата натура и дурное воспитание, отсутствие религиозного начала. «Но почему мужчина глава?» Почему жена да боится своего мужа? У Ольги Ивановны были 4-го вечером. Викентий Александрович по обыкновению нервировал меня, показывая *à tort et à travers** свою ученость, говоря, что изучает газеты. Не смешно ли меня всегда расстраивать, когда он говорит об успехах науки. К чему? Зачем наука? Сидя на диване, мы разглядывали (маленькие!) с Раей «Ниву», и там были картины современной войны. Не конец ли это света? - спросила Рая. – Конечно, она

* Здесь: при каждом удобном случае (*фр.*)

нисколько не пугает меня. Вчера, лежа в постели, я глядела в окно. На душе копошилось столько смутного, неясного, непонятного, загадочно, таинственна казалось мне наша жизнь, вся вселенная, все, все, даже религия. Что такое Бог? Может ли слышать Он мои молитвы? Таким недостижимым казался Бог, точно чуждым и угрожающим. Что же истина? Как разгадать тайну всего меня окружающего. Темно было кругом, и темно в душе моей. Иногда чудится мне, что большевики правы, что они есть «гонимые за правду», но нет, эта мысль чудовищна. Проснулась с миром и радостью в душе, столько было мягкости и любви во мне.

Пошли на теннис, чтобы раньше пойти в церковь. Мне тяжело такое отношение к религии, ах, нет, и нет, мы не понимаем ее, мы не знаем, как нужно жить, веровать, молиться, любить. Религия у нас - одна обрядность, мы молимся поспешно, небрежно, крестимся кое-как, любим Бога только на словах. И многие не сознают, что они на ложном пути, ну а я-то, я ведь сознаю, во мне горит Божественный огонь, и я сознательно позволяю себе затушить светом, обществом, предрассудками, а, главное, своей слабостью этот огонь! Я преступна и грешна вдвойне и перед Богом, и перед людьми. Мы все постоянно грешны в наших отношениях друг к другу, мы не поддерживаем пламень веры и нравственности, а тушим его в молодости, нам суждены благородные порывы, а потом... Мы вязнем, как и все. Не нужно осуждать среду и, мы, Нина, не смей этого делать, мы виноваты сами, потому что не умеем бороться. Наша жизнь пуста. Это сознание давило меня вчера, и я сказала «догорай, бесполезная жизнь, приходи одинокая старость». Может, грешники, т.е. нет, преступники, и так называемый дурной элемент прощен будет Богом, а не так называемые «хорошие» люди. Дорогой меня давила мысль, что все встречные живут не так, думают не о том, о чем нужно, суетятся и трудятся напрасно, что все бесполезно и жалко и ничтожно. Все было так тускло вокруг меня, я торопилась пойти в церкви, чтоб почерпнуть там крупицу Истины. В церкви мне казалось, что здесь мое убежище, моя пристань, но мысль сделаться монахиней казалась невозможно, я люблю музыку и свободу. Ах, ужасная! Что делать мне. После церкви и игры в теннис все стало яснее и спокойнее во мне. Я знаю одно, что Истина это Иисус Христос.

23 июля. 17 мы пошли с Раей купить что-то и, между прочим, посмотрели программу в кинематографе. «Люди греха и крови». Картина изображает Государя с обрюзгшим лицом, поникнутой головой и затем министров. Возмущение вскипело в моей душе, и я громко высказала его. «Какое преступление совершили эти люди?» (подразумевая Государя). Когда совершались другие преступления, то так упорно и долго не издевались над преступниками. Люди греха и крови; все мы люди греха; слово «народ» не значит еще «святость», неизвестно, кто грешнее. Люди крови, неизвестно, может, и все мы так или иначе убийцы косвенные, разве не совершаем мы убийства, если, имея достаток, заставляем умирать других с голову или накладываясь на себя руки. Разве нельзя простить! Какое право имеем мы не только осуждать, но еще насмехаться и издеваться. В суде другое дело, там судят преступившего закон и осуждают его для его исправления и ограждения общества от дурного члена. 16 были в театре на «Цена жизни», мне эта пьеса понравилась. И после нее у меня явилось желание написать драму, высказать о ней многое, пробудить в людях человека, разжечь иску Божию. Мне казалось, что я смогу осуществить это. О, какое безумное самомнение! 19-го были в городе, купили синие платья, я себе серую шляпу. Мне казалось тогда, что это и есть жизнь, делать покупки, наряжаться и, казалось, что я буду такой. Мысль о бедных, однако, не покидала меня, и укор в виде бедных женщин с детьми и калек появлялся на каждом шагу. Потом я задавалась мыслью: откуда у меня недовольство, озлобление, раздражительность? Это мучает, душит меня, точно какой-то демон преследует меня. Ведь, рассуждая логически, мне всегда кажется смешным, что я раздражаюсь или беспокоюсь о подобных пустяках. Виданное ли дело, чтобы убиваться о том, что я ненасытнее Раи. Сидя в обществе

(Гвардейский экипаж), мы слышали, как дама (?) говорила, что ежедневно в ударный батальон записывается по 150 девушек. По-христиански ли это? Принесут ли они пользу России? А, в сущности, я лично не пошла бы даже при старом режиме. Страшно не умереть, а погибнуть, пожалуй, из эгоизма, а вот сестрой милосердия другое дело, они теперь, наверно, очень нужны. И я вообразила, что это и есть мое призвание... но, сознаюсь чистосердечно, что к искреннему порыву примешивалось и чувство тщеславия, желание заслужить орден.

20. День знаменательный. Калерия Владимировна попросила нас играть (смешно сказать) за монастырской стеной роли безмолвных монахинь. Я с удовольствием согласилась и побежала домой. Дома я не сразу сообщила эту новость. Рая была очень довольна, но больше нас обрадовалась мама. Ев. Вл. был совсем опечален: «Вам придется гримироваться?» Мы прибежали перед самым началом. Билетерша хотела остановить нас, но, видя, как мы мчались по направлению к уборным, только улыбнулась. На меня произвели жуткое впечатление эти монахини в темных одеяниях. На меня холодом повеяло от них, и монастырь не привлекал меня более. От этого костюма я была непривлекательной. Во время антракта мы слонялись из стороны в сторону. Перед выходом я слегка волновалась, потому что нужно было медленно ходить и низко кланяться. После театра Е.В. очень был расстроен, ему было обидно, что мы казались жалкими, маленькими и неинтересными по сравнению с намазанными артистками. А мне понравилась артистическая жизнь, показалась интересной, и хотелось даже изредка самой играть. Вообще смутные мысли роились в моей голове. В пятницу была неприятность от того, что не могла найти ключей от стола, мама очень разогорчилась и сказала, что вместо того, чтобы играть на рояле (было совсем темной, 4-ый час), лучше бы я осмотрела в порядке ли мой стол. Я сказала, что почему же нельзя мне проявить человеческие чувства. Вечером, ложась спать, я, сдерживая слезы, решила, что теперь убью в себе последние проявления эгоизма, буду думать только о том, чтобы не рассердить маму, хлопотать, суесться, если нужно, что-нибудь, помочь маме, я моментально буду это делать, не думая о том, что иначе я не успею поиграть на рояле или поучить английский язык и т.п. Это будет мое послушание. Я брошу хлопотать о том, чтобы успеть с личными делами, удовольствиями и интересами, мое время будет принадлежать тем, кто в нем нуждается. Я постараюсь сохранять мысли свои чистыми и добрыми. У меня в жизни будет свой монастырь. Как меня огорчило, когда за монастырскими стенами говорит монахиня: «Брось цветы, они говорят о земном». Бросить цветы, да что может быть лучше их! Утром как-то, выйдя в сад, я с восторгом смотрела в небо, и вся природа казалась мне прекрасной, божественной, чуть ли не воплощением Бога.

30 июля. 1917 г. Прошрое воскресенье, как всегда, мы были в театре на «Марии Стюарт», в V д. мы выступали плакальщицами и совсем тихо и плохо плакали, даже стыдно. Мне казалось тогда, так смешно все это, игра, драма, вымысле и вдруг слезы, когда теперь так много льется слез! В 4 часа нас позвали на репетицию, это было так интересно, так весело бежать туда. На другой день была у Калерии Владимировны, и она сказала: «Я займусь Вами, Ниночка, у Вас лицо *ingenue dramatique*,^{*} и мне кажется, из вас выйдет артистка. Только не будьте профессиональной артисткой, личной жизни нет, сцена все захватит. После этого разговора точно крылья выросли у меня, и сияющая с надеждой на будущее полетела я домой. Но потом сомненья нашли на меня, к чему быть артисткой, какой смысл, цель, какие вещи, быть может, придется играть, потому что, нужно сознаться, я слабовольна, и если попросят, то кончится тем, что я соглашусь. На другой день пришла мне мысль написать пьесу, я вся ожила при этой мысли и начала писать. Мысль о пьесе преследовала меня, особенно, когда я думала, что скоро конец света.

^{*} Драматическое инженерю (простодушие) (*фр.*)

Нужно сказать, что-нибудь людям помочь подать мысль перед концом ободрить, нужно торопиться. За это время у меня являлась все чаще и чаще разочарованность жизнью, все не то, я теряла почву под ногами.

6-ое августа 1917 год. Прочитала сегодня апостольское послание и окончательно запуталась, там сказано, что можно спастись одной верой без добрых дел. Это, а затем вчерашнее чтение Апокалипсиса, по которому мне показалось, что конец света не скоро, ободрили отчасти меня, мне захотелось и веселиться, и любить - последнее еще смутно. Самое сильное впечатление за все это время осталось у меня от «Идиота», впечатление неизгладимое, которое мне хочется как можно лучше описать. Это было прошлое воскресенье, мы пошли, Рая и я, в театр. Вначале Шатров, вернее, сам тип «Идиота» не нравился мне, действия шли быстро, но вот вершина гения V действия. Мороз пробежал по моему телу, обстановка была мрачная и зловещая. Горит свеча Рогожина. Все так тихо и таинственно, говорят между собою. Мне казалось, что я с головокружительной высоты гляжу в бездну, что предо мной раскрывается какая-то страшная тайна. Слезы струились из моих глаз, когда он говорил: «Жив человек в поле. Жалеть нужно, всех жалеть. Все живет, все страдает, все умирает. Жалеть надо». Рая нашла, что лицо его было похоже на лицо Спасителя, а мне кажется, что не только это физическое сходство, но, главное, нравственное, заставило меня задрожать. После спектакля мы вышли на улицу, ожидая, что за нами придут. Никто не шел. Было свежо, темное небо казалось таинственным, вся душа моя была проникнута мистическим ужасом и восторгом.

В этот же день нам пришлось убедиться, что бойкость и нахальство не всегда дают дорогу. Маленькая артистка сразу после спектакля начала приставать к Калерии Владимировне устроить детский спектакль: «Вы должны, вы обещались. Вам всегда будет некогда и т.п.» К.В. на нее рассердилась и отказала ей. Когда девочка ушла, она сказала нам, что то время лучше, когда дети были робки и застенчивы. Во вторник 1-го мы пошли на оперетту, совсем не рассчитывая ранее на это. Когда мы сидели за столом, пришел Е.Р., товарищ Е.В. и мы отправились вчетвером. Шло «Граф Люксембург», я была, очевидно, очень серьезно настроена, потому что мне не было нисколько не смешно, я все анализировала, находила кое-что остроумное, и смеялась более из приличия. Мне очень было жалко артисток, зачем так ужасна жизнь, что им приходится смеяться, играть, когда, может, хочется плакать, но главное - почему они так несчастны, что на них смотрят так «что каждый может дотронуться». Калерия Вл. смотрела на нас из ложи и улыбалась. Когда мы пришли к ней, она спросила Раю: «Кто это рядом с вами сидит?» и была очарована тоном, каким Рая ей сказала: «Это он!» На другой день, вспоминая это, К.В. сказала: «Она еще настоящий ребенок. Ей рано выходить замуж». В понедельник мама сказала «Нужно, хоть два часа в день работать». Я моментально протест. Как мне было стыдно, когда мама заметила: «Я имею в виду главным образом Раю и себя. Не надо так принимать все на свой счет». Вот как я вечно первой мыслью имею себя! Весь этот день в голове роились неразрешимые мысли, мучившие меня. Иногда мне казалось смешно, что я не могу их разрешить и finalement* я пришла к заключению, что я глупее всех, потому что, наверное, самый ограниченный человек ответил бы на эти вопросы. Придя к такому заключению, я решила, что вступаю в новую жизнь, потому что Гоголь находил, что с этого нужно начать. Мое убеждение в моей глупости было вполне искренно. 1 августа. Я читаю теперь «Идиота», чуть ли не с мая месяца. И в этот день я читала описание ординарных, обыкновенных людей и тотчас же решила, что я подхожу к этой категории, но нахожусь в период, когда ординарность воображает себя оригинальностью. Правда, минутами все мне кажется удивительно просто естественно, вся жизнь самой обыкновенной обыденщины не кажется мне скучной, не хочется никуда высоко забираться с мыслями, шитье, хозяйство кажется привлекательнее чтения, если я выйду

* Наконец (фр.)

замуж, то эта сторона характера разовьется во всей своей силе. Целый день в голове моей были тексты из Евангелия. Я решила, что раз я знаю повеления Бога и не поступаю по ним, то, следовательно, я грешнее всех.

27 июля. Это день бенефис К.В. Она была очень хороша, особенно, в 2 первых действиях, столько жизни, огня, она играла «Обнаженную», но, все-таки, неужели смысл существования в страсти любви?!

Вчера после того как мама сказала, что мы т.е. Рая и я выйдем замуж и будем иметь детей я позволила себе мечтать и мысленно представляла себе замужество с тем, о ком нельзя и думать. А я уже 2 недели, может, как окончательно перестала мечтать и так гордилась и радовалась, что пора мечтаний и вздохов прошла.

13 августа. Я проснулась сегодня под звон благовеста и увидела, как мама зажигала лампаду. В душе было тихо и отрадно, я вся была полна мыслью о Боге. Но вот мне пришлось потратить время на искание нот и на хозяйство, и недовольство охватило меня. Немудрено, что я ничего не пишу, у меня на это положительно нет времени даже в праздники. И я позавидовала мальчикам, которым никогда в жизни не придется заниматься хозяйством. Сегодня пришла девочка, которая приходила вчера насчет урока дать утвердительный ответ и привела еще свою маленькую сестру (я только мечтала иметь маленькую ученицу). Вчера были Савельевы. Оказывается Николай Николаевич, вернувшийся из плена на положение легочного (он харкает кровью) вновь призывается на войну! 8-го случилось самое невероятное событие. Пришли две дамы насчет урока для 2 мальчиков и для дамы (практика) ходить к Круглому пруду 2 руб. Решено с четверга. Перед тем у меня было предчувствие, что придут. 10-го в 10 часов утра со страхом и трепетом я звонила на урок. Встреча меня ободрила: маленький мальчик радостно выскочил ко мне. Первый урок был с дамой, мне даже смешно ее так называть, у нее вид как 15-16-летней девочки. Лицом она напоминает Наташу Струцинскую, только покрасивее ее, глаза большие серо-голубые, нос слегка с горбинкой, полные капризные губы. Причесывается она гладко, как институтка. Она сразу расположила меня к себе, а я в свою очередь внушила ей доверие (чем, каюсь, погордилась), потому что она смело стала говорить со мной. Вообще у меня было такое доверчивое отношение к людям и некоторая самоуверенность основанная на вере в Бога. У мальчиков я немного стеснялась. Вечером были в театре на «Камо грядеши». Приехал товарищ Е.В. Рего, и мы пошли вместе. Я сидела в первом ряду. I действие показалось мне смешным, и жаль было артистов. На меня только приятное впечатление произвела страничка из жизни первых христиан. Во II действии неприятно было смотреть на унижение женщины, но, все же, я решила, что в то время в жизни была хоть красота, любовь к искусству, наслаждение жизни, а мы не подходим ни к христианам по пониманию жизни, ни к язычникам. Во время II д. я побежала за кулисы одеваться и была весела и довольна бойка. Калер. Вл. премировала меня, роль христианки была совсем незначительна. Что пришел Апостол Петр, сильно переживала это, вытягивала шею, чтоб лучше слышать, прижимала руки к груди, ведь все это я делала, чтоб проявить свою активность, но никто не заметил, даже Рая. Мне казалось, что ставить такую вещь в наше время очень хорошо, но артисты должны были соответственно готовиться для этого. 6-го августа были в церкви. Я не люблю торжественных праздников, ходят по церкви взад, вперед. Вспомнила об «Идиоте» и подумала, что каждый человек, как умеющий сильно чувствовать, заглянув в бездну, кончил бы тем же, может, это есть знак того, что мы не имеем права безнаказанно открывать завесу «хаоса». Под впечатлением апостольского послания, я решила, что главное - быть доброй и снисходительной, прощать, не осуждать. Мне мучительно захотелось искать везде красоту, духа, форм и проч. Красота – мне являлась в виде какого-то божества, смыслом существования и (созерцания красоты) синтезом его. Я еле сдерживаюсь от слез, мне хочется рыдать (13 авг.) Отчего? Не знаю. Мама сказала:

«сейчас 6 час., делать все равно нечего. Вы бы попели». Я смотрю на мамино предложение, как на приказание, хотя мы совсем не хотелось петь, потому что еще светло и лучше пописать дневник или сочинение, тем не менее, я повиновалась. Из пения ничего путного не вышло, это, может, было мне обидно, обидно, что я почти ничего не спела или же еще что я осуждаю мысленно маму и, наконец, это моя драма совсем не движается. Ну, тоска душит меня и беспокойство. Все чаще одно время приходила мне мысль, что Бог простит меня, потому что я все же люблю его.

Я считаю, что поститься очень хорошо, потому, что хотя немного мы заставляем плоть подчиниться духу и слушаться его голоса. Как непостижимо велики кажутся мне подвижники, могшие в продолжение многих дней воздерживаться от пищи! Две недели тому назад мы были на кладбище, как хорошо там. Вот она разгадка жизни! Говорила я с Раей о застенчивости и несамоуверенности. Институт очень много способствовал укреплению во мне этих двух неоценимых качеств. От малейшего замечания я приходила в отчаяние и решала, что я ни к чему неспособна, что я нескладная, неловкая, что если я за что возьмусь, то обязательно напорчу, немудрено, что при таком убеждении мне ничто не давалось, а это в свою очередь делало меня застенчивой. Я часто вспоминаю об институте, и при этом порою сердце мое до боли сжимается, жаль ли мне институток (!) моей юности, моих подруг, неумело проведенного времени, или того, что в этих холодных стенах я оставила кусочек своего существа, моей души! Среди этих воспоминаний как две светлые точки восстают передо мной облики Сони Бел. и Лиды Мак. - двух чудных девочек, которые скрашивали мое пребывание в институте и воспитывали во мне хорошие чувства. Спасибо им!

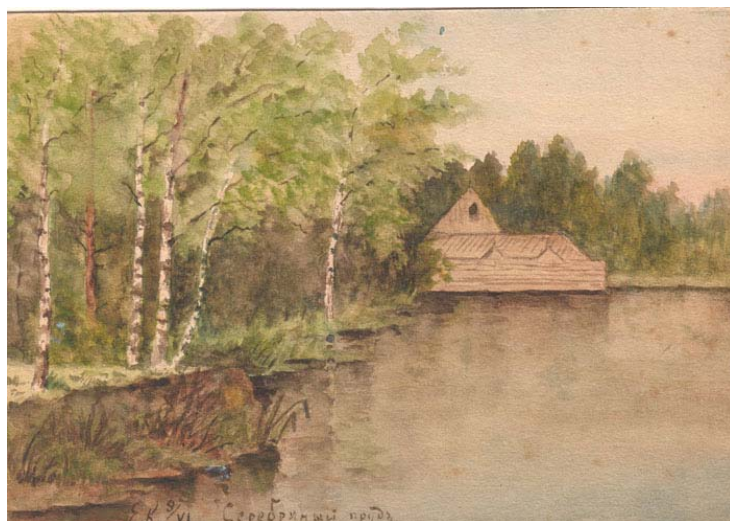
Взгляд на оправдание верою (кальвинизм). Теперь дня не проходит, чтоб я не читала Апостола. Я пришла к тому выводу, что мы должны жить праведно не только для Царствия Небесного, но и для Бога, потому что мы дети Его и храм Его должны содержать в чистоте.

28 августа. Пасмурно. Свежо. Проснулась я с восторгом в груди, с теплым и ярким светом в сердце. Так захотелось поделиться этим теплом с грустными, унылыми несчастными и скучающими залить их лучами сияющего летнего, молодого солнца сказать им: «Взгляните, как много прекрасного в жизни! Сколько чудных даров и милостей ниспосылается нам Богом. Цените каждый светлый миг Вашей жизни!» Это настроение пришло мне ночью, я подумала о том, что мало ценю мою молодость, «мое счастье» пока спокойной и беззаботной жизни, в родной семье. Мне захотелось пасть ниц и за все это благодарить Бога. В субботу, идя от Калерии Владимир., я думала, что жизнь дана нам для счастья, нужно уметь только найти это счастье, в жизни все прекрасно, все осмысленно, все имеет свою цель, все без исключения, все делается по воле Божьей, и следовательно даже в горе должны мы находить радость, потому что оно от Бога и дается нам, чтобы испытать наше терпение, покорность, чтобы воспитать нас. Мне ужасно неприятно думать, что человек, мужчина выше женщины, потому что он образ и подобие Божие, по-моему, мужчина в нравственном отношении ничуть не выше женщины. В пятницу мы были у Савельевых, я была недовольно, что не удалось купить ботинки для Раи и пойти к Калерии Вл. Ольга Никол. с поразительной фантастической верой говорила, что Россия проснется и спасется от немцев. Ах, если бы мне такую веру, а то вот я молюсь о Царствии Божиим, об избавлении от лукавого, а невольно сомнения закрадываются в душу, возможно ли все это? Близок конец света, и, сколько не молись, несчастья неизбежны. И нет всегда в моем сердце теплой веры в Бога, конец зияет предо мной страшной черной всепожирающей бездной. Когда же в груди моей теплится вера, тогда конец является мне, как пробуждением от сна, как чудным, сияющим ликующим днем Светлохого Христова Воскресенья. В четверг были на бенефисе Петра Ильича «Старый закал», мне безумно понравилось, потянулась душа туда, в ту прошлую невозвратную жизнь, затосковала по ней, как по родной земле. Тогда была жизнь проще, люди были

непосредственные, сердечные, и чище были их радости. Анализ в настоящее время убивает все, мы не умеем (по крайней мере, Рая и я) без рассуждения и обдумывания предаваться веселью. Жизнь убита, теперь остались какие-то цифры дохода, расхода, службы, часы, еда, платье.

Евгений Кожевин. Лахта. 26.06.1917 г.

Евгений Кожевин. Серебряный пруд. 9.6.1917 г.

Евгений Кожевин. Вид из окна. Лесной. 22.5.1917 г.

Евгений Кожевин. Лахта. 1917 г.

Прошрое воскресенье мы три часа подряд играли в теннис и сыграли 2 партии. С одной барышней Пио-Ульской, дочерью профессора. 13-го мы ездили кататься на яхте, это был чудный теплый день. Утром были в церкви. Евгений рассердил меня тем, что два напомнил, что в три часа мы должны быть на месте. Точно яхта важнее церкви. Конечно, не обошлось без отговариваний, особенно, тетя Саша запугивала нас и советовала ехать на будущий год. Наконец мы оделись во все белое с шарфами и вышли из дому. Солнце ярко светло. Было жарко. В трамвае и конке мы весело болтали. Выйдя из конки, пришлось долго идти, тротуар был ужасный, зато дома роскошные, настоящие виллы. Мне, правду сказать, даже жутко бы жить было в них. Затем, уставшие, молодые, возбужденные, мы подошли к лодкам. Переезд через Неву на маленькой лодке показался немного жутким. Выйдя из лодки, мы ступили на шатающийся мостик, а нас и без того качало. На самом дне яхты копошился Рего. Загорелый, высокий, широкоплечий, он казался похожим на Урса из Quo Vadis. Много времени ушло на поднятие паруса, на выход из фарватера. С каким восторгом смотрела в широкое море, солнце палило, ветер был тихий и мы неслышно шли по воде, молча, говорить не хотелось. Хотя было уже 7 часов вечера, но голода не чувствовалось и было так отраднo, так радостно, я наслаждалась моей молодостью... У нас было несколько сухариков и плитка шоколаду, и мы позавтракали. Мы направились к Лахте, потому что думать об обратном пути по воде нельзя было, потому что ветер совсем стих и приходилось прибегнуть к помощи весел. Я беспокоилась, что мы слишком поздно будем дома. Мы приехали на Лахту и почти бегом пустились на станцию, но, поровнялись с поездом, который на всех парах мчался к Петрограду... мы замедлили ход. Мне было очень жаль, что мы не простились и не поблагодарили Рего. И я беспокоилась, что он поедет морем. Он вскоре появился, длинный, сияющий, с фунтом сладкого изюма. Когда прибыл поезд, толпа неистово бросилась к нему, толкаясь и крича. Мы с ужасом подумали, что может нам не удастся попасть. Кое-как Рая и я прицепились, затем поднялись на площадку, потом вскочили и оба Евгения. Дорогой мы болтали и смеялись. Нам пришлось от станции через Седобольскую идти пешком, это было не особенно-то приятно. Дома мама была, видимо, даже довольна, что мы хорошо провели время. Мне очень неприятно только что мама сказала: «Хоть бы ты влюбилась, что ли в Рего» - Ну вот еще, зачем?» - Мне показалось, что Евгений обиделся за товарища и пробормотал что-то вроде того: «Ну еще бы!» Не понимаю, почему мама так хочет, чтобы я влюбилась, мне все думается, что если я могу прожить без этого, то тем лучше.

Сентябрь. 10-ое. Воскресенье. Сегодня я была еще раз в гимназии Св. Питирима и дала свое согласие быть учительницей немецкого языка. О, логика! Кончить французские курсы для того! Но мое решение исполнило мое сердце радостью и покоем. Ах, мой отвратительный характер не меняется! Я сегодня ворчала, как говорит мама, за то, что мы напрасно проходили за покупками и я не успею писать дневника. Вечные заботы о себе!

7-го сент. У меня было мрачное настроение под влиянием чтения Ницше. Мне казалось, что жизнь это – великая тайна, разрешить которую мы не в состоянии. Все и все ошибаются. Зачем? Для чего? Будем мы подавлять свои желанья. Быть добродетельными? Почему будем мы ходить в церковь? Такие святотатственные мысли мелькали в моей голове. Жизнь это тайна, а, может, за могилой нет ничего кроме мрака. Везде, везде мрак!

6-го сент. Мы были в кинематографе. Программа мне очень понравилась. Артистка была замечательная, изящна, интересна, хороша. Мне захотелось быть интересной, привлекательной, чтобы всем приятно было смотреть на меня, мне хотелось и в «моем» приюте, чтобы девочки были одеты грациозно. Мы были утром в городе, отвезли мамино дело. Подавляющее впечатление произвела на меня служебная обстановка. Масса столов,

бумага, барышень, и 6 часов работы, вся молодая жизнь в этом! Мне кажется это невозможным. Нужно заметить, что я волнуюсь, хлопочу, мечусь в себе, сержусь, мечтаю, желаю чего-то лучшего, я взбунтовавшаяся рабыня; напрасно возмущаться, ведь я уже и сама понимаю, что я труженица, как многие другие, нужно это понять. Ах, семье вернуть мне мою теплую веру!

25-ое сентября. Я поступила классной дамой в гимназию Лагевницкой. Первое впечатление не было в пользу гимназии. Девочки распушенны, за исключением I класса, эти славные. Я сняла пальто в маленькой прихожей и прошла в учительскую, там я сняла шляпу, поправилась перед зеркалом. В коридоре я встретила начальницу, она приняла меня за свою ученицу. Потом по коридору мы прошли в I класс – дети встали, как только мы вошли. «Вот ваша классная наставница Нина Васильевна!» Как дики эти слова для моего уха, но теперь я уже свыкаюсь с мыслью, что я взрослая, жаль что прошло детство и юностью. Сразу же из этой гимназии я побежала в другую на урок немецкого языка. Я встретила при входе учительницу фр. яз. Ольгу Федоровну, мы пошли с ней через черный ход. Звонок уже был. Урок прошел незаметно, мы кончили учить азбуку, и я с большим интересом проверила их знания. Дети слушают внимательно, они такие милые! По морозному свежему воздуху я добежала до Лагевницкой. Следующий час я спрашивала басню «Ворона и Лисица» и вспоминала институтские дежурства. В 12 час. большая перемена пошла в зал играть, но бегать нельзя, потому что пол может провалиться - и мы в VII классе! Пришла учительница русского языка и сменила идти попить чай. Чай был жидкий, там (в учительской) сидели две учительницы. Они узнали, что я учительница в гимназии Питирима, и одна из них сказала, что там только «святостостью и живут» и «я не люблю духовных лиц». Я смеялась, и это глупо, потому что я люблю и уважаю «мою» гимназию! Как трудно понять, а еще труднее объяснить, что значит Бог, религия, дух души, смысл жизни! После большой перемены я записывала фамилии в журнале, и вдруг у меня сделалась как-то невыразимо отрадно на душе, я почувствовала Бога, такая теплая вера в Него охватила меня, я поверила, что Бог мне поможет хорошо устроиться. Потом я помолилась с III кл. и отпустила их домой и сама отправилась. Опять у меня сделалось такое настроение, что ни к чему чему-либо учиться или учить даже больше пользы от службы, все не то...

Евгений Влад. сегодня сообщил, что 8 цеппелинов направили на Петроград, мне не страшно!

Как-то я очень была раздражена, началось это с того, что вечером я захотела писать на машине, мама не позволила, а заставила меня вязать. Даже дома я не могу в свободное время делать, что хочу! Нет, это ужасно! У меня такая кипела досада против мамы! Я стала умолять ее (дурачась), чтобы она разрешила мне, но мама не позволила и сразу же обиделась на меня; в доме воцарилась зловещее унылое настроение. Вечером у Раи усилились нервные проявления, которые извели меня до слез, и я сочла себя исчадием ада. Я не боялась конца и страшного суда, поделом мне.

9-го октября. Как грустно, что только я успела попасть в гимназию Лагевн., как уже у меня пропали перчатки, неужели так-таки и не удастся найти их! Это происшествие меня очень расстроило. Неужели уже я такая неряха! 1-го октября я съездила в институт, мне казалось, что это должно быть так интересно, вспоминался прошлый год. День был чудный, теплый, мне, конечно, жаль даже было уезжать и грустно было, что не удалось пойти в церковь. В институте были женщины-добровольцы, одна сидела с ружьем перед дверью. Я сразу же прошла к нам наверх, и там в нашей прихожей сняла пальто. Воспоминания разом нахлынули на меня, воспоминания об революционных днях, о том дне, когда я молилась о Наследнике, когда чуть теплились надежды... Mlle Fourcaud приняла меня приветливо, и мы незаметно проговорили целый час. Я, конечно,

стеснялась, но в общем было очень хорошо. Mlle Fourcaud сообщила, что часть института уехала в Харьков, что, может, будут на курсах живущие. Я спустилась, решив пойти к начальнице, но дверь была плотно заперта, я вошла в залу. Каким ужасным мертвящим холодом повеяло от меня лицо Frau Kenner. Пришлось объясняться по-немецки, я узнала, что Мария Николаевна с институтом в Харькове. Frau K. посоветовала мне не писать на конверте институт. У нас в институте воспитанницы других институтов. Я увидела одну кончившую в прошлом году и объяснялась с нею двумя словами. От всех находящихся в зале веяло склепным духом: холод, холод, точно люди закрыли сердца свои в брони и говорят сквозь зубы с недоверием. Ах, ведь это так и есть в жизни. Страшно подумать, что можно сделаться такою, особенно при моей застенчивости. Когда я вышла из здания Института, я почувствовала, что мне ничуть не жаль его, что я свободна теперь! Да, я зашла в наш класс и там устремила взор свой на нашу икону. Ах, мне только и дорог институт тем, что там я научилась молиться, только эти минуты восторгов, умиления, сосредоточенности, созерцания останутся в моей памяти. Вечером мы с Зинаидой Викторовной пошли в театр на «Блуждающие огни». После этой пьесы у меня осталось впечатление, что не стоит отдавать много места любви и что я – не создана для нее, потому что не могу понять все ее блаженство. 3-го октября мы были на опере «Дубровский» в Зимнем театре, были в ложе у Калерии Владимировны, она была очень ласкова с нами. Щеголева пела Маму, голос у нее чудный, кроме того, она хорошенькая, изящная, стройная, пластичная. Дубровский – Рождественский, он очень хорошо играет и обладает хорошим тенором, но наружность его вызывала мой смех.

Как-то на второй урок чтения пришла Зинаида Павловна (завед. гимназией) в сопровождении невысокого господина, напоминающего нашего последнего почетного опекуна. Поздоровались. Кровь прилила у меня к лицу. Нужно было продолжать, мысль, что я не готовилась быть учительницей нем. яз. Сразу придала мне бодрости, и урок сошел незаметно, после я узнала, что это был министр департамента профессионального воспитания.

Я чувствую, что преподаю неинтересно, безыскусно, ах, не лежит к этому мое сердце, но это искупление, что делать, приходится заниматься не тем, что нравится. Вчера кончила (8-го окт.) мою пьесу. Идея жизни, недовольна ею, не то, вяло, безжизненно. Не хочется писать дневник, зачем, о чем? Гапсаль эвакуирован, из Петрограда многие уезжают; а нам некуда – мы сидим. Да, однажды приехала Надежда Николаевна Глушкова и предложила мне службу в редакции «Петроградской газеты». На другой же день я поехала для переговоров. Вход – узкий в настоящее-то время! В помещении горит электричество целый день, вход прямо с улицы, в первом этаже. Я прошла в комнату к Вере Яковлевне Мушкиной (меня направили к ней). Она оказалась симпатичной особой, предупредила, что работы много, пишущая машина, записи, счета с 11 до 5. 150 рублей в месяц, кроме того, иногда придется заниматься и праздник. Были колебания, сомнения. Служба в редакции показалась мне интересной, но сообщение от Владимирской улицы ужасно, занята очень много, даже и на Рождество может придется вздохнуть только 2 дня, маме неудобно, я ей все же помогаю немного. Кончено тем, что по телефону сообщили отказ. В этот же день я полетела в гимназию Лагевницкой и согласилась на место классной дамы. Решение наполнило мое сердце гордостью и восторгом, я радостно побежала домой, хоть раз в жизни без колебаний!

15 октября. Вчера я очень плохо себя чувствовала и когда дети стали вешаться на меня, я сказала: «Оставьте меня, я совсем нездорова». В этом вопле послышалось столько детского эгоизма, привычка жить только для себя. Вообще, мысль моя постоянно вертится вокруг моей особы, я упорно фантазирую о том, что будет со мной через 10 или 5 лет, и

всегда мечты мои говорят о моем тщеславии, представляю ли я себя богатой, бедной, знатной или безызвестной. Вот уже больше недели как со мной случилась пренеприятная история, дурно повлиявшая на мою психику. А именно: в прошлую субботу или четверг, хорошо не помню, пришла из гимназии Св. Питирима, сняла перчатки и, вместо того чтобы, как всегда, положить их в шкаф под шляпу, положила в карман пальто. Ухожу – перчаток нет как нет. Я не рискнула сказать маме сразу, а между тем чувствую, что будет еще труднее. Я была огорчена, раздосадована, оскорблена, сердита, возмущена, готова заплакать и вечером не могла даже молиться. Но я отличаюсь страшным упорством, я могу без конца надеяться и преследовать что-либо, хотя бы я и отчаивалась получить это.

Постараюсь аккуратнее относиться к моему дневнику, а то записывать, право, неинтересно, тем более, что главными событиями нашей жизни являются театр и кинематографии, но я не ропщу на это.

Вчера я пришла рано в гимназию на урок и слушала, как молились, на меня начинают находить, действительно ли нужно читать так много молитв, ведь не в многословии суть спасения, и мне почему-то показалось, что братство имени Св. Питирима это какое-то сектантство и что они все ошибаются и ходят как впотьмах. На этой неделе я очень много думала, и мне кажется, что нет ничего выше мысли для нее стоит жить.

22 октября. У меня утром опять возмущение на то, что никогда не удастся попадать в церковь и потому что Рая так медленно собиралась, когда во мне все кипело, только чтобы успеть на службу. За это время я решила, что самое главное для меня нужно выработать внимательное отношение к делу, к словам, к людям, только таким образом ничего не будешь зарабатывать. 18 октября ездили в город, я хотела купить себе словарь Larousse и поехать к дантистке, но не удалось. Были у Калерии Владимировны, у нее было очень хорошо, красиво, богато, как бедна наша обстановка в сравнении с ее. 19-го были по приглашению в театре на мелодраме «в сетях злодея», замечательно хорошо играла девочка Беляева (дочь суфлера Народного дома), я на нее только и смотрела, видно, она все сильно переживает. Я хотела передать Калерии Владимировне мое сочинение - драму «Мираж», но так и не решилась и, конечно, была этим очень недовольна и презирала себя за мою нерешительность. Вчера я узнала, что через неделю я лишусь места учительницы немецкого яз., потому что теперь необходимо высшее образование. Я, право, не очень этим огорчаюсь, я как-то верю, что Бог не оставит меня. У Лангевицкой подразнили меня уроками французского языка. Француженка несколько раз пропустила, а когда пришла, то сказала, что не может давать все уроки, отказывается отдавать их в мою пользу. Как я обрадовалась! Поговорила с Ольгой Ивановной, но она показалась недовольной, спросила, какие курсы я кончила. Я сказала «педагогические». Я подтвердила, чтобы ей доставить удовольствие, но она видимо не хотела взять меня. Вообще, она относится ко мне несимпатично, следит, чтобы я ни минуты не сидела в учительской, а раз увидев, сказала: «я не могу за вас все делать». Меня возмутила такая несправедливость. Ведь я даже давала урок во II классе, не только во I и III! Но опять мне кажется, что я не вполне права, потому что нельзя было оставить III кл. без присмотра. Мне думается, что когда замечание возмущает нас, то это потому, что мы отчасти в этом виноваты. Вчера, уходя из гимназии, я слышала, как Ольга Ивановна говорила француженке, что она уже нашла учительницу для VII, VI, V и IV класса. Мне было очень обидно, но я подумала, что нужно приготовиться ко всяким несправедливостям. Когда я читаю о житии святых, нет, вернее, о жизни самых обыкновенных честных людях, терпеливых и кротких, мне кажется, что точно искры вспыхивают в моей душе и что-то поднимает меня ввысь и наполняет сердце теплотой, задушевной думой. Мне очень неприятно, что я сразу не сказала о пропаже перчаток, ведь и скрывать тоже значит лгать и обманывать, и маму-то я уже не могу обманывать! Читала «Захудалый род князей Протазановых», начало романа спокойное, мне очень понравилось, а конец взволновал, там описывается об одном Червеве, человеке,

не признающем государства, но отличающимся, голубиной, чистой и доброй истинно-христианской душой. Как же можно не признавать государства?! Что истина, мы не знаем, вокруг нас тайна, нужно (иногда мне так кажется) уподобиться младенцем, верить и поступать как должно.

29-ое октября. Воскресенье. Сегодня встали поздно; в 11 часов только проснулись. Опять была минута какого-просветления, когда мне казалось, что у меня точно крылья вырастают на борьбу, на новую жизнь, полную самоотвержения и любви. В три часа пришлось идти на совещание по поводу галош и ботинок. Там, в квартире Стратилатова, были собравшиеся жильцы, я со всеми раскланялась. И уселась на диван. Я сказала, что нам нужны галоши – тете Саши и ботинки – мне, потом, когда я узнала, что на ботинки много желающих, то стала отказываться, однако Алексей Гаврилович стал упрашивать, и я согласилась. Так я просидела до 5 часов и даже писала протоколы на получение галош и ботинок. Я решила, что необходимо развивать внимательное отношение к людям, к вещам, к словам и поступкам, таким образом, будешь помнить лучше, что куда положили, с чем о ком поговорили, и будешь меньше затрачивать времени. Опять мне приходит на ум, что раз как я это воображаю, я до некоторой степени понимаю значение жизни, религии и понятия, требования и обязанности христианина, то я должна так поступать и кроме того внушать людям такое же отношение и учить их. Кому больше дано с того больше и потребуется. Слабость непростительна. Меня возмущает, что религия и жизнь составляет две разные вещи, когда они должны слиться воедино! А теперь живу огромною жизнью, окружающее не интересует меня. Политика расстраивает, все политики преследуют свои идеалы, цели и выгоды, забывая о родине. Личная жизнь почти не существует, я вся погружена в думу, отчего кажусь грустной и мне это неприятно. Завтра иду на последний урок в гимназию имени св. Пителима, эта новость была сообщена мне в понедельник. Оказывается, что теперь необходимо, чтобы учительница в младших классах была полноправная. Это не особенно меня огорчило. Вообще я надеюсь на помощь свыше. Мне хочется поскорее поступить на службу, это так должно быть интересно! На этой неделе выдерживали стойку за керосином в продолжении трех или четырех дней, ничего не достали, а, к счастью, удалось получить через Стратилатовых. Очереди на меня действуют отчасти умиротворяюще. Приятно как-то делить с другими эту участь. Вообще, я люблю смешиваться в толпе с бедными тружениками, мне приятно сознавать, что я близка к ним, что я получаю всего 50 рублей в месяц: я бы не могла, кажется, спокойно спать, если бы я была обеспечена и не принуждена трудиться. Вот какая я нескладная: я не могу жить, не отказывая себе, то в том, то в другом – это мое удовольствие.

5 ноября 1917 года. На этой неделе 1-го пришла новая француженка от Пителима, мне как-то неприятно было с ней видаться. История с перчатками окончилась вчера, я утром рассказала всю правду. У нас пропали еще 2 пары перчаток у 2 учительниц и 2 груши из шкапа. После этого улики были все против учительницы рисования, у которой есть башмачная мастерская, и ей дали расчет под предлогом, что приезжает старая учительница. Она ушла, а я дала ей в починку мои ботинки. Вот вчера я сказала, что пойду отнести другие ботинки. Мама удивилась, потому что знала, что учительница учит и у Лагевницкой. Пришлось все открыть, мама была очень огорчена, но все же меня не бранила. Теперь только я вижу, что перчатки для меня хороший урок, я теперь больше слежу за собой. 1-но ноября я взяла книгу в библиотеке, прихожу домой, а Рая мне и говорит: мы будем читать эту книгу вместе, я по невоздержанности говорю «А я совсем не для вас принесла эту книгу»! Рая очень обиделась. Когда роковые слова были произнесены, я подумала, что это я так грубо сказала. Сколько эгоизма! На другой же день я решила принести еще книгу. Весь вечер у меня было тяжелое чувство. Рая плакала, говорила, что не нуждается в моих подачках. Я не знаю, что это за отвратительная черта,

поссорились, я могу в скором же времени начать смеяться самым сердечным образом над собой и над другим человеком, и сама не знаю, над чем. Теперь еще я вспоминаю эту историю как кошмар, так мне стыдно за себя.

Сегодня были в церкви, я уже и не рассчитывала, что мы попадем. Мы пришли на молебен, который глубоко умилил меня, надежда на спасение России вновь воскресла во мне. О, как еще живет во мне любовь к родине! Настроение мое довольно смутно, не знаю, что истина, путаюсь. Христианская религия кажется мне религией суровой, строгой «Не мир несу, но меч», слышатся мне слова Евангелия, и я содрогаюсь, мне чудится (это наверное греховная мысль), что революционеры, действительно, поняли христианскую религию, тогда в душе моей восстает протест против веры отцов моих.

Пока что хлеб нам давали $\frac{1}{2}$ ф. в день, с завтрашнего дня будут давать по $\frac{3}{4}$ ф. на 2 дня. Что делать бедным людям, ведь теперь человечество так жалко, так ничтожно, я чувствую как слаб в нас дух Божий и как силен животный инстинкт голода. Когда я ем до сыта, то всегда вспоминаю, что есть люди, которые питаются, может, одним хлебом, и мне делается страшно, что мы живем только для себя.

12-ое ноября. Сегодня читала «Условия развития христианского характера» Кинга. Говорится, что большое значение имеет внимание, тоже, что говорила и я. При помощи его вырабатывается самообладание. По-моему, самообладание действительно необходимая добродетель для истинного христианина и человека. Сегодня вот сердилась, что Рая медленно отвечала французский и задерживала меня писать дневник! Сегодня ходила с мамой, отдавать список избирателей в Учредительное Собрание. Очередь была очень маленькая. Подавали голоса в Управе (чудная барская дача). Поставлены были на столах черные ширмы и за ними мы заклеивали в конверты наши листок. Мы подали за партию развития народа. Как это ужасно, что так долго нет Учредительного Собрания, мне кажется иногда, что ничто в России не установится. Выпало много снега, весь сад стоит как заколдован, телефонные и телеграфные нити все белые.

Вчера мы выходили вечером в сад любоваться природой. Из-за этих большевиков мы уже, пожалуй, месяц как ко всенощной не ходим. Читала я Писарева. Да, мне кажется, что преступно быть классной дамой, потому что я не могу всецело отдать детям и привить им что-нибудь хорошее. Нужно выбрать дело, которому бы я могла всецело отдать. А где это дело? Обыкновенная служба – это так, способ добывать деньги, а дело это – или писательство или же воспитание детей, потому что к физическому труду на заводе или фабрике я не чувствую призванья. Для воспитания детей и слишком эгоистична, я не могу им отдать безраздельно всю мою жизнь, а это необходимо, я еще хочу жить для себя и, сознаюсь, опять мечтаю порой о любви. Да, я имела глупость вырабатывать в себе способность голодать, питаюсь как можно меньшим количеством хлеба, я думала, что этим я сделаю себя духовнее, но все это не то. Трудно начинать с этого, нужно прежде на чем другом сдерживать себя, а голод, пожалуй, только еще ослабит мой организм и, пожалуй, сделает еще раздражительной. Вообще, я замечаю, что во мне воплотились некоторым образом недостатки моих родственников. Мое сочинение «Тайна» раздражает меня своей напыщенностью и слишком большой умственностью.

21-го ноября 1917 года. Самое достопримечательное событие прошлой недели – это то, что мама и я были в Михайловском театре на «Le flibustier». После долгого затворничества мы рискнули высунуть нос на свет. Был морозный, ясный день, я выходила из гимназии и по обыкновению бежала, думая, что неужели не удастся попасть во французский театр (утром я без особенного энтузиазма, что хочу ехать) вдруг я услышала, что кто-то зовет меня, я обернулась и увидела тетю Сашу, она сообщила мне, что взяла нам билеты в Михайловский, причем, конечно, добавила, что Рае вероятно вполне заменит театр Е.В. Я возмутилась, но немного сдержалась. В театр мы приехали за полчаса до начала. Театр произвел на меня впечатление какого-то пепелища, хотя он и не

горел, публика была *excessivement peu*. Конечно, я была недовольно, что в театре не снизошло на меня вдохновение писать. О, глупость! Первое «*Une nuit d'octobre*»^{*} мне не понравилось: слишком фантастично, бьет на эффект. Я заметила только *pour ma grande satisfaction que je prononce parfois aussi bien que Mlle Collin, qui joue maintenant les rôles des jeunes-premiers.*^{**} Вторая «*Flibustier*» par Jean Ridiepin мне очень понравилась, и артисты во II действии разыгрались, хотя, тем не менее, русский театр я ставлю несравненно выше. В театре мне мучила совесть, что я совсем почти забросила французский язык с Раей, совсем не говорю. В воскресенье 19-го были с мамой на «Василисе Мелентьевой». Я до сих пор краснею, вспоминая, что я рискнула сделать. Я окончила мое произведение «Тайна» (с каким бы наслаждением я осмеяла его в какой-нибудь эпиграмме!). Итак, я захватила этот ужас, перед последним действием я решила привести в порядок мою пьесу и стала закалывать шпилькой, силясь соединить листы - вышло одно безобразие, так неаккуратно! Какой стыд! Прибежали по окончании драмы за кулисы к Калерии Владимировне, она заметила мою тетрадь спросила, что это, я, словно оправдываясь, сказала, что написала эту пьесу от нечего делать на машинке, она сразу же взяла ее, сказав: «Интересно, я прочитаю». Тут же я пролепетала о том, что хочу заниматься драматическим искусством, Калерия Вл. ничего положительного не сказала. Правда, мне тогда вдруг захотелось учиться декламации, это все же интересно, приятное развлечение. Читала Владимира Соловьева, его душа все же до некоторой степени сродни моей. У меня в 9 лет было чувство «конца» или бездны, я понимаю его «конец уже близок, неожиданное сбудется скоро». Какое большое значение имеет для нас чтение, стихотворения В.С. так одухотворили меня. И, наоборот, Куприн его рассказы, сделали меня какой-то будничной.

1917 год, 26 ноября. Сажу дома, сильнейший насморк и хрипота, вот уже целая неделя, но, тем не менее, еще ни дня не пропустила в гимназии. Утром проснулась совсем без голоса и еле могла дышать. Опять сегодня выборы в Центральную городскую Думу, порядочно-таки надоело. В пятницу были на опере «Манон». Нет, драма жизненная и смотрится с большим интересом и большой пользой. Хотя я нахожу, что и красота имеет важное воспитательное значение, она возвышает душу. Нет, не бессмысленны красивые слова! В них заложена большая сила, Рудины тоже воспитывают общество, пробуждают его, заставляют жить полнее. Сегодня от меня взяли пишущую машинку, жаль, я так любила на ней писать. Власть уже давно как захвачена большевиками, а никто не пытается ее у них отнять. Все возмущаются, вот, например, в гимназии кричат, иронизируют, находят Керенского крайним идеалистом и мечтателем. А у меня все крайности: или я иронизирую мысленно над всеми без исключения или я равнодушно наблюдаю за борьбой партий над людской ненавистью, все заблуждаются и сами не знают, чего хотят. Большевики, социалисты, революционеры, монархисты, фанатики – все, по моему мнению безумцы, а кроме того, антихристы. Отчего у меня нет никаких установившихся политических идей. Читала Бальмонта «Литургия красоты» и написала на нее критику, вышло совсем неожиданно, очень хорошо, и сразу я преисполнилась надежд и хорошего самосознания. В гимназию не пошла. Нужно с пользой провести время, из за этого я уже возмущалась, что утром долго не имела возможности одеться и причесаться. Где мои добрые намерения?! Если так будет продолжаться, то, возможно, я уподоблюсь тете Саше. Были по приглашению Калерии Владимировны на «Склепе» Рошкова. Тоска безысходная русская тоска. Лучше всего мне понравилось заключение «Ты и могуча, ты и бессильная, Ты и убогая, ты и богатая, матушка Русь». Мне иногда думается, что истинно русских людей нет, они или смешались, или вымерли или потеряли свою самобытность, это не Россия, а так, Вавилон какой-то, в котором между другими народами встречаются жалкие остатки русского. Я опять начинаю мудрствовать лукаво

* «Ночь в октябре» (фр.)

** к своему глубокому удовлетворению, что я говорю иногда так же хорошо, как и мадемуазель Коллен, которая сейчас играет роль первых любовниц (фр.)

под влиянием Бальмонта, подумать только, что земля песчинка в общем мироздании, а мы – атомы, Творческая Сила несомненно существует, но Бог ли это, То с Существо исполненное Милосердия и Любви, к Которому прибегают за поддержкой такие одинокие, такие беспомощные, такие маленькие люди! Есть ли в самом деле Христианский Бог, может, это вымысел утомленных людей? Что эта вечность, мир, вселенная и вечно-движущаяся земля? Я чувствовала, что голова моя начинает вертеться. А теперь утром у меня было такое радостное, благодарное, религиозное чувство, мне казалось, что все человечество уже близко к концу своего утомительного пути, и сердце наполнялось покоем и верой.

30 ноября. Все еще не хожу в гимназию. Мне очень нравится, что я дома, так приятно, точно раннее детство возвратилось; я могу сидеть дома, причина уважительная есть, и, кроме того, я уже больше не в институте. Во вторник предполагался созыв Учредительного Собрания, но из этого ничего не вытанцовывалось, хотя по случаю предполагаемого торжества уроков и занятий не было. Рая ходила в гимназию, чтобы послушать чтение о значении Учр. Собр. Вечером, во время обеда, раздался энергичный стук в дверь по черному ходу, послышался мужской голос, позвали меня в кухню, я подумала, неужели насчет уроков или, может, деньги из гимназии прислали. Прихожу. Какой-то матрос или моряк: «Друг и приятель Саши Лизель» и протягивает мне письмо. Поистине я изумилась. Полгода прошло, как я ничего уже о ней не слыхала! Молодого человека провели в комнату к Евгению Влад. Пока мы кончали обедать. Саша рекомендовала мне познакомиться с Деньковским, что он умный и скромный мальчик, удобен для партии на лыжах и т.п. Разговор не особенно-то был оживлен, мне нужно сказать, мне мешал мой сильный насморк. Это было поистине неслыханное событие в нашей провинции. Я теперь недоверчива и подозрительна и сразу стала подумывать о том, чтобы означал этот посланец от Саши, не является ли он разведчиком и не задумывает ли он приехать повеселиться в Лесной, рассчитывая на наше гостеприимство.

Вчера был день знаменательный, я читала «Вопросы жизни» Пирогова. Эта статья расшевелила мой дремавший ум, ее полезно и необходимо читать и лучше при вступлении в жизнь. Я увидела, что я не умею думать, я философствую, люблю отвлеченности и быстрые выводы и мысли, которые мелькают как молнии в моем мозгу и заставляют меня порой считать себя умной. Какая же я умная, когда я не умею разбираться в моих желаниях и чувствах, когда я не знаю «себя». А отчего это происходит? От лени. Мне лень поразмыслить, пошевелить в мозгу мои поступки, слова и желания. Почему я поступила так, а не иначе. Я даю поверхностный ответ и успокаиваюсь на нем, не добираясь до основания. Немного подумав, я увидела, что в моем характере главный, пожалуй, недостаток это – лень, потом невниманье и пассивность или вялость. Я возмущалась – теперь этого не будет, если не успеваю достаточно сделать полезного за день, а между тем (*неразб.*) нужно что-нибудь достать из буфета, я буду пассивно сидеть. Я пришла (не знаю, насколько верно) к заключению, что от природы у меня есть доля хохляцкой лени флегматичный темперамент, но кроме того, ум мой деятелен, и рассудок склоняет меня к деятельности, однако, моя природа стремится к наименее деятельной деятельности, а следовательно, к умственным занятиям. С ленью нужно бороться, потому что она притупляет ум, чувство коверкает всего человека. Я чувствительна, но не активно-добра, меня расстраивает неудача близких, меня умиляют их радости, но я до сих пор ничего полезного не сделала, я расстраиваюсь, если обижу человека, но мало думаю об этом, опять лень, потому что я не стремлюсь подумать, взвесить слова, а поступаю безрассудно или поддаюсь влиянию раздражения или недовольства. Воля моя недостаточно развита, она подчинена моим удовольствиям, желаниям и капризам, хотя я не могу себя называть безвольной или бесхарактерной. В общем, мой духовный человек в зависимости от земного. Мой рассудок многое понимает, еще до Пирогова я видела разлад между жизнью и теми истинами, которыми мы должны следовать, но моя чувственная природа, стараясь

одержать верх над рассудком и духом, выдумывать всевозможные извинительные причины. «Все так живут, если не все, то многие, после пожалеешь, что не сумела насладиться жизнью, молодостью, пожалеешь, что не выдержала принесенной жертвы. Подумай только ты молода, недурна собой, довольна образованна, талантлива, быть может». И вот в таком состоянии борьбы духа с материей нахожусь, какое положение занимаю я? Я выжидаю. Конечно, самое лучшее, что можно сделать для доказательства слабости воли, не умения критически отнестись к своим желаниям и решиться, наконец, на какое-нибудь определенное дело. Мне не хочется, мне страшно (трусость) решиться на что-нибудь, я жду толчка, вдохновения, жду дела. Мне хочется какого-нибудь очень полезного дела. Классная дама – это вздор и абсурд. Служить в учреждении это только выгодно, потому что можно скопить денег, чтобы предпринять самостоятельное дело, но ведь бессовестно (Боже, какие слова) же смотреть на службу только как на денежный мешок, не интересуясь делом, не видя пользы от своей деятельности. Мы с Раей искренне возмущаемся, что на религию смотрят как на вещь, на платье, что религия является только прибежищем в тяжкие дни жизни, а в мирное – простой формальностью и привычкой, над которой не задумываются, но боятся расстаться. В то время как и религия и жизнь должны сливаться воедино, жизнь должна быть проникнута религией, жизнь для религии, а не религия для жизни. Хочется сказать это людям, а ведь не скажу, по трусости, что подумают, как посмотрят? Не скажу и потому что не люблю людей до самопожертвования, до самозабвения, потому что не верю сама безгранично, мощью и страстно тому, чему хочу учить людей. Взяла «Библейскую поэзию» Розанова. Вообще теперь у меня книжная жажда, читаю отчасти из тщеславия, отчасти из-за боязни прослыть необразованной, отчасти, в виду будущего ради тех, кого, быть может, мне придется учить, а главное, ради саморазвития из желания понять жизнь, мировые вопросы, смысл и цель бытия. К счастью, за эту неделю моя раздражительность убавилась. Однако не понимаю Раю, что за удовольствие держать рядом с собой на стуле блошливую собаку и обнимать ее? Подальше от четвероногих лучше, хотя я некоторых из них люблю.

4 декабря 1917 г. Всю ночь кашляла. Сажу дома. Получила письмо От Лагевницкой из гимназии, просит придти или прислать кого-нибудь за деньгами. «На службу не беспокойтесь приходить». Хорошо, что, значит, не верят, что я больна. Придется теперь до Рождества лодырничать! Вчера приходил «друг и приятель Саши Лизель». Играли в шахматы, разговаривали. Я знаю, что захоти я по-настоящему, я бы, конечно, сделалась и разговорчива и остроумна, я молчу по робости, по ненаходчивости иногда, иногда по лени, иногда по стеснительности, иногда по непривычке говорить, ведь и в домашнем-то кругу я часто продолжительно молчу. Какой холод веет от начальницы гимназии и пр. Какая убийственная рутина царит в гимназии, революционно и «свободо»-мыслящие настроенной О.И.Лагевницкой. Немудрено, что в образованном классе так мало развито самоуважение и самосознание, где же им было развиваться, когда только то и делают, что относятся без всякого уважения и доверия к детям и даже ко взрослым. Нет (конечно, много значит молодость), я люблю высказывать людям доверие, хотя, быть может, я и не верю им в душе, лучше я не буду оскорблять честного и, быть может, совесть заговорит и в другом человеке.

8 декабря 1917 г. Пишу, положив дневник на колени. Сегодня была все время недовольна, во-первых, утром сразу не могла идти мыться, во 2) не была в библиотеке, 3) пошла в гимназию и не застала учительницу, так что неизвестно, когда смогу получить ботинки, 4) пришел Александр Гаврилович, и я целый день ничего не делала. Вчера мне пришло в голову, что стремиться к наивысшей святости может и грешно, потому что это большая гордость, нужно бороться, только то и хорошо, что дается борьбою, нужно, чтобы как можно больше приходилось бороться. Я это сознаю, но еще легко поддаюсь

искушению и сержусь. Когда легко могла бы и воздержаться от этого. 6-го Мая с Е.В. были в театре на «Каширской старине».

13 декабря 1917 г. Читала до одурения «Душа» Сикорского. Сегодня была недовольна, что не удалось переменить книгу. Вообще, чувство недовольства мне стало привычным, хотя я и считаю, что лучше быть всегда в хорошем настроении, потому что это укрепляет человека. Также я огорчаюсь, если вижу малейшее недовольство или обиженность со стороны мамы и между тем часто вольно и невольно являюсь ее причиной. Я логически понимаю, что глупо раздражаться по пустякам, стыдно изводить Раю, и все же делаю это. Конечно, моя воля очень слаба. Пока мне удалось победить тоску, которая без смысла, без повода по вечерам сосет мое сердце и навеивает бессмысленные сожаления и т.п., а также безотчетный страх. Правда, я нахожу, что мне даже и не страшно, а кто-то нашептывает, что вот страшно, хотя я пожалуй и не боюсь даже никаких видений и не верю в возможность их появления. Под влиянием книги вера моя потускнела. Я страдаю от раздвоенности в нашей жизни и чувствую, что не смогу переменить этого. Вот ждем Рождество и думаем о веселье, а мне право все хочется, особенно уже танцевать, сердце как-то щемит, хотя веселье безгрешнее моего раздраженья. В воскресенье приходит Сема Деньковский, мы были молчаливы, говорили о желании устроить спектакль и мне правда этого хочется. Опять уже два дня сижу без воздуха, в церкви уже 3 недели как не была. Нужно укреплять волю! Хочу и добьюсь. Находят мысли о том, что неизвестно, кто у Бога выше праведник, который от природы был хорошим или грешник, который покался или даже не раскаянный, но признающий свое ничтожество.

23 декабря 1917 г. Суббота. Сегодня спокойное настроение, согласна жить, не возмущаясь, не изводясь. Вчера думала о положении женщины, начиная с Библии, везде подчинение, угнетенность. Мужчина по слабости грешен, женщина виновата в том, что его соблазнила, точно он ребенок? Чем женщина хуже мужчины, что за проклятие тяготе над нею? Я не могла смириться, все клокотало в груди моей. Страшно, что такое течение моих мыслей было вызвано тем, что я сделала оплошность и получила замечание от мамы. Конечно, я понимала заслуженность этого замечания и мамину обиду, что не могла удержаться и незаметно поплакала. Я была огорчена сознанием своей несообразительности, лени и т.п., а также тем, что мама унизила меня, что непедagogично так было говорить и мне было обидно за маму. 20-го были в театре на «Разрушении Помпеи». Спектакль был устроен в пользу недостаточных Райной гимназии, с нами был Семан Денак., мы были в ложе. Что значить свет! Тянемся за другими. В театре встретила моих бывших учеников Толю и Сережу, не могу обидно, что не поговорила с ними. В театре был американский аукцион, на котором разыгрывали 5 ф. муки, 3 ф. сахару, 2. рису, 3 ф. подсолнечного. Мы поставили рубля полтора и вовремя остановились. Аукцион происходил в антракте и так долго, что я ужасно устала. Пьеса мне понравилась, но смеялась я больше из приличия. Читала Писарева. Мыслящий пролетариат. Согласна с ним, что мы пассивны, самодовольны и трусливы, боимся глянуть правде прямо в глаза. Наши усыпители хотя и не особенно мне понравились, но и там есть доля правда именно та, что нам приятно слушать, когда нас хвалят, и мы боимся, чтобы кто не встряхнул нас. Во вторник была в театре франц., шло «Le passé», публики было немного, преобладающий элемент русские и поляки. Я получила от тети Саши абонемент, а мама не достала места и потому сидела только на I и последнем действии. Меня возмутили мужчины (фр.) отношением своим к женщине, хотя во многом они виноваты, потому что считают себя забавой для мужчин, которые большие нахалы, эгоисты, обуреваемые только инстинктами и жаждущие их удовлетворения. Как-никак, а у нас на Руси больше благообразия, несмотря на все наше варварство. Проглотила Сикорского «Психологические основы

воспитания». Вот и была права, сказав, что главный русский недостаток – это слабость воли, что и подтверждено психологией народов.

29 декабря 1917 г. Мороз 17°. Ходила гулять, приятно было пройтись. Несколько уже ночей как засыпая, я думаю, что, может, это последняя ночь и скоро будет конец. Вчера была меланхолия, ничего не хотелось делать, все обижало меня и расстраивало, я чуть не расплакалась. 24-го были в церкви у Питирима. Настроение не было религиозное, потому что я не могла опять всецело отдаться мыслям о Великом Празднике, об его значении. Утром была в очереди за молоком, пришлось стоять недолго. Молоко – 1 р. 30 к. бутылка, сливки 1 р. 75. Вечером немного пели, зажгли на елке старые огарки. Елку Е.В. принес из лесу, даже две. В первый день были у Берг., потом они пришли к маме, пришел и С. Деньковский, он немного попел, в общем, время провели мило. На второй день опять пришел С.Д., день прошел как-то незаметно, вечером пели, С.Д. и я дуэт «Осеннюю песнь» Мендельсона. Не знаю, как я могла петь при малознакомом человеке. На третий день пошли к Каролине Ивановне и Ольге Ивановне пешком с Сеней. Я была жива, бегала, смеялась, несмотря на мороз, который к счастью был меньше, чем все эти дни. Когда мы шли через поле, никого не было, и я подумала, что было бы очень скучно еслибы на свете было только 5 человек, но в этот же день и через несколько минут я испытывала и наслаждение, думая, что вот я одна, что нет необходимости ломать себя, бояться, шутить и т.п. У Каролины Ивановны все единодушно решили, что Сеня Д. похож на армянина. Пришли Аничка Остаржевская и ее подруга Юличка. Аня очень изменилась внешне. Мне жаль, что мы играли в карты, что за удовольствие, какие теперь молодые люди вялые, безжизненные. Мы возвращались домой в девять часов вечера. Шли лесом; мне не было страшно, было морозно, снег белый, хрустящий. Дома мы опять пели дуэт, но уже в одиннадцать часов ночи мы пошли спать, я конечно жалела, что так слабовольна и вечно недовольна или ищу предлогов для недовольства.

1918 г. 2-ое января. Я теперь страдаю боязнью темноты; все окна замерзли, и ночью без лампы не видно ни зги. Я задыхаюсь от темноты, вспоминаю слепых и с ужасом думаю, что долго, долго не рассветет. Я до того невоздержана, что кричу и капризничаю, а когда зажигают лампадку, я дрожу, чтобы она не потухла. 30-го встали поздно, в первом часу. Мы волновались, что не удастся пойти на бал, а телефониовать к Сене не хотелось. Хотя я считала, что мы может быть обмануты и что Сеня за нами не придет. Наконец Ев. Вл. поговорил. В ½ 8-го пришел Сеня, мы конечно еще не были готовы, хотя начали одеваться с 4 часов. Я была рассержена на Ев. Вл. Погода была чудесная, ясная и не очень морозная. Пришли мы рано. Сеня провел нас в свою комнату, их там живет по 3 человека, он нас познакомил со своим товарищем, очень некрасивым. Я была очень бледна и бела, но неинтересна. Туфли мне не очень-то были удобны, но я крепилась. Во всех комнатах были повешены картины из морской жизни доморожденных художников. Я призадумывалась при мысли об танцах. Наконец мы пошли в зал на концерт. Сеня скоро убежал. Я оглядела гардемарин и убедилась, что все они ужасно некрасивы. Из всех дам мы только одни были в белых перчатках, большинство было одето в темные платья. Начался концерт. Играли застольную песнь из балета «Фиалета», играла потом какая-то девочка на скрипке с аккомпанементом рояля. Говорил сценки какой-то гардемарин, играл целый оркестр балалаечников. Объявили о начале танцев, но так как трамваи не ходили, то оркестр приехать не мог, и танцы начали под рояль, играл студент. Я начала танцевать первый раз на настоящем балу. Бывали минуты, две, три, когда я оставалась одна и против воли боялась, что кто-нибудь подойдет меня пригласит, но так в целый вечер никто и не пригласил меня, хотя я этого и хотела. Конечно, я обиделась этим, подумала, может, нашли, что я плохо танцую. Почему же с Раей танцевали два или три посторонних? В вальсе так приходилось носиться, что я думала, сердце разорвется; жаль

очень, что не удалось танцевать мазурку. Потом пришли три музыканта, Сеня свел нас в столовую закусить. Столовая была во втором этаже, там стояло несколько столов на 8 человек, гардемарины сами хозяйничали и обносили всех чаем и бутербродами с колбасой, икрой, сыром. Сеня нас напоил чаем. Потом мы вернулись в зал танцевать. Была устроена липучая почта, но так как общество было молодежное, то почта была очень бедна письмами. Мы с Сеней переписывались даже стихами, но, конечно, самыми незначительными. Я начинала ощущать прелесть моих туфель, и только и оживала во время танца. У меня было довольно туманное настроение, я тосковала по какой таинственной стране, я задыхалась, мне все казалось, что мы точно сидим в клетке, свет такой неясный, бледный, все не то, не то. Ах, что же мне нужно? Пожалуй, я склонна думать, что мне пора влюбиться. Увы! Я с сожалением замечаю, что я уже больше не стремлюсь к деятельности, холод, мрак и продолжительное бездействие погрузили меня в апатии, я уже не стремлюсь приносить кому-либо пользу. Я такая дурная и так мечтаю о солнце, которое бы взошло в моем сердце! Мы не заметили, как на балу мы просидели 6 часов, гости расходились, и мы тоже решили идти. Сеня подарил нам на память об вечере маленькие якоря. Он все беспокоился, что нам было скучно. Мы пришли домой. Я была страшно уставшая и все время скользила, было темно. Мы легли спать в восьмом часу, я не очень была довольна моим первым балом, мне казалось, что стыдно то, что со мной никто не танцевал, так что чуть не расплакалась ночью. Мне было неприятно, что я пуста и тщеславна, когда бы мне нужно было быть серьезнее и скромнее, потому что все светские прелести не для меня. 31-го были на «Завоеванном счастье». В церковь не пошли, сидели дома, гадали. Не люблю Нового года. Не понимаю, с чем тут поздравлять? Так жутко за будущее, такая тупая покорность. 1-го проснулись поздно. Были на минуту в церкви. Потом в театре на «Женитьбе» Мне неприятно было смотреть на Калерию Владимировну в такой роли. Вечером пришел Сеня и мы танцевали, подняли страшную суматоху. Вчера день прошел безалаберно; проснулись около часу. Тоскливая жизнь теперь, хотя грешно роптать. Странно, я теперь забыла думать о конце света, не живу, а прозябаю.

27 января 1918 г. В моей душе происходит какой-то развал, все рушится, ломается и тут же закладывается первый камень нового здания. В понедельник был ясный солнечный день, я возвращалась из библиотеки, в руках у меня было «Оправданье добра» Вл. Соловьева, а в сердце восторг, доходящий до экстаза при мысли, что я буду читать эту книгу. И жизнь мне казалась такой прекрасной, что невольно с грустью думала я: «Зачем люди отравляют свое существование». К восторгу и благоговению перед произведением великого человека у меня примешивалось сожаление о тех, которым недоступно ознакомиться с подобными мыслями, и так захотелось мне дать возможность людям читать такие книги, открыть им доступ для возвышения их души, но с другой стороны, я подумала, что, может, неведущие счастливее нас, потому что с них меньше спросится. Вечером я была в кооперативе и тут же провела бесполезно времени, потому что послушала не только умные, но и назидательные разговоры. Говорили о Поссе, некоторые находили, что он губительно влияет на народ, одна дама, напротив, убеждала, что он хочет направить анархическое движение в его мерное русло. Говорили о необходимости для всех физического труда, потому что до сих пор физический труд презирали. Я говорила, что главное это не презирать людей, занимающихся физическим трудом. Но что не все имеют возможность заниматься им, а, с другой стороны, можно принести немалую пользу и умственным трудом. Перешли на разговор о раздражительности современников, о царящей злобе, но опять защитница Поссе нашла, что все же русские поразительно добродушны и что если люди с нами раздражительны, то это происходит по нашей же вине, потому что мы недостаточно умеем владеть и вызывать в них дурные чувства, но почему же другие люди не могут вызывать первые подобные в нас чувства. Она говорила, что главным образом нужно стремиться о наибольшем укреплении добрых отношений

между людьми, о развитии любви и благорасположении. Вчера мы с Раей вели богословско-философские разговоры, Рая особенно интересовалась вопросом о причине и цели сотворения мира, я не могла ей дать ответа. Вечером пришел Сеня Д., мы приятно провели время. Немного попели, поиграли на рояле, а он на мандолине. Я сидела и вышивала. Рая учила уроки. Е.В. играл, аккомпанировал на пианино, С.Д. играл на мандолине, на душе было тихо и мирно, как под вечерний благовест, и мне казалось, что это наша одна общая семья и они наши братья. Мне было приятно аккомпанировать на пианино «Дева Мария» и «Серенаду» Шуберта, а затем серенаду Леонковалло, мне было хорошо, и лучших развлечений я не желала. Во вторник мы поехали на «Demi-Monde»

* Дюма, но попали к Савельевым и остались у них до девяти часов.

31 января. Не обидно ли, что я ничего не могу писать, когда у меня столько свободного времени? Читаю Вл. Соловьева. Опять в голове хаос. Нужна разве вся эта цивилизация, в духе ли христианской религии наряды, различные удобства, утонченности в еде и питье? У меня теперь сознание, что существуют две добродетели, во-первых 1) теоретическая или рассудочная, при которой сердце человеческое нисколько не смягчается, а только путем рассудка он признает, что нужно помогать ближним и вести себя нравственно и во-вторых, нравственность практическая и сердечная, когда человек проникнут весь не только сознанием, но и чувством теплого искреннего убеждения в необходимости нравственной жизни, происходящей от искренней пламенной любви Бога как Источника Добра.

3-го февраля. Были в воскресенье в театре на Серафиме Лафайле. Мысли мои все вертели на вопросах религии, смысле существования и проч. Пьеса не тронула меня, потому что я смотрела, что все это заучено и фальшиво. В антракте [подошла] Маруся, ученица Калерии Влад. и сообщила, что меня приглашают играть роль Феклы и нужно явиться 4-го на репетицию. Зачем только ставить эту «Женитьбу»? Какой-то шарж! Выступать в такой неинтересной роли значит обрекать себя на подобные роли. Как-то я встретила на Невском просп. Олю Васильеву, я очень обрадовалась. Она пригласила меня на вечер в Малый зал Консерватории, где должен был состояться вечер, в котором выступит Оля в комической польке, потому что она учится у учителя Консерватории. Я сияла от удовольствия, возвращаясь домой. Путешествие наше было сложное. Я уже нисколько не думала о том, чтобы понравиться кому бы то ни было. На вечере было очень семейно и просто. Оля одна была нарядно одетая, были и другие институтки, но все они мне показались такими солидными и неинтересными. Мы приехали очень поздно, и мне было страшно обидно, что за такие деньги (3 р. за вход) мы только и видели, что комическую польку, причем Оля не танцевала и танца хулиганов, на который было противно смотреть, а публика смеялась. Бал не клеился, зал был действительно «малый», я немного потанцевала, но было неприятно, потому что слишком много зрителей. Трамваи кончались в 11 часов вечера, и мы были принуждены уехать, не увидав даже «русской» и не потанцевав как следует. Мы приехали в Лесной с последним трамваем, нас довезли только до Ланской, а оттуда пошли пешком. Пришлось идти впотьмах, потому что в скором времени потушили электричество, к счастью, я шла под руку с одной незнакомой дамой, которая шла на Старопарголовский. Было очень скучно. 14-го января мы были в коммерческом училище на вечере, с нами Е.В. не было. Танцевать мне совсем не пришлось, только с Раей, которую все же пригласили два или три кавалера. Мама говорит, что всему виной мой гордый и неприступный вид. Но все же мне было обидно, однако, придя домой я, как могла, сказала, что было весело. На другой день я поехала подавать прошение в Русское Страховое Общество. Была ужасная погода, ветер невероятный. Я

* «Полусвет» (фр.)

упала и выронила пакет, никто не мог помочь, и я не вытерпела, чтобы выругать мужчин, что совсем некрасиво и недостойно, да и несправедливо, точно обязаны помогать мне.

13-ое февраля. Эти несколько дней, начиная с прошлого вторника, я была близка к помешательству и еще не уверена, вполне исцелилась и теперь. Дело в том, что во вторник я прочитала отрывок из Апокалипсиса, где говорится, что после пришествия Антихриста 1000 лет будет царствовать мир и покой, а после того будет смерть вторая, а затем придет Иисус Христос, и настанет Царствие Божие. После чтения мне сделалось грустно, что конец не скоро, и показалось, что в Откровении совсем не говорится о кончине мира. Незаметно неверие, сухое и жесткое, проникло в мой ум и в мое сердце. Трудно выразить словами те мысли, которые роились в моей голове, силясь принять определенные формы. Без причины, без цели возник этот мир, нет в нем Творца Промыслителя Бога. На маленькой песчинке кишат земнородные, хлопочут, думают и стараются заглянуть вдаль. Жутко, пусто им на Земле, и вот они, чтобы утешить себя, чтобы придать смысл жизни, решили, что есть Бог, Бог Любви, не Милосердия, и начала выдвигать ему храмы и возносить молитвы и стремиться к самоусовершенствованию, а некоторые из них даже решили, что они постигли истину – в жизни же нужно руководствоваться только любовью к себе подобным, а в нравственности – жить сообразно природе. В воскресенье был утренний концерт в Райной гимназии, в 2 часа. Рая танцевала польку с зонтиком, ее вызывали на бис, она была очень изящна и напоминала Карсавину. Мелодекламация ее прошла очень хорошо, только, конечно, в некоторых местах видно было, что это еще неопытная артистка. Танцевала я порядочно, конечно, только с Евгением и Сеней, была очень весела и болтала всякий вздор, все время подбивая Сеню. Увы! Я слишком проста, светского у меня не больше как с ноготь! Сеня обещал привести нам трех гардемарин, мы купили для них билеты, а они не пришли! К счастью, Рая хотя была сердита на С. Главное, конечно, не то, что мы жалели этих типов, а обидно подобное отношение, и что С. даже не заплатил за них денег. Но самое чудное воспоминание этой недели это – встреча с «бедным незнакомцем». Я была в субботу в Казначействе. Вхожу со смутным предчувствием, что «он» будет. Только я встала в длинную очередь, как дверь открылась, и он вошел со своей матерью, и вот прямо он подошел ко мне, несмотря на то, что за мной стояла дама или даже две, у которых он спросил. Он получал пенсию по гражданскому ведомству. Возмутительно, что я смутилась и только ответила ему на вопрос, не и сказав ничего больше. Голос его звучал тихо и мягко, черные глаза ласково и точно, мне показалось, улыбаясь, глядели на меня. Домой я приехала в восторге и теперь продолжаю думать о нем. Неужели грех? Мне кажется, что я его люблю гораздо больше, чем он мне нравится. В субботу же была у Калерии Владимировны, ушла роль Арины П.

28-ое февраля 1918. Тяжело было мне засыпать вчера, я боялась сойти с ума. Неверие в новой ужасной форме восстает передо мной. Я верю в истинность слов Евангелия, в возможность и близость конца света, в Бога как Зиждителя Вселенной, но, тем не менее, я не верю в Бога Всемилоостивого, Всеблагого, Воплотившегося в Иисуса Христа и ничто, ничто не может меня переубедить. Чувства обманны, они не дают мне хладнокровно размышлять, их нельзя слушаться, а разум бессилен. И потом мне невероятно казалось, что я бессмертна, а, наоборот, отчетливо представляла, что я превращусь в ничто, исчезну совершенно. Тяжело. А выход один – поддержка и участие сильного духом любящего человека. Увы! И любовь мне противна! В воскресенье видела его, как он с матерью шел в церковь, и не могла проследовать за ним, потому что должна была идти на репетицию. Решила выработать волю и опять в безвыходном положении: человек или, по крайней мере, я не могу жить, не руководясь ничем (*так в тексте* – Д.Б.). Я хочу руководиться только общей пользой, необходимостью и нравственностью, иначе разумом, но если наш разум берет (*так в тексте* – Д.Б.), по словам Дарвина, что мне

кажется правдоподобным, произошел от разума нижних животных, то можно ли руководиться им? Вчера после долгого антракта, почти 3 месяцев были в кинематографе. Да, вспомнила, за это время я очень развилась, развернулась, столько раз пришлось ездить одной в город. Была из-за диплома в моем институте, прихожу туда в прихожей, грязь, и навстречу мне красногвардеец с винтовкой: «вам что нужно, барышня?» Канцелярию Смольного Ал. Инст.» - «А у вас пропуск есть? – Нет, я не знала, что он необходим. Вы не знаете, где находится канцелярия? – Нет, пройдите в справочное бюро». И под конвоем я прошла в бывшую дамскую учительскую, где сидели какие-то 3 девицы. От них я узнала, что канцелярия находится напротив и отправилась туда со стесненным сердцем при одной мысли, что ни за что, ни про что изгнали нас и осквернили наш девичий приют. В канцелярии я узнала, что диплом у начальницы на Спасской, и направилась туда. Мне открыл двери внук Веры Викторовны, которая сразу вышла ко мне навстречу. Вид совершенно седой, согбенной исхудалой старушки болью кольнул меня в сердце. Вера В. Казалась совсем потерявшейся. Она, оказывается, занимала три комнаты, где помещалась вся ее мебель, на столе стоял чай, патока, небольшой кусок хлеба, все такое скудное. В.В. поцеловала меня. Диплома у нее не достала и принуждена была через несколько дней отправиться за поисками его в Екатерининский институт, где приютились изгнанницы. В тот день я избегалась основательно, потому что была в Сберегательной кассе, а затем в бюро трудовой помощи интеллигентам на Владимирской улице. Институт произвел на меня неприятное впечатление своей величавой мрачностью. Я натолкнулась на одну нашу классную даму и стала спрашивать о дипломе, но она направила меня к инспектору на Кавалергардскую улицу. В институте я увидела голубых папиньерок -они поместились в квартире начальницы. Они встретили меня приветливо, я со всеми расцеловалась, и непринужденно, чего раньше со мной никогда не было, начала им обо всем рассказывать, а они меня слушали. У них две комнаты, первая с большим круглым столом посередине класса. Когда я вошла за столом, сидела Валя Дронова и писала, оказалось, переписывала грамматику для Корню. Как все это далеко от меня! Следующая маленькая комната - их дортуар. По стенам висят гравюры, в углу стоит угольник, по стенам в ряд кровати. Институтки также неисправимы, им обязательно нужно, что-нибудь есть, жуют изюм, миндаль, пьют воду. Несмотря на плохое питание, вид у них у всех был цветущий, свежие, розовые! От них я прошла на Французскую набережную и записалась на работу, уроки, переводы, конторский труд. Хотело было записаться на физический труд, подошла, узнала, что предлагают колку дров, переноску вещей и расклеивание афиш. Сделалось как-то неприятно. В этот день я встретила на улицах очень часто дам в вымазанных краской пальто, с ведром в руках и другую с объявлениями, суетливо наклеивающими на стенах различные афиши, а про газетниц и говорить не стоит. С Французской набережной я прошествовала, веря, что это довольно близко, на Кавалергардскую. К счастью, квартиру инспектора скоро нашла. У него было другое настроение, более радужное и доброе, хорошее помещение в квартире родственника. Он был любезен и мил к моему удивлению. Мы поговорили с ним. Но толку не вышло, потому что и у него диплома не было. Всеми виной эти большевики, теперь нужно разыскивать диплом среди других бумаг, а если, в случае он утерян, то придется делать новый. Вот уже прошло больше 2 недель, а от инспектора никаких вестей, придется опять ехать к нему. Я теперь поступила на курсы шляп к Mme Theodore, вначале очень увлеклась, теперь идет третья неделя, и у меня охладевает пыл под влиянием рассуждений о суетности нарядов, шляп, о том, что этим я никому пользы не принесу, однако мысль, что этим я смогу поддерживать маму, ободряет меня. На курсах все больше жены рабочих.

5-ое марта. Мне необходимо развить смирение, иначе я ничего не достигну, а между тем как это неимоверно трудно. Я возмущаюсь тем, что люди заблуждаются, не понимают сущности христианства (как, например, тетя Саша), а сама такая же. Воспоминанье о Лагевницкой тоже вселяет в мою душу чувство брезгливого отвращения,

главным образом, потому что лицом она напоминает крысу и не умеет следить за чистотой в гимназии, а также внести что-нибудь новое свежее в преподавание. Неверие прошло, навсегда ли только. Но я не чувствую близости Бога, Его присутствия. Познала, что наука теперь сделала новые открытия и Дарвин ошибается, а, в сущности, наука ходит точно ощупью и доходит теперь до признания Бога и истинности и пригодности для жизни христианства, до чего раньше дошли верующие. Я чувствую, что люблю того несчастного. Прошное воскресенье я стояла около театра, когда он прошел с матерью в церковь. Я посмотрела на него, он почувствовал, и наши взгляды встретились, я, насколько могла, выразила мое чувство к нему, чтобы оно не было похоже ни на нахальство, ни на жалость. Стоит ли мне думать об этом? Хотя я люблю не его, а его душу, которая мне кажется такой хорошей, способной возвысить и мою. Я жажду дела, жажду приносить пользу каждую минуту и такую пользу, которая была бы не только удовлетворением моему тщеславию или разрядителем моей энергии, а пользой для ближних нуждающихся материально или для исправления моего характера, чтобы потом исправлять других.

16 марта. Чувствую большую физическую усталость и вместе нравственную. Нет! Положительно у меня нет сил быть истинно хорошей. Была сегодня в Министерстве Нар. Просвещ. В длинной зале было много просителей к попечителю Петроградского учебного округа. Я записалась 4-й и отправилась в детские колонии, записалась в Петергоф и Царское Село руководительницей в приют, в детский, или на детскую площадку. Дама, которая записывала меня, спросила, какие мои политические убеждения, я ответила, что никаких не имею. Это так, неужели стоит убивать друг друга ради формы правления? Меня записали беспартийной. Думаю, что у меня нет такой любви к людям, чтобы ради получения места сельской учительницы обращаться в совет солдатских и рабочих депутатов. Начала 13-го читать «Воскресенье», и, как всегда, мощное влияние Толстого пробудило во мне добрые чувства любви, снисхождения к людям, потому что я стала менее раздражительной. В жизни моей явилась цель – радовать, поддерживать и не возмущать окружающих. Мне кажется, что делать добрые дела, быть добродетельной, т.е. активно помогать бедным такое счастье, которое выпадает не всякому на долю, и о чем я даже не смею просить Бога. Во вторник был спектакль «Женитьба». С утра у нас в доме шли хлопоты. В ½ 4-го я прилетела в театр и узнала, что предполагаемый нами товарищеский обед расстроился из-за недостатка провизии, мне это было очень неприятно, потому что приходилось бежать домой обедать. В театр я прошла, когда уже все гримировались и были одеты. Я быстро оделась, а ждать грима пришлось довольно долго. Это была неприятная операция. Парикмахер, он же и гример, подколол мне волосы и затем начал уснащать мне лицо какой-то розовой палочкой. Затем сделал морщины, подвел глаза и брови, причем глазам было больно, и слезы выступили из них. Мой нос нашли слишком благородным, и пришлось наклеить новый. Особенно неприятно, что до моего лица касались грязные руки парикмахера. Перед выходом нас потянули сниматься. Через сцену мы пробежали в маленькую фотографию. Калерия Владимировна села на стул, Маруся и я примостились на коленях, Мила (сваха) и Лена (Дуняшка) встали сзади. Выдержка была длинная и у меня разболелась спина. Задолго до начала я уселась на сцене в кресло, можно сказать, что я почти не волновалась. Раздался третий звонок. Маруся хотела уже начинать, но Калерия Владимировна взволнованно просила ее обождать и, поспешно благословив и поцеловав нас, убежала. Сигнал был дан. Занавес поднялся. Не обошлось без небольшого незаметного приключения: у меня было такое длинное платье, что оно попало под ножку стола и вместо того чтобы носиться по комнате, мне пришлось вертеться у стола. После моего выхода к нам пришла Калерия Владимировна и хвалила меня, кроме того в уборную набежало много барышень-гимназисток, и все они расхваливали нас. Я была так наивна, что поверила словам одной из них, будто я создала тип «московской тетушки», теперь я вижу, что это была простая любезность. После

спектакля я спросила Калерию Владимировну мелодекламировать мне или нет, хотя в душе решила, что не стоит. Когда я пришла в ложу, я была в хорошем настроении, как после исполненной обязанности. По окончании дивертисмента решили устроить танцы, вытащили со сцены пианино за кулисы, раскрыли двери в фойе, и начался бал. Две барышни даже были в белых туфлях. Мне так симпатичны были все наши «артистки», что мне хотелось сказать хотя одной из них что-нибудь ласковое.

18-ое марта. Я все стремилась найти средство, чтобы излечиться от раздражения, и вижу, что наилучшее – это памятование о Боге, снисхождение к ближним и способность постоянно ставить себя на место другого и думать об его удобствах. Я чувствую, что в душе моей разлад, я играю на сцене и укоряю себя за это. Я знаю, что истина – в жизни по Христу, но чувствую себя слишком слабой, чтобы открыто объявить об этом, и нахожу различные поводы откладывать, на помощь мне являются сомненья, сомнения в существовании Бога, бессмертии души, в истинности Евангелия. Почему говорится, что Иисус Христос учил людей, а о чем не сказано? Я чувствую, что едва ли смогу ясно и точно заявить, что хочу жить новой жизнью. Мне кажется преступлением, нет, грехом, думать о пище и много есть, когда другие умирают с голоду. Где бы я могла быть полезна людям?

19 марта 1918 г. Я теперь мало-помалу научаюсь смирению. Учить никого не могу и не хочу, хотя и вижу, где истина, потому что сама живу не так, как нахожу это должным. Разве смею говорить я о любви, когда сама раздражаюсь, или о воздержании, когда сама почти постоянно думаю о пище телесной, а не духовной? Разве смею я осуждать кокеток или ищущих удовольствий, когда хотя в меньшей степени делаю то же. Теперь я вижу, что без Бога нельзя делать истинно добрых дел. Скучно, скучно, что у меня такой ужасный огромный аппетит. Я готова плакать, а, может, когда-нибудь посмеюсь над этим. Я все худею, несмотря на то, что много ем. Сегодня опять не воздержалась, стыдно вспомнить, я рассердилась на тетю Сашу за то, что она не догадалась помочь мне достать бумагу для хлеба, когда я торопилась. Даже не считаю вполне для себя возможным писать сочинение. Вчера были в театре без билетов, я сказала Калерии Владимировне, что маме не понравилось, как я играла. К.В. была с нами холодна. Ах, как ужасна наша жизнь, как мы изолгались! Эта фальшь мучит меня. Мы и христиане и не христиане, и, как должное, требуем от Него всяких милостей и, конечно, больше всего телесных. В голове у меня темно, а инстинкт влечет меня в лоно церкви или же только в формальную набожность. Опять искушение, думаю о том (*неразб.*) человеке... Когда мама упрекнула меня за «сегодняшнее», я почувствовала, что благодатные силы и надежды покидают меня, что я так умилилась в собственных глазах и мысль о чтении Евангелия казалась мне кощунством, именно: разве может такой раздражительный человек быть искренне религиозным, не есть ли это сентиментализм, рисовка, а не искреннее чувство? И мне было и стыдно, и больно.

29 марта. Сегодня решила, что главное это любовь, затем терпенье и внимание. Нельзя роптать, раздражаться, когда я так наделена Богом. Вчера я даже плакала. Неужели когда-нибудь я буду аккуратной? Потеряла катушку, иголку и наперсток, выронила коробочку из шуфты. Нужно было мне говорить об этом маме, когда она и без того была расстроена! После того я подумала, что нужно главное думать о других, близких, а не о себе, не о своих удовольствиях или даже делах, наше время не принадлежит нам, а тем, кто в нас нуждается (это я давно говорила). Пусть я буду малообразованна, начитана и проч. чепуха, но я постараюсь никого не раздражать, приносить пользу, и пусть никто не знает об этом, вот в этом хотя будет заключаться мое христианство. Во вторник отдала одной нищей кусок взятого мной в городе хлеба, как она обрадовалась, а я упрекнула себя в том, что я как бы отнимаю хлеб у матери. В то воскресенье была у Калерии Влад. в

театре, она сказала: «Вы, Ниночка, за последнее время очень похорошели, уж не влюблены ли Вы?» - Я засмеялась и ответила, что да. Сама не знаю, как это вышло. Чувство, которое охватило меня к нельзя назвать влюбленностью, а о «бедном» я и не думала. Я получила приглашение придти играть роль дамы в «Павле I», в субботу. Пока я сидела в уборной, пришел Петр Ильич и, подавая роль Калерии Владимировне, сказал: «Можно это дать Ниночке?» Сердце мое забилося восторгом, но я по излишней сдержанности ничем не проявила этого. К.В. прочитала и вручила мне, я поцеловала ее и поблагодарила. Роль Розы в «Гибель Содома» Зудерманна играть с настоящими артистами, говорить несколько слов! Я была так рада, только меня огорчило, то, что на вопрос К.В., сколько мне лет, я сказала, что скоро будет двадцать, почему бы не сказать, что девятнадцать?! Вечером рвалась в церковь, но не посмела, постеснялась и заикнуться об этом. Наше материальное положение очень тяжело. Е.В. лишился места в штабе, у меня – ничего, и мы висим на шее тети Саши, пошла бы в гувернантки, но жаль маму, боюсь, она будет очень расстраиваться, но не стоит напрасно тревожиться, все в воле Божьей. Имела глупость купить «Идеалы христианской жизни» Поселянина и «Проповедническую хрестоматию», последнюю, правда, в безумии обуревавшего неверия. Хочу продать одну книгу за 2 р., но удастся ли?

15 апреля. Прошрое воскресенье я участвовала в «Гибели Содома», играла с настоящими артистами словесную роль горничной. Я была не очень довольна собой, как и вообще, когда принуждена быть не самой собой, а разыгрывать роль любительницы сцены, поклонницы актрис, глядящей им в глаза, юной и наивной барышни. Я была в настроении мучительных сомнений о греховности театрального искусства о том, что оно (отделило?) свое время с одной стороны и чувством благоговения перед искусством с другой стороны. Я совсем не волновалась, потому что считала все это пустяком; взвился занавес, первые слова были мои. Один автор плохо знал свою роль и не подал мне реплики, но я не растерялась, а сказала свое и ушла. Петр Ильич все время одобрительно улыбался мне, а я мучилась сознанием, что все это не то и мы не имеем права развлекаться, потому что на это у нас нет времени. После спектакля П.И. благодарил меня, к большому удивлению, я нашла, что сказать, поблагодарила за доставленное мне удовольствие игры с настоящими актерами, что было действительно так, потому что когда я вышла на сцену, мне было приятно от сознания, что на меня смотрят и что со мной разговаривают настоящие актеры, которых, забыв или напутав роль, я могу подвести. Приятная новость – вернулся мой прошлогодний ученик, заплатил вперед 20 р. и взял три урока, в пятницу и субботу не был.

Воскресенье 12-ое мая, н.с. 28 апр. с.ст. Сегодня был чудный, хотя он начался грустно, потому что Рая отчаянно медленно одевалась, так что я чуть не расплакалась, думая, что мы опоздаем в церковь. Но больше этого со мной не будет, потому что ходить в церковь это большое счастье, и не всем доступно. После службы был крестный ход, я рискнула петь и были минуты, когда выходило недурно. Мне представлялось, что мы идем вместе с народом, шедшим за Спасителем, что Христос идет впереди, но мне не увидеть Его, хотя я чувствую Его присутствие, но и это было для меня счастьем. Вчера же был тяжелый день, мама отчаивалась, что мы не сможем найти работы и говорила ужасные слова. Да, самое главное, укрепить в жизни веру, потому что она может быть действительной поддержкой. Сегодня ходили в кинематограф. Я теперь чувствую, как развивается моя душа, неужели это самообман?! Меня озабочивает мысль, как осветить путь жизни людям, как осмыслить их жизнь? Я чувствую все больше и больше, что смысл нашего существования глубже, чем в еде, питье, службе и проч., какая-то мысль глубокая, бездонная мелькает в моем уме и силится выразиться в определенной форме.

Вот уже 14-ое мая. 20 тепла, от окна дует. Службы нет. Дядя Коля все обещает, и ничего не выходит. В одно из воскресений вскоре после Пасхи, Мария Григорьевна сказала, что нечего надеяться, мама впала в страшное отчаянье, говорила, что нужно убиться или повеситься. Впрочем, зачем писать такие вещи, которые заставляют меня испытывать чувство стыда и скорби. Теперь у нас есть украинские паспорта, но получить их было не так-то просто. Рая и я поехали на Лиговку. Погода была ужасная, шел дождь, еле-еле я тащилась. Там мы получили виды на выезд. Я была крайне удивлена, что они нас признали за украинок. Теперь только так я радуюсь этой возможности вырваться из Петрограда. Вчера сделано полшага вперед, совершенно случайно в «Энциклопедии семенного воспитания и обучения» я прочитала, что Гоголь любил с молодости бичевать пороки и отличался большой гордостью. Это мой недостаток – рано мне еще проповедовать, нужно сначала исправить себя. И вот ужас моего положения. Я хочу писать, но писать для блага людей, и не смею, пока не буду в силах, а в деле самоусовершенствования я мало или совсем не успеваю, я сознаю, что хорошо, как должно поступать, а делаю иначе, когда же смогу я протянуть руки помощи ближним, когда же смогу я осветить путь их. Были вчера в кинематографе, видели драму из жизни преступников. Невольно, глядя, как схватывали преступников, я подобно Толстому подумала, имеют ли люди право так поступать, не совершали они разве преступлений, и даже преступления по отношению к этим преступникам? Я чувствовала угрызения совести за то, что существуют подобные люди, у которых цель жизни – деньги, какой бы ценой их не доставать.

27 мая, стар. ст. Воскресенье. Время передвинули на два часа вперед, а церковь, оказывается, живет по старому времени, потому что мы сегодня первый раз в жизни пришли в церковь до начала обедни.

Июнь 8-ое (21). Пятница. Чувство неудовлетворенности преследует меня уже второй день, не знаю, за что взяться, что делать, а, между тем, дела много, потому что Рая и мама целый день хлопочут. Я думаю, что нужно шить, чинить, мыть, а это дела у меня нет! Писать ничего не хочется, хотелось бы молиться, славословить Бога в чудных поэмах, а нет таких слов и негде их взять; ищу Бога, жажду истины и не могу найти. А вокруг мрачно, мрачно, хотя я теперь скоро, а именно в понедельник, будет две недели как на службе в канцелярии Государственных театров или в так наз. подотделе г. театров. Служащие мне пока нравятся за исключением одной, которая стремится всех чему-нибудь учить, и я ее опасуюсь, как бы она не повредила мне по службе.

Н.Н.Брешко-Брешковский

Знакомство с Николаем

Николаевичем Брешко-Брешковским.

Как-то я ездила в город и зашла на службу к тете Саше, она пошла поговорить по телефону, я ждала ее возвращения, прошло несколько минут, я увидела по часам и убедилась, что оставаться нельзя, иначе могу опоздать к Николаю Николаевичу. Я нервно вскочила и полетела вниз, не предупредив тетю Сашу. Трамвая пришлось ждать, зато как рада была я, когда, наконец, вошла в квартиру Н.Н., меня встретила его жена Анна Эрнестовна, я назвала свою фамилия и добавила, что я дальняя родственница Н.Н. Когда я вошла в комнату, ко мне приветливо вошел навстречу полный мужчина, с характерным хохлатско-татарским лицом, одетый в офицерскую шинель. Я недолго посидела у него и, передав свои стихотворения, уехала, обещав привезти бумаги по «нашему делу». Через несколько времени я была

опять у своего «дяди», он принял меня у себя в кабинете и, все время торопясь, поправлял свои сочинения, свой «Кровавый развал», я спросила его мнение о моих стихах (1914, 1911, 1915 и 1916). Она нашел их «слабенькими», я не огорчилась и не удивилась, потому что была готова к этому. Когда я была у Брешко-Брешковского, он твердил, что его не любят большевики и он их, и вот теперь не так давно я звонила по телефону к нему и узнала, что он арестован. Я имела глупость спросить Анну Эрнестовну почему, конечно, она не ответила. И вот теперь ничего не знаю о нем.

Июня 9-е. У меня страстное желание развивать мой ум, мое сознание, и я с ужасом смотрю на несчастных страдальцев, бедных, голодных, лишенных всякой человеческой мысли. Ничем не в силах я помочь им, потому что сама иду в разрез с тем, что проповедаю. За это время было много. Помню то воскресенье, вот завтра уже три недели, когда приехала Мария Григорьевна рано утром с радостной вестью, что я приняла на службу и в среду должна уже явиться. Мама глубоко растрогалась, Рая возмущалась, что приходится всю жизнь быть кому-нибудь обязанной, а я была рада и видела в этом судьбу, хотя и не считала себя обязанной растянуться в лепешку. В среду и в четверг я ездила на службу, но только на какой-нибудь час, чтобы поговорить с Дмитриевским, и в четверг я пошла к тете Лизе. Сердце мое сжалось, увидев две худенькие детские лица, выглядывающие в окно на грязный двор без одного деревца. Тетю Лизу я не застала дома, но живущая с ней Мария Николаевна приняла меня как родную, накормила хлебом с маслом, дала две чашки кофею и положила большие куски сахара. Я была поражена такой добротой и на прощанье поцеловала ее, прося передать тете Лизе, что я поступила на службу. Для доброты, думала я, нужно жить, чтобы распространять ее вокруг себя, возрождать в себе, заражать любовью все окружающее. В понедельник я поехала уже окончательно на службу, в двенадцать часов. Дмитриевский провел меня на мою должность, где моей руководительницей оказалась симпатичная дама Лидия Николаевна Штейнман. Спокойно, ласково и толково она объяснила мне сущность моей работы, я старалась сосредоточить все мое внимание на ее объяснениях. Со службы я вышла около

5-го часа, довольная, спокойная и уверенная в себе. На другой день я познакомилась с Марией Яковлевной Шамберовой, славной барышней и, как мне показалось, подходящей, чтобы подружиться с ней, но пока на дружбу у меня похоже только с Лидией Николаевной, которая взяла меня под свое покровительство. В ней меня поразило то, что ее манера говорить, ее мимика, тон, голос, даже некоторые выражения совсем подобны Саши Лизель. Интересно проследить физиономику людей, изучить характеры по чертам лица.

У нас на службе открылась столовая, обед три рубля. На первый раз мне пришлось занять деньги у Лидии Николаевны. Обед мне понравился, очень сытно, чисто и просто, только нужно отдать продовольственную карточку, а это неудобно, хотя часть продуктов и оставляют, но очень уж немного. К обеду дается даже кусок хлеба почти 1/8 ф. В столовой я встретила Валью Шевченко, она поступила на службу в местное делопроизводство Александринского и Михайловского театра. Об этом я узнала еще до свиданья с ней, потому что через мою регистратуру прошла бумага об ее поступлении на службу.

10 июля (28 июня) с.г. Четверг. Сегодня узнали, что Рая приняла на службу в аптеку на Садовой улице. Я очень обрадовалась. Когда же я осилю себя! Опять чувствую вместе с физической и нравственную слабость, труднее всего бороться с голодом, отказывать себе в куске хлеба, чтобы отдать его нищему. Хочется приносить пользу людям, делать добро, истинное добро, а я только и думаю, что о еде или о книгах. Сегодня купила Lagousse, заплатила 15 р., купила карандаши на 1 р. 30 к., карболовое мыло 2 р. 75 коп. Во вторник были в театре «Дорога в ад». Вот дурашная комедия! Я была очень довольна, потому что Рая смеялась, чуть не до слез, мне смеяться не хотелось, я переживаю период резкого анализа. Окончила шляпу, недовольна, неаккуратно сделаны поля, я вечно торплюсь.

15 июля ст.ст. Вчера приезжала ко мне Мария Васильевна Шалберова, бывшая моя сослуживица. Утром я ездила к Савельевым. О, милые люди! Клавдия Сергеевна рекомендовала мне учительницу пения и вчера я познакомилась с ней. В двенадцать часов я была уже на месте, через десять минут пришла и учительница, Марина Михайловна. Сначала мы поговорили немного, я не была в разговорчивом настроении. Потом она села за пианино и стала пробовать мой голос. Я немного стеснялась, конечно, фальшивила, но потом взяла и несколько правильных нот, спела немного после и без аккомпанемента и даже услышала от учительницы слова одобрения, что меня крайне обрадовало. Она нашла, что у меня очень маленький, но приятный голос. После пробы мы сговорились насчет платы и дней. Решили заниматься по вторникам и пятницам по полчаса, плата 24 р. в месяц. До завтрака мы сидели чистили конопляные семена. От Савельевых, напутствуемая добрыми пожеланиями Клавдии Сергеевны, я направилась домой. Вечером у нас был Боря, я сначала очень была недовольна его приезду, но потом ничего, он оказался симпатичнее, чем обыкновенно. Мама пошла в театр на «Мученицу», и я пошла с ней. Мы сели сначала в третьем ряду, но потом перешли в шестой. После II-го действия я пошла домой и увидела на мостике Марию Васильевну, я не очень была рада видеть, немного жуткого чувства примешивалось во мне. Она приехала просить меня получить ее деньги за сверхурочные работы, потому что ей неприятно встречаться с Николаем Николаевичем. Дело в том, что Марию Васильевну уволили со службы за сделанный просчет в ведомостях и вообще за небрежное отношение к делу, конечно, отчасти способствовала этому и Любовь Николаевна, которая, не уставая, говорила Николаю Николаевичу и другим служащим о легкомыслии и небрежности Марии Васильевны. Но странно, в тот день, когда ее уволили и она плакала, а я утешала ее, у меня мелькнула мысль, что она отчасти принадлежит действительно к легкомысленным людям, которые все гораздо легче переносят, но все смотрят равнодушно, в конце-концов выпарапываются

из очень критических положений. Я боюсь повредить себе по службе, тем, что знакома с Марией Васильевой.

Сегодня мы с Раей порешили, что прежде, чем поверить, нужно поступать по христиански. Мы с ней замечтали о том времени, когда сможем к праздничному обеду пригласить каких-нибудь нищих, но я возразила, что так бы нужно было поступить и теперь, смело объявить маме нашу волю.

Да, я нахожу, что теперь так сильно и жутко ощущается голод и недоедание, потому, что мы живем только плотски, души наши созданы, умерли или уснули. Мне тоскливо было идти сегодня за дровами вместо церкви, я думала о том, что как бы ни заботился человек без Бога, он все равно ничего не поделает, а теперь мы живем, рассчитывая на собственные силы. Только мысль, что как бы эпитемия отчасти утешила меня.

Если б человек сознательно захотел пробудить свою душу, познать Господа, уразуметь христианскую нравственность, то он всегда бы мог достичь этого. Но именно я это теперь ясно сознаю, что я даже сама боюсь отдаться на служение Высшему, покончив раз навсегда с прошлой жизнью и прежними привязанностями. О, как бы я сразу сделалась сильна, потому что для меня бы открылась радость веры в Бога, я бы сумела полюбить людей, потому что любовь бы хлынула новой свежей струей в мою душу. А я сижу и жду пока Бог не придет и не возьмет мою душу из моей низкой плоти, которой я теперь привыкла угождать. Теперешняя жизнь – это только борьба с физической смертью и больше ничего. Какие-то жалкие существа, потерявшие облик человеческий, духовно мертвые, перегрызают друг другу горло, грабят, убивают, чтобы отогнать от себя смерть и ужасный призрак голода.

Сверхурочные работы. Впечатления от «Мученицы» и «Нового мира». Не может человек войти в Царствие Божие, если не родится (*неразб.*). В один какой-то день я просидела на службе до седьмого часа и взяла еще работу на дом, несмотря на то, что в этот день мы шли на бенефис Калерии Владимировны. Я приехала, пообедала и сразу полетела в театр. Я пришла, когда первое действие уже началось, декорация была замечательна, и сцена производила впечатление картины. Играл Рождественский, очень хорошо, голос его нежен, даже до сладости. После спектакля я принялась за работу и просидела до четырех часов утра вместе с мамой, какая я балованная! Мама меня подкармливала рисовыми лепешечками с маслом, но, тем не менее, я расстраивалась, потому что пришлось так долго сидеть и потратить столько материала (провизия, керосин).

Вскоре после «Мученицы» шел «Новый мир» тоже в том же духе, потом опять «Мученица», мама была вместе со мной, ей пьеса не очень понравилась, она нашла, что это уже устарело и чуждо нам. К сожалению, это так, но, тем не менее, там истинная сила, истинная жизнь и борьба. Вершина христианской нравственности говорит о ее Божественном происхождении. Мы отворачиваемся от христианства, потому что оно слишком высоко для нас, и, главное, потому что правда его колет нам глаза, потому что нам жаль отказаться от наших вкоренившихся привычек к чревоугодию, любви к развлечениям, от всей нашей полуязыческой, полуживотной жизни.

О, если бы только я сознательно захотела начать новую жизнь истинно-христианскую, я бы могла, но и я боюсь совлечь с себя ветхого человека на большое усилие, молитва, свершается рождение свыше, и не страшно и не стыдно открыто исповедывать учение Христа.

Урок пения. Александра Викторовна Берг. 17 июля 1918 года во вторник, к 6 часам вечера я уже приехала к Савельевым на урок пения. Учительницы еще не было, но зато была какая-то незнакомая дама, а потом пришла еще и Зинаида Петровна Воскресенская. Первый урок, таким образом, произошел при свидетелях. Мне он доставил большое наслаждение: впервые голос сам собой вылетал из груди и звенел долго-долго.

Следующий урок был в пятницу, после меня пели Римма Николаевна и Ольга Николаевна, после четырех лет перерыва; какая мировая идиллия в такое тяжелое время! Римма Николаевна стоит около пианино и поет «Berceuse» из «Jocelyn». Клавдия Сергеевна аккомпанирует. Ольга Николаевна сидит в стороне и перешивает платье. Я мелю кофе, сидя рядом с учительницей, которая строго следит за каждой нотой! Здоровое, нормальное семейство с прочно, раз навсегда заложенным фундаментом.

Теперь в театре, такие дорогие цены, что публики бывает мало даже на сенсационных представлениях. Вот интересный и важный эпизод, эту субботу по просьбе Калерии Владимировны мы были в театре на «Ольге Ранцевой», потому что должна была приехать заведующая Театральным Отделением Каменева, чтобы посмотреть Калерию Владимировну для сцены Народного Дома, потому что Калерия Владимировна в этом году закрывает театр. Мы получили четыре пропуска и, не зная кому предложить, я отправилась со слабой надеждой к Александре Викторовне Берг. Каково было мое удивление, когда она сразу согласилась и моментально собравшись пошла со мной. Она была очень рада пойти в театр. В театре мы разговорились, я спросила ее, играет ли она на рояле, она ответила, что не имеет времени и не хочет, а предпочитает читать. Я спросила, что она читает. Невольно дума моя вырвалась навстречу родственной думе, и я сказала, что читала «Два завета». Выразив предположение, что, может, действительно Иисус Христос не был обещанным иудеям мессией. Александра Викторовна сказала, что ничуть в этом не сомневается. Чистосердечно призналась я, что переживаю еще период сомнений. Александра Викторовна открыла мне свою чистую детскую думу. Я была допущена в преддверие ее «Святая Святых». Я узнала, что она даже две недели больна нервной горячкой из-за сомнений, как она постилась 2 недели, чтобы увидеть Спасителя, как ей даровано было это счастье. Иконка, мимо которой прошла тень Христа сама собой зажглась лампочка в Светлое Христово Воскресенье. Давно не встречала я такого человека, даже можно сказать, что в первый раз встретила я подобную родственную душу. Мы сошлись во взгляде, что мы на $\frac{3}{4}$ животные, больше язычники и даже всецело, что кому больше дано с такого больше и спросится. Когда на следующий день Ал. В. пришла, я чувствовала, что между нами произошло что-то великое, точно какая-то тайна и говорить о «кооперативах» не хотелось. Мы были точно влюбленные, может, я слишком увлекаюсь, но нет!

25 июля 1918 г. Сегодня, о малодушие! Я была так голодна, несмотря на то, что пообедала, что чуть не разрыдалась. О? ужас жизни! Мучает меня вопрос: для чего мы живем, в чем смысл нашей жизни и в чем смысл жизни всех прочих тварей. Я считаю теперь изучение природы, жизни, народов священной обязанностью человека и потому ставлю науку наравне с искусством. Но выше всех наук это изучение самого себя, своих способностей, своих свойств, чтоб суметь извлечь наилучшую пользу. Я теперь страшно утомляюсь, чувствую себя разбитой, возвращаясь со службы. Встретила в третий раз Лизу Ем., собираюсь ее повидать, может, так нужно. Жаль, что недостаточно внимательно прочитала Карлов (?). Я все задумываюсь над бездной между человеком-зверем и христианином первого века, например, апостолом Иоанном, это тайна и глубина. Ольга Ивановна живет у Калерии Владимировны Истоминой. У Калерии Владимировны в июне месяца уехала няня в деревню, и она просила меня найти ей бонну или няню. Поиски оказались тщетны и вот однажды, к великому нашему удивлению, пришли к нам Калерия Владимировна, и Петр Ильич разговорились и о бонне, а мама тут же предложила им пойти в Полюстрово, надеясь, что Ольга Ивановна согласится на ее предложение, находясь теперь в крайне бедственном положении. В этот же день вечером мы пошли вместе с Калерией Владимировной, она шла со мной под руку и учила роль «Мученицы». Вначале Ольга Ивановна совсем не соглашалась, но потом порешили, что она придет дать ответ через несколько дней. И в результате Ольга Ивановна поселилась у Калерии Владимировны с 19 июня стар. ст. Первое время было очень тяжело, Андрюша чуждался

ее, плакал, но через три дня привязался к ней и теперь ни на шаг не хочет отпускать ее от себя. Ольга Ивановна, хотя и жалуется на усталость, но все же привыкла уже к Калерии Владимировне, и П.И. и полюбила этих милых добрых людей.

29 июля. Воскресенье. Льет ливень. Я устала мыслить, я недовольна собой, своим сомнением, притязанием объяснить чудеса жизни, увлечением наукой. Конечно, это реакция. Вчера я читала Паульсена «Введение в философию» и так увлеклась, что не чувствовала потребности есть, несмотря на то, что не обедала на службе, а съела кусочек хлеба и бутерброд с сыром (подарок З.А. Ванаг, служащей из репертуарного отделения). Я была как в экстазе и, возвращаясь домой, с упоением глядя на нее, благодарила Бога за то, что имею возможность учиться, развиваться, понимать, постигать окружающее меня. Радости, доставляемые наукой, казались мне не неистощимыми, глубокими и прекрасными. Дома я была обрадована приездом тети Лизы, она поступила в богадельню. Слава Богу! Я записала две-три мысли и пошла в библиотеку. Когда я вернулась, тетя Лиза прочитала мои случайно забытые мысли и объявила меня философом. Да, я тоже чувствую и не только чувствую, а признаю, что это так и есть, после того как прочитала Паульсена, он открыл мне самое меня.

Теперь страшно темные ночи, просыпаясь, я погружаю взор свой в темноту, а потом в глубину души, ища ответа на мучающие меня вопросы, но мне жутко, и, едва только я чувствую, что что-то должно озарить меня, как в испуге закрываю очи моего духа. А только бы решиться... Да, я слишком горда, почему думаю я, что мне возможно понять мир!

Вопрос о Раиной свадьбе остается все нерешенным, она говорит, что он ей надоел, но на самом деле, мне кажется, она просто инстинктивно обороняется от замужества, в ней говорит девственная стыдливость.

5 августа 1918 г. Воскресенье. Я осталась дома с тетей Сашей, у меня флюс. Сегодня состояние немного лучше, но утром от малейшего пустяка готова была плакать и не хотела молиться. Я заметила (вещь самая обыкновенная), что переутомление и недомогание ослабляют нравственный подъем мысли о Боге, о самоусовершенствовании отходят, является желание жить по своей дурной воле. Потому вначале пути к Господу нельзя пренебрегать физическим состоянием, а я сплошь и рядом это проделываю, сознавая, что грешу; так, например, читаю в трамвае на солнце. Однако не для этого начала я писать дневник. Я хотела описать надвигающиеся важные события. Рая энергично готовится к свадьбе, имеет приданое, купили уже подвенечное платье, по случаю в Графском за 100 р. Меня озабочивает только Раино здоровье, ей необходимо это время усиленно питаться, чтобы поправиться, а иначе грешно выходить замуж. Как все это вышло так скоро и неожиданно?

12 сентября (30-ое августа 1918 г.). Четверг. Чувствую большую усталость, что весьма странно, потому что не была на службе, в очереди не стояла. Вчера на службе не была, потому что шел дождь, а я совершенно охрипла и немного кашляю. Во вторник была у нашего дирекционного старшего врача Бруннера, он нашел у меня трахиальный кашель, прописал капли, но главное - наговорил, что мне необходимо носить фуфайку, чтобы не простужаться, нашел меня страшно слабого организма, худого питания, малокровной, истощенной советовал переехать в город, а то «вы не протяните», повторил он, «до зимы», Мне ужасно жутко было слушать эти слова, хотя я не особенно дорожу своим здоровьем, я как-то читаю, что не умру, не оставлю маму без материальной, а главное, нравственной поддержки. Я даже не хочу молиться об укреплении моего здоровья, может, это и грех и малодушие, но я довольна, что при настоящих ужасах у

меня слабый организм. Мне вспоминается, как г. Ландезэн, брандмейстер всех пожарных петроградских частей, говорил еще летом в мае месяце, чтобы я убежала отсюда, потому что при моей хрупкой комплекции, как он сказал мне, при малейшей неосторожности грозит заболеть туберкулезом. Неужели же правда?

Но в сторону... У меня теперь такое нравственное утомление, кипит столько неразрешенных и столько неразрешимых вопросов. Облик Христа стал мне опять далеким, загадка жизни, смысл каждого дня неясен, опять не знаю, что делать. Читала послания апостольские о том, чтобы по мере разумения, сил и способности каждым словом и делом нашим служить Христу.

Да, я очень мучаюсь тем, что теперь находят на меня минуты, когда я не верю в то, что Иисус Христос есть Бог, ведь Он Сам сказал: «Веруйте в Бога и в меня веруйте!» Была в понедельник в Исаакиевском соборе. Темный величественный собор! С каким чувством подошла склониться перед Распятием Христа!

С Калерией Владимировной давно не видались.

Сентябрь. Целый день лил дождь. Сейчас играют в карты. У нас осталась ночевать Мария Григорьевна. Рая и Евгений Владимирович стоят в гостиной. Нужно к ним пойти, но я эгоистически хочу писать. Сегодня чувствовала большую слабость, днем спала немного. Есть хочется непрерывно, а между тем по сравнению с другими мы питаемся недурно. Я чувствую нравственную усталость. Хоть бы только не пуститься осуждать близких, теперь пока только этого нет за мной. Раина свадьба отложена на неделю. Я теперь тоже хочу выходить замуж. Смысл жизни затемнен для меня; дни проходят бесполезно, и не знаю, где цель, где польза. На службе эти два дня была в пятницу, совсем нечего было делать. Сегодня была расстроена. Я потеряла в сердце моего Бога. Но по-прежнему Иисус Христос, хотя и Непостижимый, кажется мне Великим, и я ищу ответа на все в Евангелии. Вчера были в церкви. Право, я в том уверена, если бы мы каждый день ходили в церковь, то я бы гораздо меньше да и все бы страдали от голода.

Пятница, 7-го сентября (20). Чудные три дня провела я дома. Как я за них благодарила Бога. В среду 5-го правда были у нас Мария Григорьевна и тетя Лиза, я, конечно, немного вздремнула днем. Утром я была нехорошей, я не могу, вернее, не хочу не быть эгоисткой. Я была недовольна, что мы слишком рано встали. Вчера тоже, но сегодня я встала радостной и много работала с большим увлечением. Теперь читаю «В лесах и на горах» Мельникова-Печерского, и мне хочется выйти замуж, мне кажется, что я способна к самой патриархальной жизни. Я получила освобождение на неделю (Бруннера); сказала об этом Любви Николаевне, она рассердилось, сказала, что как я поступила на службу, я все время получала освобождение. Минуту мне было неприятно, а потом я решила, что не стоит обращать внимание.

Тяжелое произошло недавно событие. Александр Гаврилович, наш домовый хозяин, утопился в озере за Поклонной горой. Об этом нам сказал наш домовый представитель. Причина смерти неизвестна, но она не одна, а их несколько. Тяжелые нынешние обстоятельства, захват его дома, голод, поведение его жены, кокетничающей без стеснения. Тетя Лиза, узнав о его смерти, плакала как по родному, особенно скорбит она об его погибшей душе. А мы теперь тоже являемся невольными самоубийцами, отравляя свой организм ужасной пищей.

Не смею еще верить, что тетя Саша уедет от нас, хотя она и сняла комнату здесь уже в Лесном и хотела сегодня же переехать. Самое ужасное, что меня оскорбляет до глубины души это забота тети Саши о моем здоровье, о том, что я была сыта, как будто мама не думает обо мне, когда она только и живет нами, а обо мне даже особенно заботиться. Жизнь научила меня, что ничего ужаснее не может быть деспотизма! С ним

мы сталкиваемся на каждом шагу! А commencer par ma tante, и, кроме того, целый штат благодетельниц в виде Марии Григорьевны и Раисы Александровны. Все воображают, что за свои «добрые дела» они имеют право вмешиваться в нашу жизнь, советовать нам, есть и пить у нас и стеснять нас своим присутствием. Потому мы наслаждаемся и отдыхаем, только «en quatre». Я тоже отдаю и себе справедливость, у меня широкая и глубокая натура, я вмещаю и недостатки, и достоинства моих родственников, я заметила, что у меня рядом с приниженностью перед типами в виде Любви Николаевны большая доля деспотизма перед людьми, любящими, особенно же перед Раей, с этими-то и решила я теперь бороться. Силы у меня есть, было бы только постоянно мое желание. Когда анализируешь свои чувства, то видишь, сколько сору лежит на дне души!

5-го утром мы были «en quatre». * Как было хорошо! Спекли лепешки! Но, к сожалению, уже в двенадцать часов приехала Мария Григорьевна.

7-го Женя сдал последний экзамен, он инженер путей сообщения. Слава Богу! Нелегко далась ему жизнь, с бою приходится ему получать «свое счастье». Я уже 2 недели как не езжу на урок пения. Савельевы не приезжали даже на Раины именины.

30 сентября 17 (Вера, Надежда, Любовь). Вечер. Мама сидит рядом со мной на диване, на столе стоит кухонная лампа, мы вдвоем. Вчера случилось великое событие. Рая вышла замуж. Сегодня они уехали на оперу «Хованщина», абонемент, подаренный Марией Григорьевной.

Счастливые дни. Благодарить за них Бога и вечно буду вспоминать их. За две недели до свадьбы, во вторник, я была простудившись, сильно кашляла и пошла на врачебный пункт. Бруннер дал мне освобождение на неделю и нашел у меня бронхит. Как раз в это время в канцелярии было много работы, так что Любовь Николаевна Масленникова, когда я ей сказала, что получила освобождение на неделю, рассердилась и тут же несправедливо заметила, что я два дня похожу на службу, а на неделю получаю освобождение. Меня, конечно, это обидело, но я решила, что за ожидающее меня блаженство можно выслушать и это. В понедельник уже на прошлой неделе я решила ехать, хотя чувствовала ужасное нежелание, так бы и осталась, но мама меня не удерживала (с моей стороны, это было глупостью) и я поехала. День был солнечный, чудный. Прихожу на службу в 11, оказывается, присутствие с десяти. Ничего, иду. Любовь Николаевна – в контроль уехала. Делать нечего. Мне посоветовали ехать домой. Дома у нас были хлопоты, мама и Рая должны были поехать в город, а тетя Саша приехать пораньше со службы. Я вылетела со службы и сразу понеслась к тете Саше узнать, не купила ли она какой-либо провизии. Там я увидела Анну Алексеевну, перемолвилась с ней несколькими словами. Тетя Саша принесла мне большой кусок пирога из черного теста с картофелем и капустой. Мне стоило большого труда, чтобы его тут же не съесть. Потом я сбегала на телефон поговорить с зубным врачом, затем побежала домой. Но не тут-то было, забежала на службу узнать, не приезжала ли Любовь Николаевна, узнала, что она пришла, и, тем не менее, выскочила и отправилась домой. Я приехала уже в третьем часу. Рая не завтракала, а съела несколько ломтиков хлеб. Я чувствовала себя голодной, так что схватила поставила котелок с капустой и картофелем и взяла воблу копченую. На другой день Любовь Николаевна заметила мне, «что это Вы вчера приехали да опять уехали» - «Это я с горя, что Вы не были». Конечно, не обошлось без упреков, но я мысленно была далеко. Вот как проходили эти счастливые дни. Просыпаясь, мы получили с Раей по морковке, потом пили кофе, я принималась за работу. С какой любовью шила! В час бывал завтрак селедки с тушеной капустой или с картофелем. А раз даже был

* Вчетвером (фр.)

настоящий обед! После завтрака ели яблоки, шоколад, орехи. Тихо и мирно проходили эти дни; в субботу приехала Мария Григорьевна. Приехала к завтраку и тетя Лиза страшно расстроенная. Но следующая неделя была полна трагедий у мамы с Раей выходили все неприятности. Рая много плакала, мама плакала еще больше, так, что тяжело было смотреть на ее заплаканное лицо. Рая все думала и говорила, что мама ее не любит, и не убеждалась никакими моими доводами. Но Бог сжалился над моей молитвой, у мамы с Раей не осталось недоверия. Боже, как велика мамина любовь к нам! В четверг мама зашла за мной на службу, и мы вместе пошли покупать свечи, фату и флер d'orange, все это мы достали у Гвоздева. Оттуда к зубному врачу. Мама осталась дожидаться в сквере, я живо слетела, конечно, упрекнула себя, потому что самого Лимберга не было, и меня приняла его мать. Вечером после обеда мы пошли в церковь. Следующий день мне представился длинным чудным днем свободы. Вышло все так. В церковь не пошли, а так хотелось. Пришла тетя Саша и сообщила, что в церкви было соборованье или елеосвящение всех желающих, стояли на коленях с зажженными свечами. Мы собрались и пошли. Пришли еще рано, простояли до самого конца. Как я была счастлива этим днем! Батюшка сказал хорошую проповедь в том, чтобы мы искали утешение не в еде и питье и услаждении ими, а в молитве и в прибежище к Богу. Я чувствовала себя точно окрыленной, вся душа моя стремилась навеки прилепиться к Богу. Днем немного поиграла на рояле, поубиралась, а потом почувствовала такую слабость, что легла и заснула как убитая, а Рая пошла на поиски молока. Вечер шили, ели шоколад. «Ведь сегодня девишник», говорила Рая. Женя был на той квартире, оклеивал комнату обоями. Немало пришлось ему над ней потрудиться, и я приложила немного своего труда. Каково же было наше разочарование, когда почти все отвалилось. Пришлось делать все заново, сварить крахмал и еще прикупить обой.

В субботу было много работы по канцелярии. Приехала, опоздавши, в назначенное место свидания с Раей, а именно в баню на Сердобольскую. Пришлось стоять в очереди. Рая привезла с собой орехов и яблоков. Народу была масса, мы много смеялись. Я старалась не быть эгоисткой и не раздражаться. Пробирались домой во мрак и боясь попасться на глаза Жене, спрятались за углом. Он пробежал мимо, мы быстро вбежали по нашей грязной темной лестнице. Сразу же пообедав, принялись за работу. Женю не впускали в комнаты. У меня волосы долго не высыхали, но, тем не менее, я закрутила их. Корзина была наполнена, закрыта и я торжественно села на нее в ожидании выкупа. Наконец после трехкратной просьбы Женя был впущен и стал просить корзину. Я получила плитку шоколаду и хорошенький платочек с орехами и двумя конфетами. Женя ушел. Мы просидели до 2 часов ночи. Я видела, что мама страшно утомлена и это меня расстраивало.

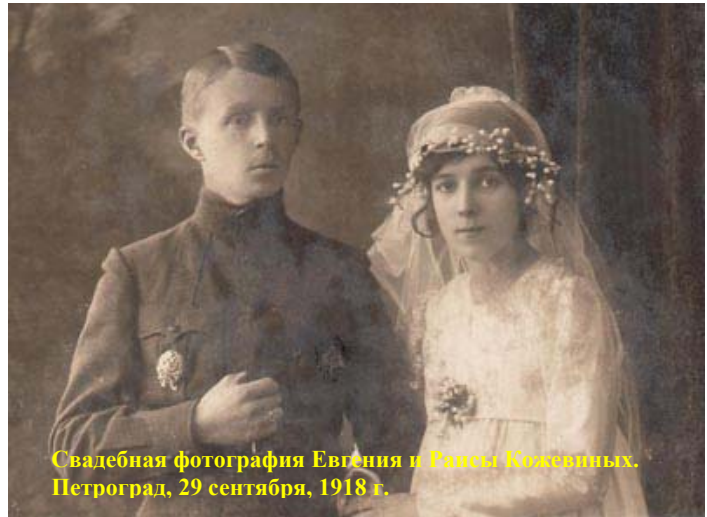
Воскресенье, 29 сентября. Я проснулась в восемь часов и имела глупость быть этим недовольной, что мало спали. Утро прошло незаметно. Рая все разгуливая в капоте. Я могла даже написать ей в альбом стихотворения и подарить псалтирь с подписанной на нем политвой (накануне я заходила в Казанский собор и купила ей маленький образ Казанской Божией Матери, которым и благословила ее). Рая еще одевалась, когда мы услышали Женин голос: «А, Коля, здравствуй, вот как хорошо, что ты приехал!» - Это шафер, тотчас решили мы. И я упрекнула Раю, что она целое утро промедлила и так поздно начала одеваться. Каково же было наше радостное изумление, когда мы узнали, что это Коля. Я писала ему, приглашая на свадьбу, но он отказался под предлогом, что ему нечего надеть и вдруг приехал так неожиданно! Вскоре за ним приехал и шафер. Молодые люди сидели на кухне. Наконец Рая оделась, мама сделала мне указания, как приколоть ей фату и венок. Она одела чепчик и пошла поглядеться в зеркало, несмотря на то, что волосы ее были спрятаны, она была действительно картинно-красива. За завтраком чувствовалась какая-то натяжка. Коля говорил мало. Он, как инструктор Красной армии, был командирован в Устюжину Новгородской губернии и собирался ехать в тот же день.

После легкого угощения чуть-чуть конины с луком и даже без крошки хлеба мы оделись и поехали. Перед отъездом мы все трое встали на колени перед иконой Спасителя и помолились на новую жизнь. Я не утерпела и взяла на дорогу крошечный кусочек хлеба, хотя во мне больше говорило чувство обиды, что мы завтракали без хлеба, чем боязнь проголодаться. Шафер взял свечи и коробку с Раиной фатой и туфлями, Колю все же уломали ехать с образом в качестве отца посаженного и шафера. Утром шел дождь, но когда мы вышли из дому, то погода разгулялась. В трамвае удалось съездить. Мы ехали с Раей молча, я старалась закрывать свое платье, пальто, чтобы не обратить внимание. В уме я подбирала рифмы к неоконченному стихотворению в напутствие Рае на новую жизнь, рифмы не приходили, мысли убегали, и это портило мое настроение. При пересадке с 20 на 13 я, наконец, закончила свое произведение и прочитала его Рае, написать я его не могла, а после писать не имело смысла.

Мы вышли из трамвая, пришлось перебираться через груды рельс. Шафер указывал нам дорогу. Мы скоро очутились около подъезда, увитого плющем и, поднявшись один марш, очутились около квартиры о. Павла. Нас встретила радушно Саша, матушка (Екатерина Дмитриевна). Мы извинились, что запоздали: «Что вы! Еще даже батюшка в церковь не ушел!» Вышел и сам отец Павел, полный седовласый старик. Мы вошли в темный кабинет. В правом углу около окна стоял угольник с образами, с зажженной лампадой. Около двери направо лежала масса книг – «Священное богослужение», висела икона Божией Матери, а под ней стояло кресло на колесах. Около стола стоял письменный стол, на котором лежала старая потрепанная Библия. В простенке между окнами стояло трюмо, налево по стенке стоял диван, в углу небольшой столик. В этой комнате нас встретил другой шафер, интересный молодой человек в пенсне. Мы поздоровались. Матушка выпроводила молодых людей в гостиную и весело сказала нам: «Располагайтесь как хотите!» Тут вертелся пресимпатичный фокс-терьер, я приласкала его. Матушка села на диван и взяла к себе песика. Я распустила волосы, потому что прическа моя окончательно развалилась. Рая спешно переодевала ботинки. Матушка принесла нам шпилек и булавок. Рая причесалась, и я торжественно стала ей накалывать фату. Когда она была готова, вошел батюшка, чтобы благословить ее, потому что мы сказали матушке, что у нас нет посаженного отца. Матушка затеплила лампаду перед иконой в угольнике. Батюшка поздоровался с нами. Подошел к угольнику, помолился. «Ну, подойдите», сказал он, беря икону. Рая подошла. «Преклонитесь». Рая встала на колени. Жаль, что я не могу зарисовать эту чудную картину. Игрушечная, миниатюрная Рая во всем белом и около же благословляющий ее седовласый священник. Рая встала с колен и поцеловала благословляющую руку о. Павла. «Ну, пойдемте», - сказал он. Вошли шафера, взяли свечи. «А где подножка?» Какая подножка, мы не знали, что ее нужно было. «Что же теперь делать?» Матушка попросила одного из шаферов пойти к дьякону и попросить его дать подножку. Но батюшка взглянул на это затруднение иначе. «Теперь где же подножки иметь, когда материю по ордерам выдают Можно и так. Я уже одних так без подножки венчал», - сказал он. Матушка принесла темный плед и накинула его Рае на плечи. «Не простудилась бы через двор-то идти, такая худенькая», - сказала она, заботливо оправляя фату. Рая поцеловала Екатерину Дмитриевну и поблагодарила ее. «Ну, Господь с тобой», - благословляя ее, сказала она. Мне было неприятно, что я не поцеловала матушку, хотя правда сказать, для себя нашла это неуместным.

Мы вышли на двор. Рая шла впереди всех и хотела повернуть налево, но шафер указал ей дорогу. «Бойкая барышня, - говорил батюшка, - впереди всех бежит». Когда мы шли в церковь, была чудная солнечная погода, небо чистое и лазурное, как летом. Мы шли по усаженной деревьями аллее, затем свернули налево, немного прошли и попали на узкий двор, в котором стояли несколько человек детей и одна женщина. Какая я чудачка, мне сделалось неприятно за Раю, что на нее смотрят. Нам пришлось идти через канцелярию, (неразб.) дверь, на которой было написано объявление. Я шла за Раей. В полутемной прихожей я сняла пальто, Коля повесил его, и мы начали подниматься. На

последней лестнице стоял молодой человек в пенсне, оказалось, что это Боря. Рая шла одна, я застряла прикалывать флер d'orange шаферам, каюсь, не бед удовольствия прикалывала я одному из них! (Увы, женат, как я потом узнала). С площадки около церкви смотрела на нас тетя Ньюша: «Борис, да подай же руку Рае», - сказала она. Боря спустился несколько ступенек, и Рая в сопровождении его вошла в церковь, но ее не встретили концертом, как я предполагала. Когда я вошла в

Свадебная фотография Евгения и Раисы Кожвиных.
Петроград, 29 сентября, 1918 г.

церковь, у меня было такое чувство, точно все знали, стоят чужие, потому что не было ни мамы, ни даже тети Саши. Я перецеловалась с тетей Ньюшей, Марией Григорьевной, Каролиной Ивановной и Ольгой Ивановной. Женю даже не узнала. «А со мной?» - спросил он. «С Вами после», - ответила я. Как мне чуждо и смешно звучит это «ваша», теперь, когда вот уже скоро месяц мы говорим друг другу «ты». Рая записывалась в какой-то книге. После она говорила мне, что, сознавала ясно, что без сожаленья, что в последний раз пишу свою фамилию. «Не правда ли, симпатичная у нас церковь?» - спросил Женя. «Да, церковь богатая», - ответила я. Мне не хотелось говорить в храме в такую минуту, когда хотелось пасть ниц и молиться всем своим существом, но, увы, во время венчанья, по низкой трусости показаться слишком религиозной, я мало молилась и даже говорила с тетей Ньюшей. Наконец батюшка вышел из алтаря, Рая подошла с другой стороны. «Ну, пойдёмте и мы поближе», - сказала тетя Ньюшка. Мы подошли так близко, что я стояла на одной линии с Раей. Мне виден был резкий профиль, черные пушистые ресницы, трепетная и худенькая беленькая шейка. Она стояла такая маленькая, хрупкая, как куколка, слегка согнувшись в своем простеньком детском шелковом белом платье. (Еще собираясь, я говорила Рае, что батюшке будет трудно сказать, венчается раба Божия Раиса, и он скажет «венчается младенец Раиса»). Женя держал себя спокойно и с достоинством. Мне сразу сделалось так как-то грустно и рыдания подошли к гору. «Ведь вся Раина жизнь решалась в ту минуту». Еще в пятницу, когда мы с мамой ездили в город, она говорила: «Жаль, что Раюшка так замуж выходит, жизни не выдавши и не изведав любви»). Потом мне хотелось все улыбаться. Я была так глупа, что несколько раз осведомлялась, когда будут петь «Исаия, ликуй». Обручение прошло скоро, началось венчанье. Я не проронила ни единого слова и с восторгом слушала Евангелие, вспоминались «Братья Карамазовы», а вместе с тем и все лучшие и возвышенные мысли. После чтения Евангелия принесли вино. Батюшка все шептал: «Делайте глотки побольше». Да во время обручения, обращаясь к Рае, спросил, добровольно ли ты выбираешь себе мужем раба сего Евгения?» И, предупреждая его ответ, сказал: «Ну, разумеется». Самое торжественное во время церемонии было когда принесли короны. «Господи Боже наш, славою и силою венчая тя». Когда ходили вокруг аналогия, они были серьезны. Тетя Ньюша между тем шепнула мне: «Ну, теперь Исаия ликуй, а для Раюшки больше не толкуй. Теперь скучно тебе будет». На мое выражение, что мы будем жить вместе, она ответила: «Все же, как ни говори, отрезанный ломоть». Я изумилась, что после венчания батюшка не сказал им поцеловаться. Он пошел на амвон, и они следом за ним, не под руку, а отдельно. И такими робкими детьми показались они мне в ту минуту. Я была очень довольна простоять молебен и послушать еще Евангелие, только положительно не помню, о чем читалось. По окончании молебна они встали на амвон под руку и все подходили поздравлять их. Я поцеловалась с обоими. Мне интересно было

видеть, что Боря и шафера целовали Рае руку. Потом все поздравили меня. Из церкви я шла одна, тетя Ньюша упрекала Борю, что они не подали не руки, так что под конец он согласился, но мне было совершенно все равно, идти ли с ним или с одной. Удивительно, какой шафер (неженатый) даже не нашелся ни о чем поговорить и не догадался подойти. В дверях при входе в квартиру батюшки я слышала, как тетя Ньюша говорила: «Неловко». И гости, кажется, готовы были дезертировать. Ольга Ивановна – та прямо из церкви пошла на трамвай, я хотя и видела это, но не могла ее остановить, а из молодых людей никто не вызывался, да было и поздно. Мы прошли в кабинет. Было уже шесть часов, седьмой и гости решились тотчас же ехать, но Женя энергично запротестовал, сказав, что без поздравленья нельзя. Принесли бутылки, бокалы, батюшка с матушкой, конечно, были приглашены. Шафера оказались очень неэнергичными, их все время подталкивали и напоминали об их обязанностях. Наконец все получили по бокалу и подняли их во здравие молодых «князя с княгиней», как их называла матушка, усадив на почетном месте на диване. Я почти залпом выпила больше половины, когда послышались голоса: «Горько, горько!». Женя начал что-то говорить о сахаре. Но его не слушали. А матушка сказала: «Экий вы какой, такую молоденькую да обняли бы ее, вот и все». Женя только поцеловал ей руку, сказав, что теперь по-новому. «Ну нет, мы новшества не принимаем!». Тогда Женя спросил Раю: «Ну как?» «Я ничего». Матушка рассмеялась: «Вот видите, она согласна». Все были удовлетворены. Молодежь опять была выпровождена из комнаты, и Рая живо переоделась. Шляпа была надета поверх фаты, что делало Раю похожей на красавицу – боярынь, вернее, по ее виду на боярышню. Тетя Ньюша к нам ехать не согласилась из-за позднего времени, зато батюшка охотно и собрался тотчас же. Матушка осталась дома со своей внучкой. Несмотря на Женино приглашение, шафера не поехали, а нырнули куда-то, постеснялись, чем меня огорчили, потому что я хотела, чтобы за обедом была у нас молодежь. В трамвае Рая и Женя по-прежнему говорили друг другу «вы». В трамвае я очень много говорила с Колей, он был совсем какой-то особенный, такой разговорчивый и откровенный. Рая и Женя вышли на Новой улице, а мы проехали дальше на Старопарголовский. Когда мы вышли из трамвая, я вспомнила, что икона для благословения была у Коли, и мы пустились бегом, через проходной двор, тут нас встретил Женя. Мы вошли. Нас встретила мама. На стол уже было накрыто (здесь я ясно всего не помню). Я чувствовала себя страшно голодной, так что съела две тарелки супу. Во время обеда я называла Раю княгиней, что очень сместило ее. Батюшка чувствовал себя как дома, после жаркого из конины Женя встал из-за стола и прошел в гостиную, откуда вернулся, неся на белом подносе фарфоровые стаканы с «шампанским». Две розочки из-под варенья были переданы князю с княгиней. Все встали, мама сказала несколько слов о том, чтобы выпить за здоровье жениха с невестой. Началось беспорядочное чоканье. (Да, я забыла написать, что еще у батюшки во время поздравления матушка сказала, что теперь очередь зам мной.) После вина принесли кофе с чудной ватрушкой из черного теста с яблоками. После обеда посидели за столом недолго, все встали и, благодаря за угощение, начали поспешно прощаться. Рая вошла в гостиную и начала носиться сельфидой с развивающейся фатой. Мама приглашала батюшку приехать с матушкой и с дочкой». Он улыбнулся: «Ну, девочку-то лучше дома оставить. А я приеду, как ни приехать к дочке». «Да вот как и породнились, - сказала мама, - это видно уже воля Божья». Борис тянул Колю ехать к ним. Коля оделся, но все еще как-то медлил в прихожей, мы его убеждали остаться. Все ушли, а он все стоял. Тогда Женя, решительно сунул ему в руки лампу, сказав: «Держи». Коля недоумевающее взглянул на него. «Ну, хорошо, я остаюсь, только зачем держать, ведь все ушли». И мы, смеясь, вернулись в гостиную. Коля сначала ходил взад и вперед, а потом уселся в углу на диван, а мы, решив вспомнить старину, начали кружиться под знакомый вальс мамы. «Вот как вышло, - сказал Коля, - у нас Борис раньше меня, а у вас Рая». «А мы остались старыми холостяками, - сказала я. – Просите разрешения у митрополита вам пожениться», - сказала мама. Коля промышчал только что-то в ответ. Вскоре мама с Женей пошли на ту квартиру приводить все в порядок, а я

прошла в кухню немного помочь тете Саше. Мне было неприятно, что ей целый день пришлось хлопотать, одно только утешительно мне было узнать от мамы, что они очень дружно работали. Затем мы повернулись с Раей, закрывшись ее фатой. Я предложила ей поиграть в четыре руки на рояле, но вышло очень мало толку, она все врала, потому что начинала волноваться. Тетя Саша с Колей сидели в столовой и пили чай. Приходил Женя, пока мы играли за цветами, потом за лампой. Я захотела идти с ним. «Пойду посмотреть на гнездышко моей птички». Но тетя Саша подумала, что Рая идет, и хотела тоже идти с ней. Я захватила горшок с цветком, Женя потушил лампу, и мы спустились в полнейший мрак по нашей черной лестнице. Женя побежал вперед, потому что боялся, как бы стекло не лопнуло в лампе. Я пошла следом за ним по грязи с большим трудом, но все же воздержавшись от воркотни. Когда я вошла в прихожую, я услышала голос мамы, звавшей меня в комнаты. Я прошла через коридорчик в их маленькую столовую. Налево от двери стоял стол, накрытый плюшевой салфеткой и весь заставленный коробочками с двумя вазами, полными фруктов. Женя раздобыл даже безе, которым угостил и меня. Мама была в пальто, в своем сером шарфе довольная и улыбающаяся. Из столовой мама провела меня в спальную, а Женя тем временем побежал домой за Раей, чтобы ввести ее в дом до того как потушат электричество. В спальне было великолепно, розовая занавесочка, розовый полусвет от лампочки, розовые кровати, обои цвета *fraise-écrasée*. Мама выдвинула ящики письменного стола, шкафчика, и везде оказалась толстая плитка шоколаду. «Да можно сказать сам свивал свое гнездо, - говорила мама с умилением. - Ведь нужно отдать справедливость - нелегко ему досталась Рая». — Я была довольно подобными словами, потому что вообще очень дорожу ценю женщин, а Раю особенно. Из спальни мы прошли в столовую на нашу половину. Там было пусто и свежо, за окном в большой комнате стояла полная масленка масла. Когда мы с мамой стояли на нашей половине, раздался звонок. Дверь открыла мама. Первой в дом вошла Рая. Она была красива как с картины. На плечи ей было накинуто пальто, белая фата и флер *d'orange* еще больше выделили красоту ее смуглого лица (на котором играл легкий румянец) и чудный блеск ее темных глаз, опущенных бархатными ресницами. К груди она прижимала икону Божьей Матери, хлеб-соль и букет. Женя шел позади тоже с иконой и цветком. «Добро пожаловать, молодая хозяйшюшка», - приветствовала мама Раю. Потом она по очереди благословила и поцеловала их, пожелав им счастливой жизни. «Живите дружно, любите друг друга. Ты, Рая, верь его любви», - говорила мама. «Ну, а теперь иди смотри свой волшебный замок». Первую комнату Рая оглядела довольно бегло, самое интересное ждало ее в следующей комнате. Слегка согнувшись, что придавало ей особую прелесть, Рая вошла в свой волшебный замок и так замерла на пороге. «Да поцелуй же ты его», - сказала мама. - Ведь это он все для тебя делал». Женя сам восторженно бросился целовать Раю. Мама показала Рае зеркальный шкаф. Потом Рая прошла в столовую. Женя притянул ее к себе и, целуя ей руки, говорил: «Теперь вся жизнь моя тебе». Он был как в экстазе. Мама говорила им о любви и полном доверии друг другу. Рая вышла в прихожую нас проводить. Женя бросился снимать с нее пальто. Она очутилась в своем чудном подвенечном наряде, и легкая, изящная, побежала в нашу комнату. «Здесь танцевать можно», - воскликнула она. Женя пошел вслед за ней. Затем мама поцеловала их еще раз, пожелав им хорошей богатой жизни, не оглядываясь, пошла к выходной двери, а они пошли по коридору к себе. Но Рая вернулась и стремительно бросилась к маме, подавая ей нательные образки для благословения на ночь. Я простилась с ней. Сердце мое невольно сжалось. На новую жизнь. Мы вышли и осторожно стали спускаться. Было темно, тихо и тепло, то же было и у меня на сердце. Мама говорила о Жениной любви, она глубоко верила, что с ним Рая будет счастлива. «Уж он так нежен, так нежен, даже меня-то все целует», - говорила она. Когда мы пришли домой, то там еще была тетя Саша. Она, конечно, стала расспрашивать, как и что. Вскоре она ушла в сопровождении Коли. Мы с мамой остались одни, мама дала мне ватрушки. Я была позорна голодна. Мама заговорила опять о Коле. Я сказала ей, что мой жених Константин Константинович, он был мне послан как Рая Жене в одно и то же

время в четырнадцать, пятнадцать лет. Я говорила, что чувствую, что пришло время любить: мне хочется выйти замуж, надеюсь, что таким образом я избавлюсь от моих тяжелых головолomных мыслей.

В понедельник 30-го на службе торопила время, хотелось скорее повидаться с Раей. Приехав домой, я узнала, что Коля уехал на вокзал за вещами. После обеда я легла и к удивлению моему крепко уснула, а потом села и начала писать дневник. Вскоре приехал Коля. Он сказал, что приехал на последнем трамвае. Наши молодожены не ехали и потому мы предположили, что им пришлось заночевать у Марии Григорьевны. Как было отрадно услышать их шаги по лестнице. Рая приехала хорошенькая, довольная. Я ее спросила: «Ну как?» «Ничего», - она улыбалась. довольная и счастливая. как ребенок. Мама принесла и поставила на стол ватрушку с морковью, которую мы предполагали снести им на новоселье. «Ну, хозяйничай же», - сказал Женя. Было уже поздно. «Ну, идем же скорее, сказал Женя, - а то не успеешь воды вскипятить» (он купил спираль).

31-го сентября. Когда я ехала в трамвае, то мысль моя была о Конст. Конст. Состояние мое было странное. Коротко я чувствовала, что пришла пора или замуж выходить или выдержать тяжелую борьбу. Когда я приехала, у нас еще был Коля, он был одет и собирался уезжать, я попросила его остаться, но я чувствовала, что он уедет именно потому, что ему у нас очень понравилось. Рая и Женя пригласили нас на новоселье. После обеда я помогла маме убираться. В девятом часу мы пошли к ним. Я снесла им маленький хлебец. Рая провела меня к себе в комнату. На письменном столе у нее сидела обезьяна, белочка и кукла. «Господи, какой она ребенок». И какое это удивительное замужество! Они нас угощали морковным соусом, хлебом, шоколадом, кофеем все на маленьком игрушечном сервизе. Потом мы кушали яблоки, орехи. У них было так уютно сидеть за круглым столом на кушетке при мягком свете розовой лампы, глядя на топящуюся печку.

5 августа 18. Понедельник. 1919 г. На службе, как и вообще за последние две недели, было мало работы. В половине четвертого я улетучилась со службы. Пришлось пропустить первый трамвай, потому что он прошел уже обвешанным. Не обошлось без маленького происшествия, а именно, несмотря или же благодаря предупреждениям, я, приняв (о, стыд) Царскосельский за Варшавский вокзал, так как Женя мне сказал, что первый будет Варшавский, разлетелась и понеслась на следующей вокзал в полной уверенности, что это Балтийский. Пришлось встать в очередь. Я была поражена как неожиданным ударом грома, когда контролер объявил мне, что я попала не на тот вокзал, и что до места моего назначения осталось с полверсты. В ужасе, что опоздаю, я побежала, насколько мне позволил мой саквояж, галоши и длинное пальто. Велика была моя радость, когда, приближаясь к вокзалу, я увидела, что было всего ½ 5-го, а поезд отходит через 10 минут. На перроне ожидал меня Женя. Рая уже сидела в вагоне и, к неудовольствию Жени, посадила меня рядом с собой. Женя спросил меня, не голодна ли я, но мне не хотелось есть. Наконец поезд тронулся. Замелькали вскоре поля. Вот и Горелово. Минута остановки. Спешно выпрыгиваем и идем через поле. Женя несет очень тяжелый мешок за спиной, у Раи в руках тяжелый саквояж. Мой – тоже не легкий, да кроме того, галоши трут ноги. Наконец мы вошли в деревню с дачными постройками, но я узнал, что это дачная местность, а в деревне действительно стоят маленькие избушки. Мы с Раей сели на скамью, а Женя, оставив мешок, пошел отыскивать лошадь. Небо было лазурное, солнце ярко светило, я упивалась минутками, жадно и с невольной грустью под влиянием своего нового сознания, что все в жизни, как хорошее, так и худое, проходит. Прошла женщина и спросила, где можно достать молоко. Мимо нас с молотьбы проехал воз с пустыми колосьями ржи. Мы подняли упавшие и нашли в них несколько оставшихся зерен. Пришел Женя, мы взобрались в телегу и поехали. Долго ехали мы, попались воза два, три с сеном, с сидящими на нем ребятишками. Когда мы подъехали к желтенькой избушке с палисадником, то я еле вышла из телеги, нога у меня была точно стянутая, и я

смеялась над этим, но, вернее, потому, что чувствовала себя довольной и счастливой. Мы вошли в сени, навстречу нам вышла старушка-финка, которой Рая представила меня. Через большую комнату с русской печкой мы прошли в тоже большую светлую комнату с цветами на окнах и чинно по стенам расставленными стульями. В следующей маленькой их спальне стоял стол и буфет. Рая принялась распаковывать вещи. Устроили ужин. Картофель, вобла, хлеб с маслом, сахаром, молоко. Подкрепившись и отдохнув немного, мы пошли бродить в лес. Там было сыро. Масса грибов и ягод мешала мне любоваться природой, которая была изумительно прекрасной, так что на минуту как зачарованная смотрела на золотящиеся солнцем поля и дальние избушки. Я была так счастлива. С сожалением вернулась я домой. Чистка грибов задержала нас до глубокой темноты. На следующий день мы встали рано в 8 часов. Утренняя прогулка по лесу и сборы грибов были у меня немного отравлены, потому что Рая и Женя нашли несколько грибов (белых), а я, несмотря на сильное желанье, не нашла и одного. В двенадцать часов Рая и я пошли к Жене на работы. Мы пошли под каменный мост на водопад, я сделала себе венок. Потом мы пошли к Жениному будущему окопу и начали собирать бруснику, ее было великое множество. После скромного завтрака опять пошли за грибами. Мы устроили костер и ели картофель совершенно черный. В этот раз счастье мое было полно, я как маленький ребенок смеялась и звала Женю и Раю, когда совершенно неожиданно нашла два белых гриба. Я даже не хотела сама срезать их. Потом я нашла еще несколько. Только в восемь часов вернулись мы домой и, захватив миску с грибами и все прочее, отправились в Женину контору варить грибы. Женя хозяйничал, Рая и я сидели на лавке и отдыхали. Мы наварили такую массу огненной грибной похлебки, что с трех приемов могли ее съесть. Было так весело! Утро было туманно, сыро и холодно, мы пошли пешком через лес. Как только я стала садиться в вагон, полил дождь. Грустно было уезжать из деревни с того приволья.